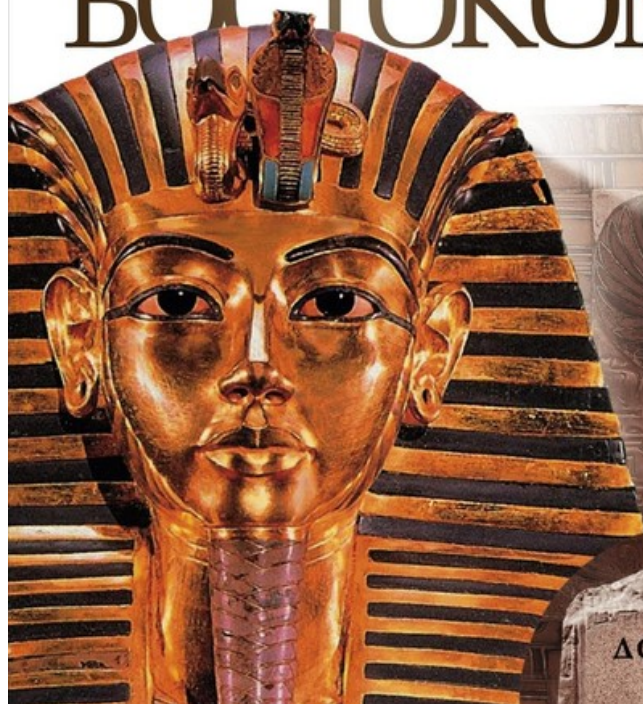

КОГДА

ЕГИПЕТ ПРАВИЛ ВОСТОКОМ

ПЯТЬ
СТОЛЕТИЙ
ДО НАШЕЙ ЭРЫ

Штайндорф Г., Зееле К.С. Когда Египет правил Востоком. Пять столетий до нашей эры //ЗАО Центрполиграф, Москва, 2013
ISBN: 978-5-9524-5052-3
FB2: "Chernov2" <chernov@orel.ru>, 17 June 2013, version 1.01
UUID: 54f12ccd-d7dc-11e2-b4a7-002590591dd6
PDF: org.trivee.fb2pdf.FB2toPDF 1.0, Dec 23, 2013

Георг Штайндорф
Кит С. Зееле

Когда Египет правил Востоком. Пять столетий до нашей эры

В течение пяти веков до нашей эры величественная цивилизация Египта правила на Востоке. Но постепенно она погибла, а ее история скрылась в разрушенных гробницах и храмах. Немецкий египтолог Георг Штайндорф и профессор египтологии Восточного института Чикагского университета Кит С. Зееле подробно восстанавливают эпоху Древнего мира: царей и завоеваний, богов и героев, жизнь людей и фрагменты вершин человеческой культуры — искусства, скульптуры, поэзии, архитектуры, помогающие восполнить представления о мире золотого века.

Содержание

#1

Глава 1 Как был найден потерянный ключ к истории Древнего Египта

Глава 2 Древнее царство и Среднее царство

Глава 3 Гиксосы

Глава 4 Освободительная война

Глава 5 Начало золотого века

Глава 6 Западная Азия в середине 2-го тысячелетия до н. э

Глава 7 Завоевания Тутмоса III

Глава 8 Золотой век: преемники Тутмоса III

Глава 9 Царь и администрация во времена Золотого века

Глава 10 Окружающие страны

Глава 11 Египетские иероглифы

Глава 12 Египетская религия

Глава 13 Искусство египтян

Глава 14 Аменхотеп IV (Эхнатон) и Реформация

Глава 15 Тутанхамон и конец восемнадцатой династии

Глава 16 Эпоха Рамессидов

Глава 17 Упадок Египта и потеря независимости

Основные события египетской истории

Георг Штайндорф, Кит С. Зееле
Когда Египет правил Востоком. Пять столетий до нашей эры

Посвящается Джеймсу Г. Брэстеду и Курту Зете

Глава 1

Как был найден потерянный ключ к истории Древнего Египта

19 мая 1798 года французский флот под командованием молодого генерала Бонапарта отплыл из Тулона, чтобы бросить вызов английскому владычеству в Египте. Наполеон надеялся, завоевав эту страну, создать оплот на Востоке, откуда французы угрожали бы британской власти и богатству в Индии. Хотя долина Нила вскоре перешла в руки Бонапарта, сложные политические условия во Франции заставили его в следующем году вернуться домой. В 1801 году Наполеон лишился власти над Египтом.

Несмотря на то что завоевание этой страны не удалось, поход Бонапарта привел к другому, несравнимо более важному результату. Он распахнул для науки дверь в прошлое Египта. Французский флот привез из Тулона не только солдат. На его кораблях плыло множество ученых и художников. До сего дня мы испытываем благоговейный трепет перед огромными томами и изданиями материалов, которые эти люди собрали за короткое время кампании Бонапарта. Бесконечные усилия также привели к широкому коллекционированию древних памятников. По условиям капитуляции при сдаче Александрии генерал Мену передал большую их часть британцам. Эти предметы стали основой изумительной коллекции древнеегипетских памятников Британского музея.

Одним быстрым движением был сорван покров загадочности, который так надежно окутывал Древний Египет и за которым ученые Древней Греции и восторженные писатели современности воображали существование огромного количества тайн. Ученый мир поразили изумительные памятники этой страны и ее древняя культура, которую он увидел впервые. Прошло немного времени, и рухнула последняя преграда, препятствовавшая изучению долгой истории Египта. Это произошло благодаря находке (см. вклейку фото 2) настолько необычной и значительной, что удачливый первооткрыватель немедленно приказал сделать оттиски с надписей и переслал их в Египетский институт, который Наполеон уже основал в Каире.

Сложностей с прочтением греческого текста в нижней части камня у французских ученых не возникло. Они обнаружили, что перед ними декрет, составленный мемфисскими жрецами в честь фараона Птолемея V Эпифана (205–180 гг. до н. э.) в 196 году до н. э. Документ описывал многочисленные жертвы, принесенные царем в египетские храмы, и восхвалял того за щедрость. Наконец, чтобы увековечить жреческий декрет, его приказали высечь на каменной плите «священными письменами [иероглификой], народным письмом [демотикой] и греческими буквами».

Такой тройной вариант записи декрета на Розеттском камне отражал гетерогенный характер египетского населения той эпохи. С VII века до н. э. и особенно со времени завоевания Египта Александром Македонским (332 г. до н. э.) множество греков, помимо представителей правящего класса и придворных, приезжали и селились в этой стране. Именно для них декрет был записан на греческом языке. Для египтян же существовали две разные версии. «Священные письмена» (иероглифика) явля-

лись древней системой письма, которую использовали тысячелетиями, но которую в тот период понимали лишь жрецы. С другой стороны, «народное письмо» (демотика) обычно применялось в официальных и торговых документах и переписке. Оно приблизительно соответствовало тогдашнему разговорному языку и было знакомо образованным слоям населения, но отнюдь не народным массам.

Греческая надпись на «трехязычном» Розеттском камне выявила один важный факт, имеющий огромное значение. Каждому сообразительному читателю было совершенно ясно, что верхняя часть текста, состоящая из древних символов-рисунков, средняя часть, написанная «народным», или, точнее, курсивным, письмом, и греческая часть должны иметь абсолютно одинаковое содержание. Таким образом, впервые появилось средство, при помощи которого можно было расшифровать египетскую надпись и проникнуть в тайну египетских иероглифов.

Ключ к пониманию египетского рисуночного письма был потерян со времен императорского Рима. Благодаря многочисленным памятникам, привезенным в Италию, и особенно в Рим, было ясно, что эта письменность состоит из множества изображений определенных предметов. Однако вопрос о том, как следует читать эти знаки, оставался открытым. В результате их стали толковать как символы с определенным смыслом для каждого изображения. Такая попытка, разумеется, привела к нелепым результатам. Например, знаменитый ученый-иезуит Афанасий Кирхер (1601–1680) перевел группу знаков, обозначавших римский императорский титул «автократор», так: «Творец плодородия и всех растений есть Осирис, чью животворную силу святой Мофта низвел с неба в царство свое».

В таких условиях открытие Розеттского камня вызвало в научном мире огромное потрясение! В 1802 году знаменитый французский востоковед Сильвестр де Саси опубликовал брошюру, посвященную центральной — демотической — части памятника, где попытался выявить содержащиеся в ней греческие имена собственные: Птолемей, Береника и Арсиноя. Основываясь на результатах де Саси, шведский ученый Окерblad столь успешно продолжил работу по дешифровке, что в том же году смог опубликовать весь алфавит курсивного египетского письма.

К исследователям иероглифического рисуночного письма на этом трехязычном памятнике успех пришел не так быстро. Лишь спустя двадцать лет ему было суждено вознаградить находчивость молодого французского ученого Жана Франсуа Шампольона, родившегося в Южной Франции в 1790 году. После того как английский физик Томас Юнг продвинулся вперед, узнав с помощью имени фараона Птолемея значение нескольких знаков, Шампольон независимо от него пришел к пониманию существования алфавита у египтян. Здесь невозможно со всеми подробностями рассказать о тех окольных путях и ошибочных предположениях, которым Шампольон следовал в течение десяти лет, предшествовавших 14 сентября 1822 года, когда он добился своей цели и смог в экстазе заявить о победе своего гения: «Je tiens l'affaire!»[1]

Через несколько дней работа была закончена. 27 сентября Шампольон представил ведущим ученым Франции очерк с результатами своего многолетнего труда, в котором с помощью методичных научных доказательств подтвердил, что иероглифическая система письма состояла в основном из алфавитных и других фонетических знаков. Они использовались не только для записи греко-римских имен собственных, чужеродных для египетского языка, но и для передачи таких чисто египетских имен, как имена фараонов Тутмоса и Рамсеса. Опираясь на этот принцип, Шампольон бы-

стро добился успеха. Уже в следующем году он опубликовал краткий обзор египетской иероглифической системы. К 1832 году, когда безвременная смерть оборвала его блестящую карьеру, ученый не только преуспел в чтении и переводе многочисленных египетских текстов, некоторые из которых были довольно трудными, но и оставил следующим поколениям полную египетскую грамматику и большой словарь.

В настоящее время египтология достигла такого уровня, что больше не нуждается в целом ряде более или менее вдохновенных догадок, чтобы получить примерный смысл надписи. Теперь ученый может перевести египетский текст почти так же, как его коллега пытается перевести отрывок с древнееврейского или арабского языка или прочесть греческий или латинский источник.

Успехи французской экспедиции дали стимул к более или менее систематическому поиску древнеегипетских некрополей, холмов, где когда-то стояли города, и развалин храмов во время кампаний, которые продолжались на протяжении XIX века и вплоть до наших дней. Для хранения находок были основаны египетские музеи, и коллекции время от времени значительно пополнялись за счет важных приобретений. Так, в течение столетия коллекции научных материалов в виде памятников, содержащих надписи, рукописей и предметов искусства выросли до огромных размеров и открыли постоянно расширяющееся поле для исследования. В результате сегодня мы можем исследовать историю и цивилизацию долины Нила от 4-го тысячелетия до н. э. до VII века н. э. (периода арабского завоевания) — непрерывно продолжавшееся культурное развитие, охватывающее почти пять тысячелетий, аналогов чему на нашей планете нет больше нигде. Мы можем узнать о деяниях длинной вереницы правителей на поле боя и в мирной жизни. Во всяком случае, нам открылись высокоразвитое устройство Египетского царства и выдающаяся политэкономия греко-римского периода. Мы достигли понимания религии этого народа, многочисленных бытовавших у них концепций относительно жизни после смерти и форм, которые они использовали для поклонения своим богам. Мы познакомились с их нравами и обычаями, развлечениями богачей и повседневной жизнью людей в городе и деревне. И прежде всего, мы обрели знания о египетском искусстве и технике ремесел — самом выдающемся наследии — и получили доступ в уникальный мир прекрасного.

Несмотря на множество сохранившихся памятников из камня или литературных произведений и прочих надписей на папирусе, коже, камне или дереве, а также то, что в Библии, в сведениях греков или клинописных памятниках вавилонян, ассирийцев и хеттов мы можем обнаружить повествования, проливающие свет на определенные периоды египетской истории, этого богатого материала все еще недостаточно, чтобы создать полную картину эпохи и событий. Иногда река преданий течет, словно стремительный поток, а иногда уменьшается до струйки, временами же — к счастью, очень редко — родник и вовсе высыхает. Поэтому в основном наше внимание привлекают периоды египетской истории, которые хорошо освещены сохранившимися надписями, в то время как теми, что полностью или частично лишены таких свидетельств, незаслуженно пренебрегают. По этой причине египетскую историю никогда не удастся рассмотреть с тем же единообразием, какое можно применить, например, к классическим народам Греции и Рима или к народам Европы в Средние века. Более того, для складывания ясной картины существует и еще одно препятствие. Большинство исторических памятников предназначались для официальной пропаганды с целью передать потомкам «правильное» представление о славе и власти фараонов. Пе-

реломные моменты переворотов и внутренней борьбы, столь распространенных на Востоке, так же как поражения в войнах за пределами страны, полностью обходили вниманием или интерпретировали так, что памятники оставляли впечатление во многом искаженное и приукрашенное, чтобы доверять им. Точно так же покров тьмы навеки должен остаться на личностях и характерах героев египетской истории: хроник и воспоминаний современников о них просто не существует. Этот серьезный пробел в исторических данных компенсирует огромное количество материала в области искусства и культуры, который охватывает практически каждую отрасль материальной и духовной жизни до степени, по широте и многообразию едва ли превзойденной в другой стране мира. В результате любая попытка изложить историю Египта полностью или частично должна уделять большое внимание египетскому искусству и культуре.

Как и у других народов древности, у египтян не было постоянной системы летоисчисления. События, которые они желали записать хронологически, связывались с определенными годами правления фараонов. В древнейшие времена их не подсчитывали, а, как в Древней Вавилонии, называли по произошедшим выдающимся событиям. Например, один год был обозначен как «год сражения и побивания жителей Севера», другой был увековечен как «год второго счета всего крупного и мелкого скота Севера и Юга». Этот неудобный способ постепенно был вытеснен более простым методом подсчета по годам правления, так что событие стало датироваться, например, «пятнадцатым годом Сенусерта [Сесостриса] III». Со временем, чтобы точно обозначить, когда произошло то или иное событие, жрецы составляли и записывали в храмах подробные списки царей, куда попадали имена и обозначения лет правления, а позднее и количество последних. Вполне возможно, что эти архивы являются основой и для царских списков, вырезанных на стенах разных храмов и гробниц, и для ценных таблиц, которые сохранились в историческом трактате, написанном египетским жрецом Манефоном (около 300 г. до н. э.). В этом труде Манефон разделил всех египетских правителей от древнейшего исторического царя Менеса до Александра Македонского на тридцать династий, в целом соответствующих разным царским династиям, которые последовательно, а иногда и одновременно пребывали у власти. Несмотря на определенные ограничения, в пользу удобства схемы Манефона говорит ее длительное использование современными исследователями. Некоторые связанные между собой династии, естественно, объединялись в группы, а те с течением времени приобрели собственные обозначения. Так, период, охватывающий время правления с Третьей по Шестую династии, называют Древним царством, время с Седьмой по Одиннадцатую династии — это Первый переходный период, Двенадцатая династия известна как Среднее царство, тогда как период с Тринадцатой по Семнадцатую династии в наши дни обычно описывают как Второй переходный период. Эра правления династий с Восемнадцатой по Двадцатую известна как Новое царство.

«Египет — дар Нила». Это высказывание Гекатея, впервые процитированное Геродотом и часто упоминаемое позднее, поразительно коротко и правильно выражает характер этой страны. На огромном, почти полностью лишенном воды пустынном плато, которое занимает всю северо-восточную часть Африканского континента, Нил, вытекающий двумя рукавами из огромного района озер в Экваториальной Африке и покрытых снегом гор Абиссинии, за бесконечные века с трудом пробил в песчанике и известняке глубокую долину. Ее нижний конец — земля Египта — благодаря повторя-

Ющимся ежегодным отложениям аллювия превратился в одну из самых плодородных почв на планете. Когда, наконец, в этой долине поселились люди, чтобы пасти здесь стада и возделывать землю, Нил подтолкнул их к цивилизации и культуре. Обильный поток, каждое лето устремляющийся на север после сильных дождей в районе истоков обоих рукавов Нила, чтобы затопить землю, нужно было систематически и постоянно приводить на поля. Необходимо было сооружать дамбы и выкапывать каналы. Болота требовалось осушить и превратить в луга. Однако такие действия земледельцы, вероятно, не могли совершить, работая в одиночку. Жители страны были вынуждены объединиться в крупные сообщества во главе с лидером, чья направляющая рука помогала им концентрировать усилия во имя общего блага. Так Нил заставил осознать необходимость соответствующего свода законов и упорядоченного государства. Для того чтобы рассчитать время подъема и спада разлива Нила и определить время для возделывания полей, требовалось наблюдать за сменой сезонов и движением звезд. Всякий раз, когда необычно обильный разлив Нила стирал границы между соседними участками земли, что происходило часто, нужно было заново обмерять поля и записывать результаты нового обмера в официальных документах. И вновь именно Нил привел к развитию письма, системы счета времени на основе постоянного календаря и изучению астрономии. Когда позднее, в исторический период, строились грандиозные пирамиды и огромные храмы, а в честь богов и царей устанавливались гигантские статуи и обелиски, опять-таки Нил упростил или даже сделал возможной доставку тяжелых строительных материалов. По его широкой глади огромные гранитные блоки везли от южной границы Египта до самого Мемфиса или далекого Таниса в северо-восточной части дельты. Великая река всегда являлась для страны необходимым источником жизни, от которого зависело благополучие жителей. Необычно обильный разлив Нила мог разрушить деревни и лишить людей крова. Недостаточно высокий паводок мог подвергнуть их мучительному голоду. С другой стороны, обычный разлив приносил благополучный год. Удивительно ли в таком случае, что египтяне обожествили реку, назвав ее Хапи (см. вклейку фото 3)? Они славили этого бога во вдохновенных гимнах, именуя тем, «кто приходит, чтобы накормить Египет», или «приносящим пищу, богатым пропитанием и создателем всех хороших вещей».

Первые следы присутствия человека в Египте обнаружены на пустынных плато в южной части долины Нила. Это были грубые кремневые орудия, по внешнему виду похожие на найденные в других районах Северной Африки и Западной Европы. Их следует отнести к древнейшей эпохе палеолита — далекому доисторическому периоду. В те времена Египет, каким мы его знаем, еще не существовал. Море простиралось до Верхнего Египта и занимало всю долину. Нам ничего не известно о том, что за люди населяли окружающие плато, изготавливали и использовали эти орудия труда.

Примерно за 6 тысяч лет до н. э. Египет приобрел современный географический облик. Его население, если судить по языку, появилось в результате смешения по меньшей мере двух разных элементов: палеолитических аборигенов и хамитских племен. Последние лингвистически были тесно связаны с семитами Ближнего Востока, аккадцами Вавилонии, финикийцами, евреями, арамеями и арабами. Они жили на берегу Средиземного моря в Северной Африке, но постепенно в результате изменений климата, из-за которых в их родных местах невозможно было получить достаточно пищи, переместились в долину Нила. Возможно, что нилоты хлынули в Египет с юга,

тогда как с востока через Синайский полуостров или через Красное море пришли семиты, принеся с собой сельскохозяйственные занятия. В течение нескольких веков эти разные элементы смешивались, пока их изначальные этнические особенности не были полностью утрачены. В результате появился новый народ — египтяне, которым было суждено создать культуру исторического периода.

Египтяне исторического периода не сохранили воспоминаний о том, откуда они пришли на эту землю. Они считали себя ее исконными жителями и с самодовольной гордыней именовали себя «людьми», в отличие от своих соседей — ливийцев на западе, азиатов на востоке и нубийцев на юге.

Глава 2

Древнее царство и Среднее царство

Несмотря на то что жители Египта говорили на схожих диалектах и обладали определенной общностью культуры, у них отсутствовало ожидаемое политическое единство. Это преимущество было обретоено незаметно, возможно, в течение нескольких столетий развития. Сначала страна состояла из множества независимых городов-государств, которые в определенной степени продолжали существовать в номах и в исторический период. Однако даже в ранний период попыткам добиться более тесного политического объединения сопутствовал некоторый успех. В результате появились два могущественных государства: Северное царство, территория которого совпала с дельтой Нила, и его южный противник, границы которого простирались практически от современного Каира до первого порога Нила в Асуане, а возможно, и дальше в Нубию. Древнюю религиозную столицу Северного царства традиционно локализуют в Бехдете, близ Тель-эль-Баламуна. Главным символом его правителя была «красная корона». Резиденция владыки Южного царства находилась в Омбосе рядом с современным городом Накада на левом берегу Нила. Он носил особый вид «белой короны». Кроме того, каждая из «Обеих Земель» имела свое геральдическое растение. Северное царство выбрало папирус, который в изобилии рос на болотах Нижнего Египта и потому мог считаться наиболее характерным растением этой страны. Растение Южного царства с точки зрения ботаники не было идентифицировано, но о нем обычно, хотя и не очень точно, говорят как о лилии или лотосе (см. вклейку фото 38). Бытование всех этих символов, как и многие другие следы древнейшего периода, можно проследить на протяжении всей истории Древнего Египта.

По всей вероятности, два египетских государства в течение многих веков процветали рядом друг с другом, часто сталкиваясь в вооруженных конфликтах. Наконец Северное царство утвердило свое господство над южным соседом, и они объединились в одно государство. Гелиополь (библейский Он), «город солнца», находившийся в окрестностях современного Каира, являлся религиозной, а возможно, и политической столицей объединенного Египетского царства.

Как долго продолжалось это политическое единство, установить невозможно. В любом случае спустя некоторое время Южное царство опять обрело свою независимость, и два политических объединения, соответствующие двум землям древнейшего периода, возникли снова. Однако это новое политическое развитие сопровождалось выбором новой столицы в каждом из двух государств. Резиденцией северного царя стала «двойная» столица Пе и Деп (Буто), тогда как соответствующую роль в Верхнем Египте играли Нехен и Нехеб, расположенные на противоположных берегах Нила в районе современного города Эль-Каба. Между двумя землями вновь начались войны. Они увенчались победой Юга и долговременным объединением Верхнего и Нижнего Египта.

Возможно, создателем нового объединенного царства был Менес, ибо его имя стоит в начале традиционного списка египетских правителей. Именно с него начинается настоящая история Египта. Он также является первым правителем, о котором сами

египтяне располагали определенными сведениями. Например, согласно им, Менес считался создателем «Белой Стены» — города, позднее известного как Мемфис. О древнейших правителях двух государств помнили мало. Египтяне думали, что это были сверхъестественные существа или духи, занимавшие промежуточное место между людьми и богами. В древних столицах их душам поклонялись как полубогам: в Буто они приняли форму соколов, а в Нехебе их изображали в виде шакалов.

Материальная культура этого раннего периода обладала чертами, характерными для позднего каменного века (неолита). На окраине дельты, где начинается пустыня, были обнаружены несколько нижнеегипетских поселений (например, Меримда, Бен-Салами, Омари), где процветала культура позднего каменного века. Там жили земледельцы, имевшие огромное количество керамики, но не знавшие меди. В Верхнем Египте от того времени сохранилось множество кладбищ. В настоящее время современные названия некоторых из них являются привычными обозначениями разных стадий первобытного периода египетской культуры. Первая из них, обнаруженная в конце XIX века, имела две фазы, известные как Накада I и Накада II. Через тридцать лет после этого Брантон открыл в Бадари культуру, которая существовала примерно в то же время, что и Накада I. Третья, обнаруженная в Амре и относящаяся приблизительно к тому же периоду, что и две другие, дала свое название — «амратская культура» — всей группе Накада I. (Питри проводил раскопки в Накаде в 1895 г. — *Пер.*)

Носители амратской культуры, вероятно, являлись пастухами и охотниками, ведущими полукочевой образ жизни, и принадлежали к восточнохамитским народам. В их культуре важную роль играли оружие, слоны, гиппопотамы и охотничьи собаки. Наиболее характерными для их керамики являются монохромные красноощенные сосуды, красные сосуды с черным верхом, а также сосуды, расписанные геометрическими узорами и узорами, имитирующими плетеную корзину. Эти люди хоронили умерших на кладбищах, изолированных от поселений, в отличие от земледельцев Нижнего Египта, проживавших в Меримде и Омари и устраивавших могилы внутри поселений. Последние принадлежали к северо-западной ветви хамитских народов.

Культура Накада II распространилась гораздо шире, чем любая из существовавших прежде. От Нижней Нубии на юге до Герзы (благодаря которой она получила название «герзейская»), Абусира-эль-Малика и Маади южнее современного Каира было обнаружено множество кладбищ, относящихся к тому периоду. Герзейская культура сложилась благодаря естественной эволюции амратской, на смену которой она пришла. Египетская культура в тот период поднялась на более высокий уровень. Могилы были устроены более сложно, а тела погребены с большей заботой. Многие ранние сосуды были заменены новыми формами. В Египте впервые проявились иноземные влияния. Возникли разные типы керамики, по форме и украшению похожие на палестинские и сирийские сосуды. Получили распространение темно-желтые сосуды с волнистыми ручками и сосуды с красным орнаментом и изображениями птиц, животных и грубо показанных людей. Орнаменты на цилиндрических печатях и других предметах, так же как могилы с кирпичными стенами с нишами, обнаруживают большое сходство с месопотамскими, которые относятся к периоду Джемдет-Насер. Начинают появляться небольшие статуэтки. Охота и рыболовство частично утратили свое значение, а роль земледелия и скотоводства возросла, и с того времени последние стали основой египетской экономики. Герзейский период привел египетскую культуру к началу династического периода.

До наших дней сохранились памятники некоторых из последних царей додинастического периода. Один из них, «Скорпион», уроженец Иераконполя (Нехена), похоже, вел успешные войны на севере, в районе Туры (к северу от Мемфиса). Его преемником, вероятно, был Нармер, чья знаменитая палетка из сланца является одним из первых великих исторических памятников человечества. Изображенный на ней рельеф показывает, что Нармер завоевал дельту и потребовал нижнеегипетскую корону, однако неясно, смог ли он собрать достаточную военную мощь, чтобы объединить обе земли. Это достижение традиция приписывала его преемнику Менесу, первому царю Первой династии.

Однако имя Менеса редко встречается на памятниках. Его можно отождествить с Аха («Бойцом»), если только последний не сменил его на троне. Столицей Аха был Тин, а похоронили этого властителя в соседнем Абидосе. Чтобы сохранить северные завоевания своих предшественников и свои собственные, Менесу и Аха обязательно было находиться рядом с дельтой. Поэтому основание Мемфиса, который явно подразумевался под вторым названием «Белая Стена», являлось военной необходимостью. Новый город стал северной столицей, значение которой все возрастало. Вскоре она заменила южную столицу Тин и обрела собственный обширный некрополь в Саккаре, где располагались огромные роскошные гробницы вельмож и придворных, занимавших высокое положение. Хотя остальные цари Первой династии — Джер, Уаджити, Удиму, Аджиб, Семерхет и Ка — были похоронены в Абидосе, первые три правителя Второй династии, о которой мало что известно, приготовили себе гробницы рядом с новой столицей — Мемфисом.

В этом новом некрополе, Саккаре, Джосер, с которого началась Третья династия, велел своему одаренному архитектору Имхотепу впервые возвести царский заупокойный комплекс целиком из камня. Его центральным элементом является огромная ступенчатая пирамида, скрывающая настоящее место погребения фараона. Помимо ступенчатой пирамиды священное пространство включало гигантский заупокойный храм с помещением для царской статуи, гробницы нескольких царевен, огромный храм, посвященный царскому юбилею, праздничный зал, украшенный уникальными колоннами, и множество других сооружений. Несмотря на то что комплекс был построен из небольших каменных блоков, многочисленные детали изящных украшений свидетельствуют о том, что все сооружение имитировало деревянные прототипы. Это величественное достижение Имхотепа, во многом восстановленное в наши дни, до сих пор можно видеть в Саккаре.

Во времена правления фараона Четвертой династии Снефру для царской гробницы использовали форму настоящей пирамиды. К эпохе этой же династии нужно отнести и три самые большие и известные пирамиды в Гизе. Своим строителям — царям Хуфу, Хафра и Менкаура — они обеспечили немеркнущую славу. Спустя почти сорок пять столетий пирамиды являются безмолвными свидетелями их безграничного богатства и власти. Вполне естественно было бы задать вопрос, как Хуфу отважился на попытку возвести в качестве своей усыпальницы такое огромное сооружение, как Великая пирамида (см. вклейку фото 4), высотой более 146 метров и объемом не менее 1 911 387 кубических метров камня. Ведь в момент восхождения на трон у него не было уверенности, что его правление продлится достаточно долго, чтобы завершить эту важную задачу.

Ответ достаточно прост. На самом деле каждый новый царь был реалистом в достаточной степени, чтобы планировать строительство такой пирамиды, которую можно было бы закончить за несколько лет. По мере того как правление продолжалось, правитель просто дополнял сооружение новыми слоями кладки, пока не приходил к выводу, что оно достойно его положения.

У подножия каждой пирамиды возводили храм, посвященный культу умершего царя. Он был связан длинным крытым проходом с храмом меньших размеров, построенным в пустыне на границе возделываемой земли.

Вокруг пирамиды царя рядами располагались гробницы принцев, вельмож, а также чиновников разных рангов, рельефы и надписи которых открывают нашему взору яркую картину государства эпохи пирамид и его цивилизации. Во главе этого государства стоял абсолютный монарх — фараон, от которого зависел весь четко организованный бюрократический аппарат вплоть до последнего человека. Самые важные и влиятельные правительственные должности — прежде всего совмещенные обязанности визиря и главного судьи — отдавались в руки членов царской семьи. Надо полагать, что сам фараон владел значительной частью земель, которые возделывали рабы, вынужденные отдавать все произведенное двору, а также дополнительно трудиться на строительстве дамб, каналов, храмов и пирамид (см. вклейку фото 5). Князья и провинциальная знать явно имели собственные земли и рабов, но при этом находились в определенной зависимости от двора и фараона.

После того как со смертью сына и преемника Менкаура Шепсескафа трон был передан новой правящей династии, государство какое-то время сохраняло свое прежнее могущество, хотя едва заметные признаки грядущего упадка центральной власти начали проявляться. Рельефы на стенах гробниц, изображающие повседневную жизнь, работу на полях, в больших поместьях или развлечения богатых вельмож, а также каменные и деревянные статуи, обеспечивавшие бессмертие крупным чиновникам и их слугам и служанкам, — все это отражало своеобразие и силу, не имевшие аналогов в другие эпохи.

Правителей Пятой династии хоронили к югу от Гизы, в Абусире, в пирамидах, размер и совершенство конструкции которых нельзя сравнить с пирамидами Хуфу и его преемников. Каждый из царей Пятой династии возвел в этом месте особый храм для своего «отца» — солнечного бога.

Последний включал открытый двор с большим обелиском, который возвышался над огромным, сложенным из обработанных камней основанием, покоившимся на кладке, облицованной блоками красного гранита. Перед святилищем, если судить по единственному уже раскопанному примеру, находился гигантский алтарь из алебаstra, где приносили жертвы божеству. Двор был окружен проходами, богато украшенными прекрасными рельефами, часть которых изображала празднование царского юбилея, а другие — типичные события, происходившие в разные времена года. Помимо скудной информации, происходящей из развалин Абусира, нам мало что известно об этих правителях. Последним из них был Унис, построивший для себя пирамиду в Саккаре. Стены ее внутренних помещений впервые покрыли религиозными иероглифическими надписями.

Возможно, Пятая династия была свергнута в результате жестокой внутренней борьбы. Правители новой, Шестой династии быстро восстановили порядок, однако их власть в стране ослабла и была обречена уступить постепенно растущей независимо-

сти номархов разных провинций (номов). Централизованное государство эпохи пирамид постепенно превратилось в феодальное. Разумеется, за границами страны слава Египетского царства продолжала распространяться. Множество успешных военных кампаний на суше и на море были проведены против жителей Южной Палестины. Их укрепленные города были захвачены и разрушены, а плодородные поместья преданы огню и мечу. Крупные торговые экспедиции отправлялись вверх по Нилу до Северного Судана, чтобы привезти в Египет редкие товары из Центральной Африки.

Однако прошло немного времени, и последовали еще худшие волнения, до основания потрясшие основы государства. Полное отсутствие исторических записей того периода оставляет нас в неведении относительно событий, происходивших во времена правления последних царей Шестой династии. Социальные потрясения привели к разрушению всех существующих институтов. Правящие классы лишились власти и богатства, воцарился хаос, и не было никаких надежд на будущее. Древний текст рисует ужасную картину того периода:

«Бедняки в стране стали богачами, а владельцы собственности превратились в нищих... Владевшие нарядами теперь в лохмотьях, а тот, кто не мог ткать для себя (поскольку был вынужден работать на других), теперь хозяин прекрасного полотна... Тот, кто не мог построить себе лодку, теперь владеет кораблями, тогда как тот, кто некогда владел ими, смотрит на них, но они больше не принадлежат ему... Смех исчез, его больше не слышно. Теперь землю наполнили стенания, смешанные со скорбными воплями».

В тот период лишений и раздоров князь из Гераклеополя по имени Хети (около 2240 г. до н. э.) смог сосредоточить в своих руках достаточную власть, чтобы основать царство, охватывавшее северную часть долины Нила, а возможно, и часть дельты. Поздняя греческая традиция, рассказывавшая, что этот «Ахтой [Хети] был более жестоким, чем любой из его предшественников, и причинил зло каждому в Египте», свидетельствует о могуществе основателя Девятой династии. При двух гераклеопольских династиях (около 2240–2050 гг. до н. э.) египетская культура вновь расцвела. Хети IV (около 2100 г. до н. э.) составил для своего сына Мерикара знаменитую книгу «поучений». Малоизвестный гераклеопольский период породил такое количество сохранившихся памятников классической египетской литературы, что вполне заслуживает названия золотого века.

В верхнеегипетском городе Фивы могущественная княжеская династия правила независимо от царей Гераклеополя. Эти Интефы и Ментухотепы не играли важной роли в период Древнего царства и никогда не обладали заметным политическим влиянием. Мало-помалу они смогли распространить власть своей династии на территорию всей провинции и присоединить к своим владениям Абидос. В жестокой гражданской войне, в которой в качестве самых верных сторонников гераклеопольских царей участвовали могущественные князья Асьюта, победу одержали фиванцы. Весь Верхний Египет и дельта признали власть фиванских правителей, которые гордо присвоили себе прежний титул «царя Верхнего и Нижнего Египта». Фараоны Одиннадцатой династии, разумеется, были неспособны добиться полного умиротворения страны, восстановить порядок и подавить все восстания.

Только во времена правления следующей династии Египет снова достиг состояния внутреннего порядка и процветания, сравнимого с Древним царством. С уроженца Фив Аменемхета I, чьи предки, вероятно, служили предыдущим царям, началась Две-

надцатая династия. Этому фараону досталась нелегкая задача поставить на место непокорных вельмож.

«Он уничтожил неправду... и восстановил то, что нашел в руинах, и то, что один город захватил у соседнего. Он сделал так, что один город знал свою границу от другого. Он установил их пограничные камни твердо, как небо, ибо он знал их орошаемые владения согласно тому, что было в записях. Они были проверены согласно тому, что было в древних записях, поскольку он любил справедливость».

Новый правитель не решился сделать только одно: он не лишил правителей провинций (номархов) той независимости, которую они обрели при царях Шестой династии и в последовавший период хаоса, и не перевел их в разряд придворных, выполнявших разные поручения, каковыми они являлись при фараонах Древнего царства. Царь передал им их владения, которыми они управляли. Таким образом, сохранилось феодальное государство, полностью упраздненное при могущественных фараонах Сенусерте II и Сенусерте III.

Хотя цари Двенадцатой династии являлись выходцами из Фив, политическая целесообразность заставила их перенести столицу на север в Иттауи близ Фаюмского оазиса, где встречались Верхний и Нижний Египет. И действительно, этой провинции фараоны уделяли самое пристальное внимание. Многие поместья в районе Фаюма орошались благодаря рукаву Нила, в наши дни известному как «Бахр-Юсуф». От возможных наводнений их защищали большие дамбы, а уровень вод контролировался при помощи вырытых каналов, которые направляли их в «Большое озеро» — столь восхищавшее греков озеро Моэрис, расположенное на северо-западной окраине оазиса. Для богов в большинстве городов Египта были возведены новые храмы или восстановлены старые, однако предпочтение во время этого строительства отдавалось Фаюму. В главном городе Шедет, или Крокодилополе, для местного бога Сухоса (Себека) был сооружен прекрасный новый храм с озером, где держали священных крокодилов. К западу от столицы на краю пустыни, близ современной Хавары, рядом со своей пирамидой Аменемхет III построил огромный заупокойный храм с бесчисленными дворами и колоннадами. Это был так называемый «Лабиринт», подробно описанный Геродотом и Страбоном. Однако в наши дни от одного из крупнейших и самых знаменитых сооружений Древнего Египта осталось всего несколько камней. («Канал Иосифа». — *Пер.*)

Несмотря на то что в основном цари Двенадцатой династии предпочитали свою новую столицу в Фаюме, не пренебрегали они и областью Амона в Карнаке, в прежней столице Фивах. Сенусерт I построил в неизвестном месте в Карнаке чудесную окруженную колоннами часовню из известняка, чьи стены покрывали прекрасные барельефы, выполненные с большим искусством. В конце Восемнадцатой династии то ли из-за того, что она разрушилась, то ли потому, что она считалась не соответствующей новому стилю в искусстве, Аменхотеп III использовал ее известняковые блоки вместе с материалами из других разобранных храмов для заполнения своего пилона (см. гл. 13). Недавно их обнаружили и извлекли на свет. Многие из этих блоков оказались неповрежденными, так что возможным стало полностью восстановить часовню на произвольно выбранном месте в Карнаке — целый небольшой храм изящных пропорций, единственный пример сооружения такого типа, сохранившийся от периода Среднего царства.

С древнейших времен Египет вел торговлю с финикийской столицей Гебалом (Библом). Египтяне получали из этой страны вино, различные масла для погребальных целей и кедровые деревья с гор Ливана, которые использовали для строительства кораблей, мачт и флажштоков, изготовления саркофагов и различных предметов мебели. В свою очередь, египтяне поставляли золото, изделия из металлов и писчие материалы, в особенности ценный египетский папирус. Купцы отправлялись с караванами по суше, однако больше была развита морская торговля.

Она осуществлялась на египетских кораблях, специально предназначенных для этой цели, так что их называли «бибскими путешественниками». Египетская торговля и культура оказали на Библ огромное влияние, хотя на самом деле он не был египетской колонией. Его правитель получал от фараона ценные подарки, с гордостью называл себя по-египетски «Сыном Ра, любимым богами земли его» и использовал египетский царский протокол. Финикийские ремесленники при украшении изделий из металла и предметов прикладного искусства применяли египетские орнаменты и иероглифы, а египтяне, в свою очередь, заимствовали из Финикии определенные процессы обработки металлов.

Власть Двенадцатой династии особенно проявилась в повышении авторитета Египта за границей. Медные рудники Синая, работа на которых остановилась со времен Шестой династии, стали разрабатывать снова. В каменоломни Вади-Хаммамат, расположенные между Нилом и Красным морем, отправлялись экспедиции, чтобы добыть материалы для постройки храмов и вырезания колоссальных статуй. Египетские корабли бороздили воды Красного моря на пути к далекой и почти легендарной стране Пунт, располагавшейся на побережье Сомали, с целью обменивать товары из долины Нила на желанные африканские благовония. Фараоны совершали нападения на Ливию и прилагали усилия, дабы распространить влияние Египта в Палестине и Сирии. В глазах правителей-купцов Палестины пресловутые богатства Египта и его престиж служили его торговцам рекомендацией. Некоторые князья, особенно владыки цветущей земли Угарита, столица которых располагалась в месте, сегодня известном как Рас-Шамра, были рады заключить с фараонами союз. Сенусерт I посылал правителю Рас-Шамры подарки. Найденная здесь статуя царевны Хнумет-нефер-хеджет, супруги Сенусерта II, сфинкс Аменемхета III, обнаруженный близ входа в храм Бала в Рас-Шамре, и скульптурная группа египетского «визиря, судьи и правителя города» Сенусертанха с двумя женщинами из его семьи свидетельствуют, что египетское влияние в этом важном портовом городе и торговом центре было прочно установлено с первых лет правления Двенадцатой династии.

Хотя египтяне в период Среднего царства преуспели в обретении опоры в Палестине и Сирии, их влияние не ограничивалось только прибрежными городами. Сенусерт III, согласно краткому отчету одного из его военачальников, дошел до Секмема — возможно, речь идет о ветхозаветном Сихеме.

Особое значение в период Среднего царства приобрела морская торговля Египта с Критом, однако доказательств тому, что прямые контакты были установлены с Эгейскими островами или материковой Грецией, нет. Наоборот, в Египте Среднего царства найдено мало привозных минойских товаров, среди которых сосуд среднеминойского периода II из гробницы времени Двенадцатой династии в Абидосе и несколько черепков того же периода из Хараги и Лахуна.

Намного лучше мы информированы о египетских военных кампаниях против Нубии в верховьях долины Нила, где условия для сохранения и раскопок памятников более благоприятны. Власть над Нубией была жизненно важной для Египта и из-за торговых связей с Суданом, и из-за доступа к золотым рудникам к востоку от Нила, который она обеспечивала. Войны с Нубией начал Аменемхет I и с определенным успехом продолжал его сын Сенусерт I. Однако окончательно ее завоевание завершил только Сенусерт III. Тогда к Египту была присоединена территория Нубии до района второго порога Нила близ Вади-Хальфа (см. вклейку фото 21), а граница была отмечена надписью почти в 40 милях (около 64 км) дальше этого места. Царь предостерегал своих преемников: «Любой сын мой, который сохранит эту границу, что я сделал, истинно сын мой и был рожден для меня. Ибо хорош сын, защищающий отца своего и сохраняющий границу того, кто породил его. Что же до того, кто потеряет ее и не будет сражаться за нее, он не сын мой и не был рожден для меня». Завоеванные области были защищены укреплениями, часть которых сохранилась до настоящего времени, «чтобы ни один нубиец не мог пересечь границу по воде или по суше... и никакие отряды нубийцев».

Естественно, египетские торговцы проникали вверх по Нилу дальше, чем распространялась политическая власть. В Керме к югу от третьего порога было построено укрепление «Стены Аменемхета» и основана торговая колония.

Одновременно с расширением египетской власти за пределами страны наступил расцвет искусства и литературы. Последующие поколения считали литературные произведения, созданные в то время и немного ранее, в гераклеопольский период, эталонами, и даже во времена господства римских императоров продолжались попытки подражать «классическому» языку того периода.

В течение двухсот лет преемники Аменемхета сохраняли свою власть над Египтом и поддерживали порядок и мир в стране. Однако следующие полтора столетия снова принесли распад. Одновременно с правителями Тринадцатой династии, имевшими фиванское происхождение и обосновавшимися в Иттауи, в Ксоисе в западной дельте пришла к власти Четырнадцатая династия, о которой мало что известно. Обе династии включали большое число царей, которые обычно правили совсем недолго. Есть основания полагать, что при Тринадцатой династии передача трона утратила наследственный характер и что избранные правители нецарского происхождения занимали престол на короткое время, в то время как государственные дела большей частью строго контролировали визири, должность которых передавалась по наследству. Некоторые цари оставили по всей стране множество больших и маленьких памятников, однако зачастую они были выполнены очень грубо. Часть этих людей носила семитские имена. Это явный знак роста азиатского населения, проникавшего в дельту и готовившего сцену для той ужасной катастрофы, которая должна была обрушиться на Египет незадолго до 1700 года до н. э., — завоевания гиксосами.

Глава 3

Гиксосы

Рассказ Манефона о вторжении гиксосов, как и вся написанная им история Египта, не сохранился, но, к счастью, часть его процитировал еврейский историк Иосиф Флавий. Манефон пишет, что в какой-то момент, который мы теперь называем Вторым переходным периодом, «нас поразило проклятие бога». «И неожиданно из областей Востока люди происхождения непонятного пошли с уверенностью в победе против земли нашей. Силой они легко захватили ее, не сражаясь, и, одержав верх над правителями земли, безжалостно сожгли они города наши, сровняли с землей храмы богов, а со всеми жителями обращались с бесчеловечной жестокостью... Наконец они назначили царем одного из своих, которого звали Салатис». Манефон назвал этих захватчиков «гиксосами», что в его переводе на египетский язык означало «царипастухи». Он добавляет: «Ибо *гик* на священном языке означает „царь“, а *сос* в просторечии „пастух“ или „пастухи“, отсюда составлено слово „гиксос“». На самом деле перевод этого слова Манефоном не совсем верен. В египетском языке действительно было слово *гик*, которое означало «правитель» или «властитель», тогда как второе слово *шос* означало «пастух» на поздних стадиях развития языка. Объяснение Манефона является лишь поздней народной этимологией. На самом деле слово «гиксос» восходит к египетскому выражению *хеку шесут*, которое позднее произносилось приблизительно как *хику шосе*. Оно означает «правители чужих земель». Таким образом, это был египетский титул, хвастливо присвоенный самими вождями гиксосов и позднее, возможно, распространенный египтянами на весь народ захватчиков.

Так кем же были гиксосы? Несмотря на то что в этническом смысле они, вероятно, не представляли единый народ, среди них, без сомнения, преобладали семиты. Присутствие других народов (хурритов или ариев) в настоящее время нельзя считать доказанным. Для всей Западной Азии XVIII век до н. э. являлся периодом нестабильности, известно, что происходили переселения разных народов. Считалось, что миграция гиксосов в Египет представляла самую западную волну этого процесса. Тем не менее археологическое изучение материальных свидетельств, датированных гиксосским периодом, создает лишь расплывчатую картину природы и власти этих захватчиков. Переселение могло начаться с пастухов, двинувшихся в восточную дельту, чтобы пасти свои стада, а позднее усилилось за счет отрядов хорошо вооруженных соплеменников под предводительством честолюбивых людей, восставших против ослабевавшей египетской власти в Палестине и Сирии.

Возможно, новое доказательство происхождения гиксосского вторжения можно обнаружить в недавно найденных «текстах проклятий», которые действительно называют иноземных мятежников, считавшихся опасными для Египта. Разделение власти во времена Тринадцатой династии представляло прекрасную возможность для проникновения или вооруженного вторжения с востока. Появившийся гораздо позже рассказ Манефона о том, что гиксосы «со всеми жителями обращались с бесчеловечной жестокостью, убивая одних и уводя в рабство жен и детей других», предполагает военные вторжения вооруженных людей, которые захватили политическую власть и

образовали семьи, женившись на местных женщинах.

Считалось, что гиксосы достаточно хорошо и долго жили в Сирии и Палестине, чтобы возвести там большие крепости, такие как Каркемиш, Катна, Газа (Тель-эль-Аджуль) и Шарухен (Тель-эль-Фара). Однако нет доказательств, что строителями этих укрепленных городов были завоеватели Египта, которых мы называем гиксосами. Если это действительно так, то удивительно, что они не строили таких же укрепленных городов в единственной стране, которой они, как точно известно, правили. Было доказано, что так называемые гиксосские укрепления в Гелиополе и Тель-эль-Яхудии являются всего лишь остатками оснований египетских храмов.

Кроме того, раскопки гробниц гиксосского периода не показывают значительных изменений в погребальных обрядах и разрыва с прежней культурой. Хотя захватчики установили в Аварисе культ Сета, они также продолжали поклоняться местным египетским богам. Правители изображали себя официальными преемниками фараонов. Они приняли традиционный царский протокол, царские имена, включающие имя бога Ра, и называли себя, подобно египетским фараонам, которых сменили, «сыновьями Ра» или «Хорами».

Письменных свидетельств завоевания Египта гиксосы не оставили. Фактически, они почти не оставили крупных памятников. То, что мы о них знаем, собрано по крупицам из множества скарабеев — распространенных в Египте амулетов в виде жуков — цилиндрических печатей и немногих отдельных предметов: небольшого сфинкса с головой царя и семитскими чертами лица, рвущего когтями египтянина, кинжала с характерными изображениями животных на рукоятке, фрагмента палетки для письма, подаренной царем Апопи (одно из самых распространенных имен у гиксосских владык) своему секретарю Ичу. Возможно, самыми большими и единственными по настоящему «монументальными» следами завоевателей являются несколько блоков каменного сооружения, обнаруженных в нескольких километрах к югу от Фив в Гебелейне, на которых обнаружены имена царей Хиана и Апопи Аусерра.

Эти скудные источники, интерпретация которых требует предельной осторожности, могут свидетельствовать о неограниченной политической власти гиксосов в Южной Палестине или даже еще севернее. Отсюда они двинулись на запад, в дельту Нила, сделали своей столицей Аварис, расположенный на месте Таниса или около него, и затем распространили свою власть дальше. Так называемая Стела четырехсотлетия — памятник, который Рамсес II установил в Танисе, чтобы отметить введение там за четыреста лет до начала династии Рамессидов культа главного бога гиксосов Сета, — может означать, что гиксосы начали властвовать в Египте около 1725 года до н. э.

Примерно в то время египетский царь Дедмесу правил в своей древней столице Иттауи близ Мемфиса. Возможно, он был последним независимым правителем Тринадцатой династии, тождественным Тутимайосу, при котором, согласно Манефону, гиксосы вторглись в страну и избрали царем Салатиса. Хотя невероятно, чтобы Салатис или его ближайшие преемники смогли распространить свою власть на весь Египет, надежные доказательства наводят на мысль, что после них стали царствовать более могущественные правители, которые контролировали как Египет, так и Нубию. Попытки разделить их на две гиксосские династии — сильную Пятнадцатую и более слабую Шестнадцатую, — в основном опираясь на стилистическое развитие и (весьма неравномерное) распространение их скарабеев и других небольших памятников, едва ли стоит принимать всерьез. Однако несомненно, что они на значительное время

укрепились в Нижнем и Среднем Египте и в Нубии вплоть до укрепленной торговой колонии в Керме, а также, возможно, в Верхнем Египте к югу от Фив.

Рис. 1. Тутмос IV во время битвы с сирийцами. Изображение на царской колеснице из Каирского музея

Как бы то ни было, очевидно, что в последние годы XVII века (ок. 1625 г. до н. э.) произошло восстановление власти национальной династии. В Фивах возвысилась новая семья верхнеегипетских царей — Семнадцатая династия. Эти правители, находясь в унижительном положении данников ненавистных азиатских захватчиков, проявляли все больше своенравия.

О причине их смелости можно только догадываться. Различные обстоятельства могли сложиться так, чтобы пробудить в них надежду на освобождение. Как раз в этот период египтяне впервые воспользовались услугами отрядов меджаев. Эти сильные нубийские наемники стали обязательными участниками военных кампаний следующих столетий.

Кроме того, египтяне теперь, возможно, начали применять лучшие виды оружия, принесенные из Азии гиксосами, — новые типы бронзовых мечей и кинжалов и мощный композитный лук. Кроме того, египтяне впервые использовали лошадей и колесницы. Часто считается, что эти нововведения попали в долину Нила вместе с гиксосами. Возможно, вначале консервативные египтяне с презрением отвергли их, а затем, отчаявшись, были вынуждены перенять их. Однако у нас нет сведений о том, когда северные захватчики впервые использовали против египтян колесницы. Во всяком случае, последние не замедлили признать преимущества этих новых средств ведения войны и обратить их против захватчиков, вторгшихся на их землю. По сути, последующее использование колесниц и нубийских наемников могло служить основным средством, способствовавшим превращению Египта в военную державу. Нет сомнений, что они революционизировали военную силу египтян и обеспечили ей успех в быстром расширении империи, наступившем в скором времени (рис. 1).

Мы не знаем, кто из фиванских правителей Семнадцатой династии первым обратил оружие против гиксосов. Борьба могла быть долгой и жестокой, с победами и поражениями у обеих сторон. Рассказ, записанный во времена Меренптаха, повествует, что фиванский царь Секененра однажды получил от гиксосского владыки Апопи не-

обычное письмо с выражением недовольства, что шум, производимый гипсopotамами в Фивах, мешает ему спать в его дворце в Аварисе (располагавшемся на расстоянии около 643,5 км). Ответ Секененра был умиротворяющим. Это подразумевает, что последний по-прежнему платил дань северным захватчикам и к тому моменту еще не был готов начать войну за освобождение.

Однако, похоже, в конце концов Секененра не смог избежать борьбы. Удача, что до наших дней дошло тело этого фиванского царя. Его мумия, некогда похороненная в небольшой пирамиде к западу от Фив, позднее для защиты от расхитителей гробниц была перенесена оттуда и спрятана вместе с останками многих других фараонов в скрытой расселине недалеко от храмов Дейр-эль-Бахри. Там она покоилась до 1875 года, когда ее обнаружили современные последователи древних грабителей. Они продолжали заниматься своим отвратительным ремеслом до 1881 года, пока их не предали. В результате царские мумии, некоторые из которых все еще покоились в своих изначальных саркофагах, были переправлены в Каирский музей.

Изучение тела Секененра показывает, что царь умер в возрасте примерно сорока лет насильственной смертью на поле боя или же от рук убийц (см. вклейку фото 6). Он получил несколько страшных ударов по голове. Если, как можно предположить, его жизнь трагически оборвалась в битве с гиксосами, требуется лишь немного воображения, чтобы восстановить эту картину. Вероятно, Секененра потерял сознание от удара булавой или боевым топором, который сломал ему челюсть слева. Затем его противник нанес несколько смертельных ударов, один из которых разбил лоб царя над правым глазом, тогда как другой проломил череп, так что обнажился мозг. Тело демонстрирует признаки того, что оно пролежало там, где упало, достаточно долгое время, чтобы начался процесс разложения. После того как оно было получено, его поспешно обмотали льняными бинтами и похоронили в позолоченном деревянном саркофаге в скромной гробнице. Такая реконструкция событий означала бы военную катастрофу для египтян. Безвременная насильственная смерть фиванского царя была бы серьезным шагом назад в усилиях египтян уничтожить власть гиксосов. В итоге эти захватчики еще какое-то время продолжали наслаждаться властью над большей частью Среднего и Нижним Египтом.

Глава 4

Освободительная война

Вероятно, гиксосы господствовали в Египте уже около полутора веков, когда в освободительную войну вступил сын и преемник Секененра Камес. В то время иноземцы, видимо, управляли страной из Авариса, а также удерживали власть в других местах вдоль Нила, включая по меньшей мере часть областей от Мемфиса до Гермополя через Гераклеополь и Кинополь, а также оазис Бахария в западной пустыне и, возможно, даже удаленные города к югу от Фив, такие как Гебелейн. С другой стороны, столица Камеса Фивы контролировала южную границу в районе Элефантины, значительные территории в Среднем Египте вплоть до Куся и важные плодородные области в дельте. При этом утраченная южная провинция Нубия находилась в руках правителя, вступившего в союз с гиксосским царем из Авариса. Тем не менее в этой сложной ситуации друзья и враги, вероятно, одинаково пользовались некоторой свободой передвижения вверх и вниз по реке.

Молодой честолюбивый Камес мог быть недоволен тем, что приходится делить долину Нила с чужеземцами, и решил освободить Египет от их господства. Мы знаем о его планах и их выполнении из знаменитой надписи, датированной третьим годом его правления и содержащей его собственный рассказ. Ее обломки находили в разное время в течение почти пятидесяти лет. Последняя и самая длинная часть была извлечена из фундамента Карнака в 1954 году. К сожалению, начало рассказа сохранилось во фрагментах, большая часть осколков не найдена, и его сложно перевести полностью.

Решение Камеса присоединиться к борьбе с азиатами было холодно встречено советом вельмож, которые, как ожидал царь, последуют за ним. Довольные сложившимся отношением и опасаясь войны на два фронта с могущественными врагами, правящими в Нубии и Нижнем Египте, они рекомендовали фараону действовать лишь в том случае, если захватчики нападут на них первыми. Камес был рассержен, но не обескуражен советом своего двора. И вот, в сопровождении в основном наемников-меджаев, он отправился вниз по реке, чтобы освободить Египет. Первая битва в Неферуси, к северу от Гермополя, закончилась великой победой Камеса и захватом богатой добычи и множества пленников. В период этой военной кампании впервые в египетских источниках упоминаются лошади, которые, похоже, принадлежали только врагам.

Последующие события войны остались бы для нас тайной, если бы не найденная недавно стела Камеса, которая после большой лакуны завершает рассказ. Очевидно, царь преуспел в организации могучего флота, корабли которого были «выстроены носом к рулю», и продвинулся так далеко на север и восток, что мог посылать суда в область самого Авариса. Египтяне заняли стратегически важный район вокруг столицы неприятеля, откуда велись дальнейшие действия по вырубанию садов и виноградников, захвату лошадей и пленников, мужчин и женщин, сотен гиксосских кораблей с богатыми грузами и полному разорению множества вражеских городов и поселений.

Похоже, военные операции Камеса распространились на большую часть дельты и на оба берега Нила. Когда он находился в одном из оазисов, удачный случай привел к нему посланника с письмом гиксосского царя к его нубийскому союзнику:

«Аусерра, Сын Ра Апопи: „Приветствия моему сыну, правителю Куша! Почему ты действуешь там как владыка, не уведомляя меня, видел ли ты, что Египет сделал мне, как его правитель Камес напал на меня на моей собственной земле (хотя я не нападал на него)?! Он решил разорить эти две земли, мою страну и твою, и уже опустошил их. Ступай же на север, не страшись. Он здесь, рядом со мной. Нет никого, кто сможет встать против тебя в этой части Египта. Смотри, я не дам ему покоя, пока ты не придешь. И тогда мы вдвоем разделим города Египта“».

Фараон, довольный тем, что перехватил эту секретную информацию, воспользовался благоприятной возможностью и отправил гонца назад к Апопи с ужасным рассказом о своих успехах в Среднем Египте. Собрал свои силы в Эль-Кесе близ Кинополя, Камес отправил крупный отряд пехоты опустошить оазис Бахария, а сам в решающий момент повел в бой основные силы. Это сопровождалось истреблением огромного количества врагов без потерь с египетской стороны. Наконец с наступлением разлива Нила — неблагоприятного времени для военных действий — Камес с триумфом отплыл вверх по реке в Асьют и Фивы, чтобы отпраздновать победы в Карнакском храме.

По всей видимости, Камес преждевременно умер, и его младшему брату Яхмесу, который унаследовал трон, осталось закончить освобождение страны от гиксосов. Мы относительно хорошо информированы о последующих событиях войны благодаря биографии моряка по имени Яхмес, описавшего на стенах своей гробницы в Эль-Кабе свои заслуги перед царской династией. Еще в молодости он участвовал в осаде Авариса, который Камес, вероятно, так и не смог захватить. Последующие героические поступки приносили молодому матросу одну награду за другой. Он нажил состояние благодаря почестям, вознаграждениям и прочим дарам, включавшим землю и пленников, которые дал ему царь.

С падением Авариса гиксосы утратили свой последний оплот в Египте. Они отступили в Сирию, где были радушно приняты союзом семитских владык. Однако Яхмес был полон решимости помешать любым попыткам азиатов снова стать угрозой для Египта. Узнав, что большая часть гиксосов, покинувших страну, обосновалась в южнопалестинском городе Шарухене, он пересек пустыню и осадил эту крепость в течение трех лет. Последовавшая сдача азиатов принесла еще больше добычи и почета нашему рассказчику из Эль-Каба.

Так фараон Яхмес закончил начатое его старшим братом. Гиксосы были вытеснены, Египет освобожден от напасти, и страна снова объединилась под властью одного правителя. Однако нубийские союзники Апопи продолжали удерживать южную провинцию в своих руках. «После того как его величество истребил азиатских ментиу [гиксосов], — гласит наш источник, — он отправился на юг в Нубию, чтобы сокрушить нубийские племена пустыни, и его величество учинил страшную резню среди них». Чужеземная угроза была сведена на нет, но даже тогда Яхмес не смог сложить оружие. Дела в стране пришли в беспорядок. Вельможи, которые обрели множество привилегий во времена упадка централизованного государства, естественно, с большой неохотой отказывались от них в пользу могущественных представителей фиванской династии, которые теперь были у власти. Поэтому оставался вопрос, станет ли в доли-

не Нила снова существовать прежнее феодальное государство или же фиванская династия Яхмеса получит верховную власть изгнанных азиатов. Не успел Яхмес вернуться с победой из нубийского похода, как тут же столкнулся с серией вооруженных восстаний в стране. Гражданская война быстро закончилась. Например, предводитель одного из восстаний Теган был убит, а его армия уничтожена.

После двадцати пяти лет царствования в возрасте от пятидесяти до шестидесяти лет Яхмес умер. Он был погребен рядом со своими предшественниками. Однако позднее его гробницу осквернили грабители, и царскую мумию в простом саркофаге перенесли в потайную расщелину, где было укрыто тело его отца Секененра. Фараон был женат на своей родной сестре, царице Яхмес-Нефертари. Она занимала в столице высокую духовную должность «супруги бога», то есть божественной супруги главного бога Фив Амона. Ее авторитет и политическое влияние были так велики, что через несколько поколений она и ее сын, фараон Аменхотеп I, были причислены к святым или полубогам, и к ним, как к божествам-защитникам некрополя, обращались с молитвами.

Едва Аменхотеп I, который около 1546 года до н. э. стал царем после своего отца Яхмеса, взошел на престол, как волнения в Нубии потребовали его личного присутствия на южной границе. Он отправился на корабле ветерана Яхмеса из Эль-Каба «на юг в Куш, чтобы расширить границы Египта и... сразить того нубийца посреди его войска». Разгромив армию противника, царь пересек враждебную страну, захватывая в качестве добычи людей и скот. Экспедиция достигла Верхнего Колодца — источника воды в пустыне, после чего Яхмес за два дня доставил своего царственного господина назад в Египет. Это путешествие было настолько быстрым, что Яхмеса наградили не только «золотом доблести», но и званием «воина правителя». Вскоре Аменхотепу также пришлось сражаться с западными областями, ибо на плодородные луга западной дельты вторглись ливийские племена и захватили множество городов этого района. Новый царь успешно противостоял им, и граница была защищена от дальнейших атак.

Глава 5

Начало золотого века

Аменхотеп I занимал престол в течение двадцати одного года и умер, не оставив наследника. У него не было сына, который стал бы его преемником на троне в качестве «Сына Ра», и право на корону перешло к его сестре, царевне Яхмес. Она вышла замуж за некоего Тутмоса, возможно состоявшего в родстве с царской семьей. Согласно египетскому обычаю, царевна Яхмес не могла править единолично. Увенчать себя двойной короной Египта и принять наследие богов на земле стало бы для женщины попранием всех традиций и устоев. Такое нарушение обычая могло бы привести к самым неожиданным результатам как в управлении государством, так и в отправлении культа в храмах. Чтобы избежать подобных затруднений, наследница передавала власть своему супругу, а сама довольствовалась титулом «великой царской супруги», который носила главная царица. Однако нужно понимать, что Тутмос в результате этой передачи власти постоянного права на престол не получил. В случае смерти царицы это право сразу же переходило к детям покойной наследницы царского рода.

В первый год своего правления молодой царь был вынужден отправиться в Нубию, чтобы усмирить восставшее местное население, которое, вероятно, считало замешательство, сопровождающее смену правителей, прекрасной возможностью сбросить египетское ярмо и избежать выплаты дани. Нашему старому знакомому, капитану Яхмесу из Эль-Каба, снова выпала честь доставить на юг царя и его войско. Фараон, который лично участвовал в битве, «ярился, словно леопард. Его величество выпустил первую стрелу, и она застряла в шее врага того» (нубийского вождя). Как и следовало ожидать, во время этой кампании доблестный Яхмес покрыл себя славой и был награжден титулом «начальника моряков», или «адмирала», как мы можем его расценивать. Война быстро закончилась, и нубийцы снова были замирены. В районе третьего порога близ современного Ханнака на гранитных скалах на восточном берегу Нила напротив острова Томбос на втором году царствования фараона была высечена надпись, которая поэтично описывала его победоносное продвижение во всех направлениях: «Он прошел до пределов земли с победоносной мощью своей, ища того, кто сразился бы [с ним], но не нашел никого, кто обратил бы лицо свое против него. Он проник в долины, которых предки [его] не знали и которые носители корон коршуницы и змеи никогда не видели... Подвластны ему острова моря и вся земля под обеими ногами его». К сожалению, эти высокопарные фразы не совсем соответствовали действительности. Хотя границу покоренной страны к югу защищала крепость, возведенная на острове Томбос, спустя всего два года снова произошло восстание. И опять, как сообщают нам египетские источники, мятежники потерпели поражение, и «презренный Куш» был побежден. Царь плыл вниз по Нилу с триумфом, пройдя на своем корабле через порог Нила в районе Асуана благодаря каналу, специально рассчитанному для его путешествия. Хотя позднее в Нубии вспыхивали новые восстания, а попытки суданских племен нападать на египетские колонии повторялись, тем не менее Тутмос I в результате этой кампании действительно расширил нубийские владения Египта, и с того времени эта территория с небольшими перерывами пользовалась

благами мирного режима.

Между этими двумя нубийскими походами Тутмос I провел еще одну кампанию, которая имела огромное значение, поскольку определила направление внешней политики Египта на столетия вперед. Речь идет о военной экспедиции в Сирию. Напомним, что уже во времена Двенадцатой династии Сенусерт III достиг по меньшей мере территории Южной Палестины, тогда как спустя двести лет основатель Нового царства Яхмес после долгой осады захватил крепость Шарухен. Однако теперь Тутмос попытался подчинить влиянию своей империи южные области Западной Азии, так же как он завоевал земли к югу от Египта. Он пересек Сирию, не встретив сопротивления, и достиг верхних областей Евфрата в Стране Двух Рек — Нахарине. Когда наконец правитель той области вывел свои войска, чтобы встретиться с египетскими захватчиками, Тутмос одержал крупную победу, убив множество врагов. «Бесчисленны были пленники, которых царь захватил при победе его». Прежде чем покинуть место своего триумфа, Тутмос велел установить на берегу Евфрата стелу, рассказывающую будущим поколениям о его подвигах. Из всех диковин, с которыми египтяне столкнулись в открывшемся им новом мире, самой удивительной, несомненно, являлась река Евфрат. Нил, который был до тех пор единственной рекой, известной им, тек с юга на север, поэтому суда использовали ветер, когда плыли на юг, вверх по течению, и течение, когда двигались в противоположном направлении. Однако теперь жители долины Нила оказались на берегах могучей реки, которая текла с севера на юг и по которой, соответственно, — этого просто не может быть! — нельзя плыть на север, используя течение. Поэтому возвратившиеся домой египетские солдаты никогда не уставали рассказывать о «перевернутой воде, текущей на юг, когда [она должна была бы] течь на север». На самом деле выражение «перевернутая вода» сразу стало египетским названием реки Евфрат.

Успех, которого молодой Тутмос добился в этом первом наступлении Египетского государства в Западную Азию, был поистине блестящим, и царь вполне имел право хвастаться, что южные пределы его империи простираются до третьего порога Нила, а северная граница достигает Евфрата, «никогда подобное не случалось с другими царями». В действительности же победа над сирийскими областями являлась эфемерной. При приближении египетского войска сирийские владыки и города поспешили выразить покорность, послав фараону дань, однако, едва захватчики удалились, они не только перестали посылать дары, но к тому же явно готовились сопротивляться повторному вторжению египтян.

От союза Тутмоса I с «великой царской супругой» Яхмес родилось четверо детей: сыновья Уаджмес и Аменмес и дочери Хатшепсут и Неферубити. Однако женой фараона была также другая царевна — некая Мутнеферет, которая состояла в близком родстве с Яхмес, возможно, даже доводилась ей младшей сестрой. Мутнеферет родила фараону сына, которого назвали Тутмосом в честь отца. Впоследствии он стал царем Тутмосом II. Согласно египетской традиции, только дети Тутмоса I от царевны-наследницы Яхмес обладали законным правом на престол. Соответственно, поскольку царевичи Уаджмес и Аменмес и, по всей видимости, их сестра Неферубити умерли в младенчестве или же в юности, пока их отец был еще жив, единственной законной наследницей престола оказалась царевна Хатшепсут. Тем не менее, как и ее мать, будучи женщиной, она не могла взойти на трон как «царь», а лишь обладала правом передать корону своему супругу и сохранить права на престол для своих детей.

Поэтому, чтобы разрешить династическую дилемму и предотвратить переход власти в руки другой семьи, который мог бы произойти в случае брака Хатшепсут с чужаком, Тутмос I заставил дочь выйти замуж за ее младшего сводного брата Тутмоса. Такие браки между братьями и сестрами не вызывали у древних египтян никакого отвращения. Разве бог Осирис не женился некогда на своей сестре Исиде (см. гл. 12)? Обеспечив таким образом преемственность власти, Тутмос I правил до конца своих дней. Когда в 1508 году до н. э. он скончался, то «отправился на небо, закончив свои дни в радости сердца. Тогда сокол, что был в гнезде, появился... как царь Верхнего и Нижнего Египта». Тутмос II «принял власть над Черной землей [Египтом] и начал править Красной землей [чужеземными областями], ибо он владел Обеими Землями [Египтом] с триумфом».

Хотя предыдущие цари, резиденция которых находилась в Фивах, построили свои гробницы в пустынной равнине к западу от Нила, Тутмос I велел вырубить усыпальницу в уединенной долине Ливийской пустыни, известной современным египтянам как Бибан-эль-Мулук («Двери царей») (см. вклейку фото 7). Вельможа, живший в то время, хвалится, что ведал постройкой царской гробницы, которая велась втайне, «никто не видел, и никто не знал». Гробница не была особенно большой. Она включала прямоугольный в плане вестибюль, куда вела круто спускавшаяся лестница, тогда как вторая лестница вела в помещение с колоннами, где должен был стоять саркофаг фараона. Трудно установить, почему Тутмос порвал с древней традицией, требовавшей, чтобы царская гробница была сооружена в форме пирамиды. Возможно, он уже осознал, что усыпальницы прежних фиванских царей, расположенные близ обрабатываемых земель и поселений, слишком удобно было грабить. Так или иначе, Тутмос избрал для своей гробницы эту уединенную долину вдаль от населенных мест. Разумеется, в узкой пустынной долине не было места для заупокойного храма, который являлся обязательным дополнением к гробнице фараона. Следовательно, его нужно было построить далеко от высеченной в скале усыпальницы и расположить как отдельно стоящее здание в самой долине Нила на узкой полосе пустыни, отделявшей возделываемую землю от склонов пустынных гор.

Примеру Тутмоса I веками следовали его преемники, так что гробницы одна за другой добавлялись к постепенно удлиняющемуся ряду усыпальниц в уединенной Долине царей. Когда во времена правления римского императора Августа Египет посетил греческий географ Страбон, он упомянул примерно о сорока превосходно выполненных гробницах фараонов, большинство из которых нам известны и сегодня.

К моменту восхождения на престол и коронации Тутмосу II исполнилось не более двадцати лет. Он имел хрупкое телосложение и настолько слабый характер, что находился под полным контролем царицы-матери Яхмес и своей весьма энергичной и не менее честолюбивой супруги Хатшепсут.

Примерно в это время в Египет пришли тревожные вести о волнениях в провинциях империи. Такая ситуация часто повторялась при смене правителя. В Нубии вспыхнуло восстание, и египетские жители страны со своими стадами укрылись за «стенами крепостей, которые... Тутмос I построил, чтобы сдерживать непокорных иноземцев». Они, должно быть, включали укрепление на Томбосе и другие крепости подобного характера. Когда стало известно о восстании, «его величество разгневался, словно леопард, услышав это. Тогда его величество сказал: „Пока я живу, пока люблю Ра, пока восхваляю отца моего, господина богов Амона, владыку Карнака, я не позво-

лю ни одному из их мужей жить!“ Тогда послал его величество большое войско в Нубию... чтобы повергнуть всех, кто восстал против его величества и взбунтовался против господина Обеих Земель. Войско это достигло презренной страны Куш. Мощь его величества вела его, и ужас перед ним расчищал путь его. Потом войско его величества сокрушило этих варваров, и никому из их мужей не было позволено жить, как и велел его величество, кроме одного из сыновей правителя Куша, который был привезен как пленник вместе с [несколькими] слугами их в место, где был его величество, и помещен под ноги Благого Бога [царя]».

Тутмос появился на балконе дворца и приказал, чтобы к нему привели пленников. Так Нубия снова стала «владением его величества, как это было изначально, люди были в ликовании, вельможи радовались, возносили они хвалы господину Обеих Земель и славил этого великого бога [царя] в соответствии с его божественностью».

Мало что еще известно о военных кампаниях Тутмоса II, за исключением похода в страну Шасу, который едва ли являлся чем-то большим, нежели нападением на кочевников Синайского полуострова или Сирийской пустыни.

Благодаря удивительной иронии судьбы женитьба Тутмоса II, как и брак его отца, не привела к появлению наследника мужского пола. Поскольку у него родились лишь две дочери, снова возникло беспокойство о том, кто займет престол в случае его ранней кончины — что было вполне вероятно, учитывая его слабое здоровье. Поэтому, чтобы сохранить власть династии, Тутмос назвал своим наследником малолетнего сына от младшей жены — мальчика, которого тоже звали Тутмосом. Он назначил этого ребенка своим соправителем и, чтобы придать еще больше силы своему выбору, женил его на его сводной сестре Меритре, которая была дочерью Тутмоса II и Хатшепсут и, соответственно, истинной наследницей престола.

Поэтому после смерти Тутмоса II (около 1504 г. до н. э.) этот молодой царевич взлез на трон и был коронован как Тутмос III. Однако он не смог принять бразды правления. В годы его несовершеннолетия его мачеха и теща (благодаря его женитьбе на Меритре) — вдова царя Хатшепсут — приняла на себя управление страной. Один из чиновников того времени описал эту примечательную ситуацию цветистым египетским языком:

«Тутмос II отправился на небо и присоединился к богам. Его сын [Тутмос III] вступил на его место как царь Обеих Земель и правил на троне того, кто породил его. Его сестра [в действительности сводная сестра Тутмоса II], „супруга бога“ Хатшепсут, управляла страной. Обе Земли были под ее волей и служили ей. Египет был в повиновении... ибо она была правительницей, прекрасной планами, которая убеждала Обе Земли речами своими».

Несмотря на то что Хатшепсут полностью контролировала правительство, тогда как юный царь оставался в тени, все же официально она являлась не больше чем вдовой царя, «божественной женой [супругой бога] и великой царской супругой» умершего фараона. Рельефы периода регентства изображают ее стоящей позади Тутмоса III.

Однако через несколько лет она пренебрегла своими ограничениями из-за честолюбия или по другим причинам, нам неизвестным. Вместо того чтобы отказаться от регентства, как только Тутмос III достиг совершеннолетия, Хатшепсут присвоила титулы правящего фараона Египта. Теперь она стала называть себя «Хором [женского рода], царицей [по-египетски слово „царица“ писалось точно так же, как слово „царь“]

Верхнего и Нижнего Египта, дочь Рю» и, в соответствии с древней традицией, особым царским именем Камаатра (Мааткара). Из длинного ряда титулов и эпитетов фараона, которыми привыкли пользоваться египетские цари, Хатшепсут не стала принимать лишь один. Это было обозначение «могучий бык», которое, понятно, едва ли подходило женщине, даже если она являлась царицей.

Чтобы оправдать узурпацию, была использована древняя догма о божественном происхождении царя, примененная к рождению Хатшепсут. Когда та была зачата, ее мать посетил сам бог Амон, то есть она появилась на свет благодаря прямому вмешательству богов. Когда эта божественная царевна выросла, как она сообщает нам, ее отец Тутмос I доверил ей царские обязанности, и довольный народ провозгласил ее царем. Хатшепсут описывает себя как ту, на кого «смотреть прекраснее всего, с обликом и духом бога... прекрасную деву, молодую, спокойную нравом... божественную». Она сопровождала отца во время его поездок в дельту. Тогда все боги «пришли к ней... Хатхор из Фив, Уаджет из Буто, Амон, владыка Карнака, Атум из Гелиополя, Монту [бог войны], владыка Фив, Хнум, владыка порога [Ни́ла], все боги Фив, воистину все боги Верхнего и Нижнего Египта», обещая ей защиту и удачное правление, если в будущем она посвятит себя служению богам и храмам.

Рельефы, статуи и сфинксы изображают Хатшепсут в традиционном одеянии фараона. Она часто появляется в обычной царской юбке с привязанной к подбородку церемониальной бородкой, которая с незапамятных времен являлась царским символом, тогда как ее голову украшает одна из многочисленных царских корон или характерный для царей платок, сложенный особым образом. Нет причин сомневаться в том, что она была красавицей, одаренной не только женским очарованием (см. вклейку фото 8), но и выдающимся умом, сильным характером и волей. Более того, в дополнение к этим качествам ей очень повезло в вельможе Сененмуте обрести советника и визиря, способного поддержать ее жажду власти и воплотить ее планы в жизнь.

Будучи человеком незнатного происхождения, Сененмут уже в ранней юности поступил на службу в храм Амона в Карнаке и вскоре смог занять ряд важных должностей. Каким образом он приобрел связи, которые привели к его близким отношениям с царственной госпожой и благодаря которым он заслужил не только ее доверие и благосклонность, но, возможно, и ее любовь, является темной страницей истории. Нам известно лишь, что она осыпала его бесконечными почестями, подобных которым никогда не находили «в письменах предков», и назначила его наставником или, как египтяне выразили это, «великим воспитателем» своей дочери, царевны Нефруры. В этом качестве он изображается на нескольких гранитных статуях, установленных в Карнакском храме (см. вклейку фото 9). Он сидит на земле, согнув колени и держа свою воспитанницу, завернутую в его просторное одеяние, которое целиком покрывает длинная иероглифическая надпись. На правом виске у царевны длинная прядь волос (у египтян так было принято изображать детей), а змея-урей на лбу и церемониальная бородка указывают на нее как на будущего законного «царя».

В правление Хатшепсут впервые со времен распада Среднего царства Египет наслаждался периодом экономического процветания. В столице — Фивах, а также других городах страны велось широкое строительство. Возводились величественные храмы, святилища, разрушенные или заброшенные при гиксосах были отреставрированы, а культы учреждены снова. Однако особое внимание царица уделяла большому храму Амона. Красноречивым свидетельством строительных работ в Карнаке до сих

пор являются возведенные ею залы и дворы и, прежде всего, два гигантских обелиска высотой около 29,5 метра, которые она установила. Эти колоссальные монолиты из красного гранита были вырублены в каменоломнях Асуана под руководством Сененмута в течение короткого времени — семи месяцев. Затем их перевезли по Нилу в Фивы и установили в первом дворе большого храма Амона, где один из них стоит до сих пор и как особый символ древнего святилища гордо вздымает свою пирамидальную вершину над окружающим хаосом (см. вклейку фото 10). Трудно сказать, сколько труда нужно было потратить на создание этих двух замечательных памятников. Сохранившийся обелиск имеет высоту 29,7 метра, содержит приблизительно 137,6 кубического метра гранита и весит около 317,5 тонны. Какое упорство в достижении цели и какое количество рабочих нужно было собрать, чтобы вырубить в каменоломнях эти колоссальные памятники, доставить их к Нилу, погрузить их на корабли и, наконец, установить их на пьедесталах! Вершины обелисков покрывало золото, чтобы их «можно было увидеть на обоих берегах реки и чтобы их лучи заполняли Обе Земли, когда солнце восходит между ними, когда оно появляется на горизонте неба». Длинная надпись, высеченная на основании обелисков, объявляет будущим поколениям, что царица сделала их «в качестве ее памятника для отца ее Амона, господина Карнака», что каждый из них состоит из цельного блока гранита и что она приказала их воздвигнуть, чтобы ее «имя могло продолжало существовать в храме этом вечно-вековечно».

Молодой энергичный Тутмос III против желания наблюдал за своевольным правлением «фараона» Хатшепсут и быстро добившегося успеха визиря Сененмута. Однако и его час наконец пробил. Он смог свергнуть Сененмута и изгнать вместе с ним ряд важных сановников Хатшепсут. Примерно в 1482 году до н. э. она, как мы вполне можем предположить, умерла насильственной смертью. Ее дочь Нефрура, очевидно, скончалась раньше матери. Со смертью этих двух женщин прежняя царская династия угасла, и короной безраздельно завладел Тутмос III. Его цель наконец осуществилась, и ему и его потомкам было обеспечено единовластное царствование над Египтом. Фараон обрушил всю ярость своей мести на умерших, при жизни мешавших его замыслам. Он решил, что память о них должна исчезнуть с лица земли. Везде, где на стенах храмов появлялись имена или изображения Хатшепсут, они были сколоты и заменены именами и изображениями Тутмоса I, Тутмоса II или Тутмоса III. За исключением мест, куда невозможно было добраться, или не замеченных гонителями, ее имя было полностью стерто. Статуи и сфинксы, которые она воздвигла в своем прекрасном храме в Дейр-эль-Бахри, были разбиты на куски и сброшены в ближайшую каменоломню.

Тутмосу III (см. вклейку фото 1) исполнилось примерно тридцать лет, когда он стал править самостоятельно. Двадцать лет миновало с тех пор, как он вззошел на трон после смерти своего отца. Хотя он, похоже, не встретил никакого сопротивления своей власти в самом Египте, на восточной границе империи, в Палестине, где господство Египта никогда не было особо сильным, сгустились тучи, которые в любой момент угрожали обернуться насилием. Поэтому царь решил немедленно покинуть долину Нила в поисках лавров покорителя чужих земель. Он завоеует для Египта области Азии, покорение которых уже начал его дед Тутмос I, и надолго сделает их частью Египетской империи.

Глава 6

Западная Азия в середине 2-го тысячелетия до н. э

Территория Сирии с ее процветающими городами и плодородными долинами, гаванями, имеющими стратегическое значение, и жизненно важными караванными путями, ведущими в Малую Азию и могущественные империи, расположенные на берегах Тигра и Евфрата, являлась главной целью египетских завоевательных походов. Сама Сирия — гористая страна, с юга отделенная от Египта пустыней и горной цепью, проходящей по Синайскому полуострову. На севере похожую преграду между Сирией и Малой Азией представляют горы Тавр. По направлению к Средиземному морю на западе местность резко понижается, узкая береговая полоса немного расширяется на юге. На востоке до берегов Евфрата простираются сухая и непривлекательная Сирийская пустыня, которая на самом деле продолжается на другом берегу реки до реки Тигр. Все Сирийское нагорье с севера на юг прорезает глубокий разлом. Северную его часть орошает река Оронт. В центральной части находится долина, ограниченная горными цепями Ливан и Антиливан — древние называли ее Келесирией — и орошаемая верхним течением Оронта и Литани, а южное продолжение огромного узкого ущелья включает долину реки Иордан и Мертвое море. Сначала египтяне называли Сирию и Палестину «Речену», а позднее «Хор». Это наименование происходит от хурритов (библейских хореев), которые долгое время господствовали в этой области. Территория вдоль Средиземного моря от Ашкелона к северу до горной цепи Ливан и в глубь страны до Галилейского моря именовалась «Джахи», а район к северу от этого горного хребта был известен как «Амуруу». Все «национальные» границы, естественно, были изменчивыми и неясными.

В период, когда египетские фараоны, и особенно Тутмос III, вели войны в Сирии, этой землей еще не владели евреи. Палестину, Келесирию и прибрежную долину населяли семитские племена, обычно именуемые ханаанеями, которые говорили практически на том же языке, что и евреи. Гиксосы после ухода из Египта также владели здесь укрепленными городами. Дальше к северу, в долине Оронта и на восток до Дамаска, территорию занимали арамеи — семитские народы, часть которых являлась кочевниками и путешествовала по обширным пространствам Сирийской пустыни. Они также говорили на диалекте, не слишком отличавшемся от ханаанейского. Мы встречаем этих семитских «варваров» на многих египетских памятниках, и никогда не оставалось сомнений, что египтяне считали их совершенно чуждыми, обладающими необычным обликом и носящими странную одежду. Даже их телосложение резко отличалось от телосложения египтян: последние были стройными и худощавыми, сирийцы же имели более плотное телосложение и зачастую были склонны к полноте. Жители долины Нила привыкли брить волосы и бороды и носить парики, а иноземцы позволяли волосам и бородам отрастать. Их густые волосы сзади закрывали шею и обычно придерживались чем-то вроде повязки надо лбом. Их желтовато-коричневые лица обрамляли густые темные остроконечные бороды (см. вклейку фото 11). Египтяне обычно носили белые одежды, лишенные узоров, тогда как азиаты

предпочитали сотканые или вышитые наряды с узорами ярких цветов.

В тот период, о котором идет речь, в Сирии в связи с природными условиями не сложилось мощное единое государство. Вместо него мы находим небольшие государства, каждое из которых возглавлял царь, вероятно являвшийся выходцем из земельной аристократии. Центром такого государства был город, защищенный зубчатыми стенами и башнями, куда все сельское население стекалось в случае, если ему угрожали вторгнувшиеся враги. Однако на эти города очень часто влиял дух борьбы и разногласий между представителями знати, каждый из которых постоянно надеялся добиться власти. Вдобавок между многочисленными городами шла бесконечная война, мир наступал, как правило, только когда всем угрожала опасность от общего врага. Поэтому разделение страны на мелкие города-государства, а также расположение между Египтом и Вавилонией были основными причинами того, что с древнейших времен она попадала под политическое влияние той или иной великой державы Древнего Востока.

Уже в начале 3-го тысячелетия до н. э. вавилонские купцы в поисках желанной древесины из лесов, покрывавших горы Ливана, старательно путешествовали по караванному пути, ведущему из Вавилонии вверх по Евфрату, а затем через Алеппо и Хамат в долину Оронта. Вскоре за торговцами последовали вооруженные воины. Примерно в 2350 (или 2600 году до н. э., если следовать «длинной» хронологии других специалистов) Северная Сирия вплоть до гор Ливана и Тавра была завоевана вавилонским царем Саргоном I. В результате Сирия получила дополнительный стимул в развитии своей к тому времени уже древней культуры. Сюда были принесены вавилонские легенды о богах, которые рассказывались там снова и снова. Поэтому можно допустить, что рассказ о великом потопе, из-за которого весь род людской, за исключением одного богобоязненного человека и его семейства, был уничтожен, возник в Вавилонии, затем был принесен в Сирию и, наконец, нашел путь в библейский рассказ о Всемирном потопе и спасении Ноя.

Однако самым серьезным доказательством культурного влияния Вавилонии на земли Сирии является тот факт, что здесь были введены вавилонский (аккадский) язык и клинопись, которые на века стали международным средством дипломатических и торговых связей во всей Западной Азии, так же как арамейский при персидских царях и французский в Европе XVIII и XIX веков.

Это распространение клинописи тем более примечательно, поскольку она никоим образом не делает овладение искусством письма легким. С его многочисленными знаками, обозначающими слова и слоги, оно делало сложным умение как писать, так и читать. И все же мы видим, что еще в XV веке до н. э. сирийские правители составляли письма друг к другу при помощи этой уникальной системы письма, и даже писцы при египетском дворе были вынуждены изучать ее, чтобы переводить для своего царственного господина документы, стекавшиеся в Египет со всех частей Западной Азии. В Угарите (Рас-Шамре) развилась особая упрощенная система письма, которая в виде клинописных символов отпечатывалась на глиняных табличках, подобно более сложной аккадской системе. Она состояла из двадцати девяти алфавитных знаков, большей частью согласных, которые использовались для записи семитского языка, неизвестного до открытия табличек из Рас-Шамры.

В то время как Вавилония продолжала быть тесно связанной с Северной Сирией и оказывать существенное влияние на ее культуру, Египет со времен древнейших царей

развивал активные торговые отношения с Южной Сирией и финикийскими городами побережья, особенно с Библом. Мы знаем, что предшественник Хуфу, фараон Снефру, повелел, чтобы в Египет пришли сорок кораблей, груженных ливанским кедром, который использовался для его строительных проектов. Нет сомнений, что эти суда были нагружены в финикийских гаванях. Египтянам была известна богиня-покровительница Библа, которую они отождествили со своей богиней Хатхор и которая, таким образом, превратилась для них во владычицу сирийских земель. Мы уже видели, какие активные торговые отношения Египет вел с Рас-Шамрой в период Среднего царства (см. гл. 2), а возможно, и с другими городами Палестины и Сирии.

Помимо множества мелких сирийских государств период до конца XIV века до н. э. стал свидетелем развития на Ближнем Востоке четырех великих империй, которые в последующие столетия вступили с Египтом в войну или мирные отношения.

Первой из них была Вавилонская империя на Евфрате, которая достигла вершины могущества в конце XVIII в. до н. э. при сильной семитской династии царя Хаммурапи. О ее глубоком культурном влиянии на другие страны Западной Азии уже упоминалось. Постепенно она сдалась таинственным касситам — народу, который мог проникнуть на юг из своего прежнего места жительства, Кавказского региона. Их почти четырехсотлетнее владычество в Вавилонии оставило о них поразительно мало сведений. Вероятно, они обладали невысокой самобытностью и особенностями и вскоре впитали культуру, которую обнаружили на новом месте своего проживания. Их религия носила необычайно абстрактный характер, особое значение уделялось морали. Боги ожидали от людей праведности, защищали честных и отворачивались от грешников. Антропоморфизации богов избегали, и эта тенденция оказала на касситское искусство огромное влияние. Их скульптура невыразительна, и даже цилиндрические печати показывают не изображения богов, а клинописные тексты. Касситские правители вели активную переписку со своими «братьями» — египетскими царями, в основном повторяя просьбы о золоте и высказывая тщетные надежды на династический брак с египетскими царицами.

Ко второй половине 2-го тысячелетия до н. э. в Ассирии начался период упадка. Вначале ее затмили вавилонские преемники Хаммурапи, а позднее — растущее господство хурритов. Возрождению этой второй из азиатских империй было суждено произойти спустя несколько столетий, когда от своей столицы Ашшура, расположенной на реке Тигр, она расширилась во всех направлениях.

К западу от Ассирии располагалась третья великая империя — держава хурритов, известная египтянам как Митанни и Нахарина. Население, похоже, подчинялось правящему классу арийцев (марианна) — владельцев лошадей и колесниц, носивших индийские имена и поклонявшихся таким индийским божествам, как Индра, Варуна, Митра и Насатья. Начав свою историю с множества крошечных городов-государств, Митанни в XV и XIV веках до н. э. постепенно превратилось в могущественную империю, протянувшуюся от Загроса до Средиземного моря и от озера Ван до Ашшура и Аррафы (Киркука). Точное расположение их столицы Вашшуканни археологи пока не установили, а расшифровка языка и перевод литературы только начаты. Среди главных хурритских божеств, которых почитали помимо индийских богов марианна, были Кужух, Шимиге, Тешуб, Хебат и главный бог-отец Кумарби, который удивительно похож на греческого Кроноса. И религия, и литература хурритов оказали глубокое влияние на хеттов, живших к северу. С начала Восемнадцатой династии между Ми-

тании и Египтом существовало сильное соперничество за контроль над Западной Азией. Со временем оно смягчилось благодаря династическим бракам. Наконец, внутренняя борьба, возможно связанная с расовым неравенством населения, подорвала существование недолговечной Хурритской империи, и в итоге она уступила хеттам, превратившись в жалкое буферное государство рядом с возрождающейся Ассирией.

Четвертой и самой могущественной империей Западной Азии была империя хеттов, расположенная в Анатолии — сердце Малой Азии, в районе, орошаемом большой излучиной реки Галис. Ее столицей являлась Хаттуса (Богазкёй), располагавшаяся примерно в 145 километрах к востоку от современной Анкары. Во время раскопок ее развалин обнаружили государственные архивы и библиотеки, состоящие из тысяч глиняных табличек. Они составлены на разных языках, на которых говорили в этой империи. Сами хетты говорили на индоевропейском языке, который на табличках записывали клинописью, а на каменных памятниках — неродственной системой иероглифов. Однако в качестве международного языка дипломатии они продолжали использовать аккадский. У хеттов были разные слои общества, жившие во множестве городов-государств. Постепенно они объединились в монархию во главе с царем, который, в отличие от обычных восточных теорий о божественном правителе, считал себя просто человеком и подданным богов. Вначале его избирали представители знати, и лишь позднее, после ожесточенной и кровопролитной борьбы за трон, царь получил возможность при строгих ограничениях назвать своего преемника. В течение нескольких веков изменчивой судьбы хеттские цари обрели стабильное правительство и распространили проясняющий «свод законов», главный упор в котором делался скорее на возмещении и личном благополучии, чем на уголовном праве и кровной мести. Династия способных правителей преуспела в завоеваниях на большой территории, несмотря на давление Митанни с юга. Через некоторое время, когда в амарнский период Митанни лишилось поддержки Египта, величайший из хеттских царей Суппилулиума выступил со своей армией во всех направлениях и быстро присоединил к своим владениям Северную Сирию до гор Ливана, государства Малой Азии и некогда могущественное государство Митанни. Именно в тот период расцвета могущества хеттов вдова Тутанхамона отправила отчаянную просьбу к принцу хеттов, чтобы он стал ее супругом на троне Египта (см. гл. 15). Начиная с этого времени Хеттская империя в течение нескольких столетий считалась самым непримиримым соперником Египта в борьбе за господство на Востоке.

Глава 7

Завоевания Тутмоса III

В двадцать пятый день восьмого месяца на двадцать втором году своего правления фараон Тутмос III миновал крепость Чару (Силэ), находившуюся на восточной границе Египта, «чтобы отразить тех, кто напал на границы Египта» и истребить тех, кто «склонен восстать против его величества». В Центральной и Северной Палестине образовался союз трехсот тридцати местных князей, душой которого являлись гиксосы, изгнанные из Авариса и Шарухена. В его распоряжении был царь Кадеша, который решил силой оружия противостоять любым попыткам Египта установить свое господство в Сирии. Похоже, лояльной по отношению к фараону осталась лишь Южная Палестина. После того как приготовления были завершены, Тутмос отправился в поход по большой военной дороге, которая тогда, как и сейчас, начинаясь в Кантаре (в районе современного Суэцкого канала), шла вдоль побережья Средиземного моря. В четвертый день девятого месяца на двадцать третьем году правления, в годовщину своего восшествия на престол, фараон прибыл в Газу. Проход продолжился через Ашкелон, Ашдод и Ямнию, где египетская армия, очевидно, покинула дорогу, проходящую через пустыню и связывавшую Ямнию с Яффой, чтобы пойти караванным путем в глубь страны вдоль предгорий и через горную цепь Кармель. Через одиннадцать дней после того, как Тутмос покинул Газу, он достиг города Ихем у подножия горы. Там ему сообщили, что враги расположились на другой стороне, в Ездзелонской долине, и избрали в качестве центра своей обороны укрепленный город Мегиддо.

Было необходимо перейти через горы и вступить в бой с врагами рядом с Мегиддо. Единственное, что вызывало сомнение, — это путь, который следовало выбрать. Всего существовали три возможности. Первый и ближайший путь вел из Ихема через Аруну прямо в Мегиддо, он проходил по узкому ущелью, где армия могла продвигаться медленно, «лошадь за лошадью и человек за человеком». Кроме того, существовала вполне реальная опасность, что враги могут вступить в бой с авангардом египетской армии, как только он выйдет из ущелья на открытое место, и с легкостью уничтожит его прежде, чем остальное войско сможет подоспеть с подкреплением. Два других пути были длиннее, но безопаснее.

Царь созвал военный совет, чтобы выработать решение о правильном пути для похода. Все считали, что следует отказаться от ближайшего, но самого опасного пути в пользу одного из двух других. Однако Тутмос принял этот совет за проявление трусости и высказал мнение, что враги также припишут страху выбор любого, кроме прямого, пути на поле битвы. Перед своим войском фараон воскликнул: «Поскольку Ра любит меня, и отец мой Амон хвалит меня, я пойду по этой дороге на Аруну; пусть тот из вас, кто [желает], пойдет по тем другим путям, что вы назвали, и пусть те из вас, кто [желает], последует за моим величеством». Так была выбрана самая сложная и опасная дорога. Войско отправилось в поход и через три дня достигло Аруны. После ночного привала на вершине ранним утром оно спустилось в Ездзелонскую долину. Царь лично отправился с авангардом своей армии и, медленно пройдя по узкому ущелью, уже спустился в долину, когда основная часть его армии все еще находилась в го-

рах, а арьергард еще даже не покинул Аруну. И тем не менее ужасного нападения врагов не произошло. В боевом порядке они расположились перед воротами Мегиддо и по какой-то непонятной причине не сделали попытки помешать продвижению египтян. Соответственно, Тутмос смог без помех привести свое войско в долину и расположиться в укрепленном лагере. Солдаты отдохнули ночь и набрались сил, чтобы встретить врагов на следующий день. Битва началась на рассвете. Фараон поднялся в свою «золотую колесницу, украшенный своими военными доспехами, словно Хор, могучий рукою, и фиванский Монту» и занял место во главе войска. Враги дрогнули перед яростной атакой египтян и бросились бежать к городским стенам. Они обнаружили, что жители уже закрыли ворота, и потому беглецов, включая правителя Кадеша, который стоял во главе восстания, и самого правителя Мегиддо, пришлось втаскивать через стену, используя их одежды вместо веревок. Потери врагов благодаря их стремительному бегству были весьма незначительны, погибли только восемьдесят три человека, чьи руки были отрублены и сложены перед фараоном, и триста сорок попали в плен. Однако весь лагерь союзников оказался в руках египтян, включая огромное количество боевых колесниц и лошадей, брошенных их владельцами. Египетские солдаты так жадно набросились на богатую добычу, что полностью упустили возможность преследовать неприятеля и захватить город. Упреки фараона были бесполезны: они пришли слишком поздно. Итак, он был вынужден осадить Мегиддо, «захват которого являлся захватом тысячи городов», и благодаря блокаде, продолжавшейся семь месяцев, морить его голодом, чтобы заставить подчиниться. Вокруг города были выкопаны рвы и возведены валы, чтобы предотвратить любую попытку сделать вылазку. Разумеется, окончательная капитуляция была неизбежна. Правители лично вышли из города и упали в ноги фараону, чтобы «попросить дыхание для ноздрей их».

«Тогда этот упавший [владыка Кадеша] вместе с князьями, что были с ним, сделал, чтобы все их дети вышли к моему величеству со многими предметами из золота и серебра, всеми их лошадьми с их сбруей, их большими колесницами из золота и серебра с их раскрашенными частями, всеми их боевыми доспехами, их луками, их стрелами и всем их оружием — несомненно, теми вещами, с которыми они пришли воевать против моего величества. И теперь они принесли их в качестве дани моему величеству, пока стояли они на стенах своих, прославляя мое величество, чтобы могло им быть даровано дыхание жизни.

Тогда мое величество заставил их принести клятву и сказать: „Никогда впредь в нашей жизни не сделаем мы зла против Менхеперра [тронное имя Тутмоса III] — да живет он вечно — нашего господина, ибо мы видели силу его. Пусть он только даст дыхание нам согласно желанию его...“

Тогда мое величество даровал им дорогу в города их, и они отбыли, все они, на ослах. Ибо забрал я их лошадей, и забрал я жителей их в Египет и также собственность их».

Итак, добыча, захваченная во время первого нападения под стенами города, увеличилась после осады во много раз. Были получены 2041 лошадь, 191 жеребенок, 924 колесницы, 892 из которых были обычного качества, тогда как остальные были богато отделаны золотом и серебром, как описано выше, а также множество полезного оружия. Царский дворец в Мегиддо был разграблен, добыча включала не только 87 детей самого правителя и союзных владык, но и 1796 мужчин и женщин более низко-

го ранга, а также других людей, и большое количество дорогой домашней утвари, включая кувшины из золота и другие сосуды, предметы мебели, статуи и другие вещи, слишком многочисленные, чтобы их упоминать. Среди животных, которые попали в руки египтян, в дополнение к уже упоминавшимся лошадям были 1929 быков, 2000 голов мелкого скота и 20 500 других животных. Более того, весь урожай на полях вокруг города был собран осаждающими, и, чтобы предотвратить его кражу отдельными солдатами, был тщательно измерен и морем перевезен в Египет.

С захватом Мегиддо фараон одним ударом снова победил всю Северную Палестину, оставшиеся правители Сирии поспешили выразить свою лояльность, послав завоевателю дары. Даже царь Ассирии отправил из своей далекой резиденции на Тигре свою часть «дани», состоявшую из больших кусков ляпис-лазури и нескольких дорогих ассирийских сосудов. Побежденных правителей заставили отдать заложников, которые были посланы в Египет, и не стоит сомневаться, что многие дочери сирийских царей были отправлены в гарем фараона. В качестве вечного напоминания об этой великой победе Тутмос велел, чтобы в большом храме в Карнаке были вырезаны три списка завоеванных городов. Каждый из них представлен овалом, в котором иероглифами написано его название, и увенчан бюстом человека со связанными за спиной руками. Этот человек, с большим крючковатым носом, выступающими скулами и остроконечной бородой, явно олицетворял сирийца. В одной из сопровождающих сцен фараон изображен как завоеватель Азии в короне Нижнего Египта, держащий за волосы нескольких коленапреклоненных азиатов, которых он побивает булавой, в то время как богиня Фив приближается к нему справа, ведя за собой связанные веревкой разные захваченные сирийские города, чтобы преподнести их царю.

Несмотря на великую победу, которую Тутмос III одержал в битве перед воротами Мегиддо в Ездrelонской долине, его конечная цель — завоевание Сирии до берегов Евфрата в среднем течении и гор Тавра и Аманоса, где богатые и могущественные торговые города оказывали жесткое сопротивление, чтобы сохранить свою свободу, — не была достигнута. Уарджет, который защищало войско из соседнего Тунипа, был захвачен, а Ардата была разграблена и разрушена. Здесь египетские солдаты пировали в богатых домах и пьянствовали в винных погребах местных жителей. Они напивались каждый день, и их «умазали маслом, как на пирах в Египте». Чтобы оставить город в полном подчинении и бессилии, царь приказал уничтожить все посеы, виноградники и фруктовые деревья на прилегающей территории, положив таким образом конец главному источнику прибыли населения. Пока армия фараона возвращалась в Египет по суше, два трофейных корабля перевозили захваченную в походе добычу. Однако Ардата, несмотря на все наказания, не была сокрушена. Поэтому фараон посчитал необходимым на следующий год — тридцатый год его правления — снова отправиться в поход на непокорный город, который он захватил и разграбил во второй раз. Население, пораженное больше, чем в предыдущий раз, решило признать власть египетского царя и регулярно платить требуемую дань. Судьбу Ардаты разделили Си-мира и Кадеш.

На побережье Палестины немного дальше к югу портовый город Иоппия — современная Яффа, — похоже, также не сдался египтянам без сопротивления. Его подвергли осаде и, если верить поздней египетской легенде, в конце концов захватили лишь благодаря военной хитрости. Когда египетский военачальник Джехути расположился лагерем у стен Яффы, он придумал какой-то способ, чтобы склонить правителя горо-

да посетить его.

Приняв приглашение, князь в сопровождении отряда воинов появился в лагере иноземцев. Их хорошо угостили, их лошадей накормили как следует, и спустя некоторое время гости лежали на земле пьяными. Тем временем правитель Яффы сидел и беседовал с военачальником Джехути. Наконец он выразил желание увидеть «великую боевую булаву царя Тутмоса III», которая была у Джехути. Последний велел ее принести, взял за древко и неожиданно нанес удар в висок «врагу из Яффы», который, потеряв сознание, упал на пол и был быстро связан веревкой. После того как лидер врагов был устранен таким способом, принесли двести корзин, в них спрятались двести египетских воинов с веревками и деревянными колодками. Затем Джехути послал письмо колесничему князя Яффы, который, вероятно, ожидал снаружи, ничего не зная о том, что случилось с его соотечественниками и его господином, веля ему вернуться в город, чтобы объявить супруге князя Яффы, что ее муж захватил военачальника египтян и едет домой с добычей. Разумеется, длинная процессия действительно приближалась к городу: корзины, нагруженные «добычей» и сопровождаемые пятьюстами «пленниками», прошли сквозь городские ворота. Как только все они оказались внутри, «пленники» выпустили своих товарищей из корзин и мгновенно одержали над гарнизоном победу. Крепость была взята. Той ночью Джехути отправил фараону в Египет послание, сообщив о своем успехе: «Радуйся! Твой добрый отец Амон отдал тебе врага из Яффы, всех его людей и его город. Пошли людей, чтобы увести их в качестве пленников, чтобы ты мог наполнить дом отца твоего Амона-Ра, царя богов, рабами и рабынями, которые будут повержены под ногами твоими во веки веков». Какими бы легендарными подробностями ни обладала эта история — египетская версия рассказа о троянском коне, — в достоверности основной части, касающейся того, что Яффа была захвачена при помощи хитрости, практически не приходится сомневаться. Герой Джехути является вполне реальной исторической личностью. Он носил титулы, которые указывают, что он являлся кем-то вроде наместника Сирии, который сопровождал царя за границу и остался управлять завоеванными территориями. Из его гробницы сохранились несколько вещей, включая две замечательные чаши, прекрасный кинжал и несколько чудесных алебастровых сосудов для масла.

Гораздо более сильным было сопротивление, с которым Тутмосу III пришлось столкнуться в Северной Сирии, особенно со стороны Кадеша, города на берегу Оронта, князь которого встал во главе крупного восстания против Египта, случившегося на двадцать втором году правления, и со стороны далекой страны Митанни. Первое нападение на Кадеш произошло на тридцатом году, когда город был захвачен и разграблен, «его рощи разорены, а зерно сжато». Однако Кадеш быстро оправился от поражения. Укрепления, разрушенные египтянами, отстроили заново и приняли меры, чтобы предотвратить новое нападение. Тогда Тутмос понял, что перед началом новых походов, которые он задумал, необходима серьезная подготовка. Она была проведена во время седьмого похода, произошедшего на тридцать первом году правления царя, когда он захватил Уллазу на финикийском побережье и устроил кладовые со множеством припасов в «каждом портовом городе», которого достигал. Спустя два года он был готов выступить в свой самый крупный поход. Переправившись через Оронт недалеко от Хомса, фараон захватил Катну. В следующей битве у Алеппо к нему присоединился военачальник Аменемхем, прибывший в Южную Палестину, чтобы подавить восстание в Негебе. Из Алеппо путь лежал на северо-восток к Каркемишу, кото-

рый сдался быстро. Затем на лодках, построенных из хвойных деревьев («кедров») в горах за Библом и доставленных к Евфрату на повозках, запряженных быками, Тутмос переправил свое войско через большую реку ради своей конечной цели — завоевания Нахарины. Была одержана еще одна великая победа, однако царь Митанни увел большую часть своих солдат в одну из дальних провинций, оставив египтянам лишь 636 пленников. Тутмос полностью опустошил несчастное государство Митанни, а затем, воздвигнув на восточном берегу рядом со стелой своего отца свою победную стелу, снова пересек Евфрат и повернул на юго-восток, одержав по пути домой еще несколько побед. Был взят Синджар, и наконец спустя три года после первого захвата Тутмос снова выстроил своих лошадей и колесницы под стенами Кадеша. Все еще уязвленный воспоминанием о прежнем поражении, правитель города придумал оригинальную военную хитрость. Он выпустил перед строем египетских боевых колесниц, в каждую из которых была запряжена пара жеребцов, кобылу. Кони тут же забеспокоились, весь ряд дрогнул и был готов смешать боевой порядок. В этот напряженный момент доблестный Аменемхем спрыгнул со своей колесницы и бросился вперед, чтобы остановить мчащуюся галопом кобылу. Ловким ударом меча он «рассек ее живот, отрубил ее хвост и бросил его пред царем», пока войско шумными криками выражало свое восхищение. Хитрость не удалась, однако правитель Кадеша оставался в безопасности внутри своей восстановленной крепости, не помышляя о сдаче. Тутмос приказал храброму Аменемхебу покорить город. Военачальник с несколькими избранными отрядами преуспел в попытке проделать брешь в стене. В своей сохранившейся в Фивах гробнице он пишет, что был первым египтянином, проникнувшим за стену Кадеша. Итак, нападавшие ворвались в город и заняли цитадель. В их руки попала богатая добыча. После других успехов в области Тахси рядом с Кадешем Тутмос снова повернул на север и повел свои войска к Нии, где установил еще одну памятную стелу.

Когда фараон со своей армией находился в этой области, ему сообщили о стаде слонов, которые кормились и грелись в горных озерах Нии. Чтобы отвлечься от военной рутины, была устроена большая охота, и царь встретил стадо из ста двадцати животных. Во время этой охоты с Тутмосом едва не случилось несчастье. Одно разъяренное животное набросилось на него и, несомненно, убило бы, если бы отважный Аменемхем не бросился на помощь фараону и не отрубил слону хобот мечом, «стоя в воде между двух скал».

Эта победоносная кампания произвела глубокое впечатление на народы Северной Сирии. Со всех сторон фараону присылали множество даров, включая богатые подношения из Вавилонии и страны хеттов, огромное количество которых было перевезено в Египет в качестве дани на кораблях, специально построенных для этой цели в одном из захваченных портов Ливана.

Пока Тутмос III в течение нескольких десятилетий вел войны в Западной Азии и отодвинул северную границу Египта до Евфрата, его анналы свидетельствуют, что ему хватило двух экспедиций вверх по Нилу, чтобы утвердить южную границу в Напате. Он построил небольшой храм в Гебель-Баркале и на сорок седьмом году правления установил в нем огромную стелу из серого гранита, чтобы произвести впечатление на своих нубийских подданных всей доблестью и силой их египетского владыки. Три года спустя царь расчистил прегражденный камнями канал в районе первого порога и приказал, чтобы о нем постоянно заботились местные рыбаки. На седьмом пилоне Карнакского храма в качестве аналога спискам палестинских городов, которые он за-

воевал во время похода на Мегиддо, Тутмос составил похожий «список южных стран и нубийских народов, которых покорил его величество».

Однако большая их часть оказалась под властью Египта еще раньше, а некоторые никогда не принадлежали Египетской империи. Тем не менее, даже если этому списку, как и остальным, не стоит доверять полностью, не может быть сомнений, что Тутмос III на самом деле распространил свою власть над могущественной империей, «как его отец Амон велел ему». Во имя фиванского царя богов фараон отправлялся на войну, под его защитой он убивал презренных врагов, и, наконец, львиная доля добычи, которую привозили в Египет из завоеванных земель, предназначалась для его храма.

Чтобы выразить глубокую благодарность, которую царь питал к Амону (см. вклейку фото 12), жрецы Карнака составили замечательную поэму о победе, в которой возвращающегося царя приветствовал и превозносил его божественный защитник.

Приходи ко мне, радуясь, что видишь мою красоту, о сын мой, защитник мой, Тутмос...

*Я даровал тебе отвагу и победу над всеми странами;
Я поместил мощь твою и страх пред тобой во все земли,
А ужас пред тобой до четырех опор неба...*

Правители всех стран зажаты в руке твоей —

*Я протягиваю руки свои, чтобы связать их для тебя;
Я связываю нубийских кочевников десятками тысяч и тысячами,*

А северные народы сотнями тысяч.

Я бросаю врагов твоих под сандали твои, и уничтожаешь ты непокорных,

Ибо отдал я тебе землю из края в край,

Западные люди и жители Востока под властью твоей.

*Ты попираешь все чужеземные страны с радостным сердцем,
и никто не смеет приблизиться к тебе;*

Поскольку я твой вожатый, и ты настаиваешь их.

*Ты пересек воды Великой Излучины Нахарины в победе и мощи,
которые я дал тебе.*

Они слышат твой боевой клич и заползают в норы свои;

Я лишил их ноздри дыхания жизни; я дал, чтобы ужас пред твоим величеством заполнил сердца их.

Урей на голове твоей, сжигает он их; уничтожает он своим пламенем жителей далеких равнин;

Он отрубает головы азиатов, и никто из них не спасается.

Я даю, чтобы победы твои проникли во все страны;

То, что освещает урей мой, подчинено тебе.

Никто не восстает против тебя под небом;

Они приходят с дарами на спинах своих, кланяясь твоему величеству, как я повелел.

Я даю пасть каждому нападавшему, что приходит близко к тебе:

Сердца их горят, а тела дрожат.

*Я пришел, чтобы дать тебе повергнуть правителей Джахи;
Рассеял я их под стопами твоими в землях их.
Я даю им увидеть твое величество как владыку лучей: ты
сияешь пред ними в облике моем.*

*Я пришел, чтобы дать тебе повергнуть жителей Азии;
И ты разбилаешь головы азиатов Речену.
Я даю им увидеть твое величество облаченным в доспехи
твои,
Когда берешь ты оружие в боевой колеснице.*

*Я пришел, чтобы дать тебе повергнуть Восток;
И ты попираешь жителей Страны Бога.
Я даю им увидеть твое величество как комету,
Что разливает свой пламень и распускает свой хвост.*

*Я пришел, чтобы дать тебе повергнуть Запад;
Кефтиу и иси подчинены твоей власти.
Я даю им увидеть твое величество как молодого быка,
Сильного сердцем и острого рогами, совсем недосягаемого.*

*Я пришел, чтобы дать тебе повергнуть тех, кто живет на
своих далеких равнинах:
Земли Митанни дрожат от страха пред тобой.
Я даю им увидеть твое величество как крокодила,
Владыку ужаса в воде, никто не приближается к нему.*

*Я пришел, чтобы дать тебе повергнуть народ островов;
Те, кто живет в середине моря, склоняются по твоему
боевому кличу.
Я даю им увидеть твое величество как Мстителя,
Увенчанного во славе на спине жертвы его.*

*Я пришел, чтобы дать тебе повергнуть ливийцев;
Учентиу уступили мощи твоей.
Я даю им увидеть твое величество как яростного льва:
Ты превращаешь их в трупы в долинах их.*

*Я пришел, чтобы дать тебе повергнуть предел мира;
То, что окружает море, зажато в руке твоей.
Я даю им увидеть твое величество как парящего сокола,
Который хватает то, что видит он по желанию его.*

*Я пришел, чтобы дать тебе повергнуть тех, кто живет в
верхней части мира;
Ты забираешь жителей песков в плен.
Я даю им увидеть твое величество как шакала Верхнего*

*Египта, быстроногото,
Бегущего, который рыскает по Обем Землям.*

*Я пришел, чтобы дать тебе повергнуть нубийцев;
Все в руке твоей до Шатиу-джеба.
Я даю им увидеть твое величество как твоих двух братьев
[Хора и Сета],
Чьи руки я соединил с твоей [рукой] в победе.*

Эта хвалебная песнь, которая являлась образцом формы и стиля и структура которой легко различима даже в переводе, стала чрезвычайно популярной, позднее ее часто копировали и использовали для прославления других фараонов.

На тридцатом году своего правления Тутмос смог впервые отпраздновать свой тридцатилетний юбилей со дня, когда он был назван наследником престола. Поскольку с древних времен существовал обычай повторять этот юбилей каждые три или четыре года после первого празднования, за оставшиеся двадцать три года, которые были ему отмерены судьбой, он наслаждался таким количеством этих празднований, которое было весьма необычным для восточного владыки. Согласно древней традиции, празднование этих юбилеев, *хеб-седов*, ознаменовывалось водружением обелисков. Четыре из этих чудесных памятников Тутмоса III дошли до нас: два, которые некогда воздвигли в Фивах, и пара, изначально установленных перед храмом Ра в Гелиополе. По удивительной иронии судьбы ни один из них не остался на своем древнем месте. Некоторые из них еще в древности, а другие уже в современности были перевезены в совершенно разные места. Один из фиванских обелисков по приказу императора Константина Великого был отправлен в Византий — восточную столицу Римской империи, которая в его честь была переименована в Константинополь. Император Феодосий велел установить его на Ипподроме, где он и находится до сих пор, однако произошло это не ранее 390 года. Второй фиванский обелиск высотой 32 метра, к которому в период своего правления добавил надпись Тутмос IV, был отвезен в Рим и около 363 года установлен в Большом цирке. Однако он почему-то упал и столетиями лежал под горами развалин, пока папа Павел V в 1588 году не откопал его и не установил на новом основании перед грандиозным зданием базилики Святого Иоанна на Латеранском холме. Еще более примечательны странствования двух гелиопольских обелисков. По приказу префекта Барбара на восьмом году правления Августа в Египте (23 г. до н. э.) они были доставлены в египетскую столицу — Александрию, чтобы их могли установить перед Цезареумом в новом пригороде Никополя. Эти обелиски являются знаменитыми «иглами Клеопатры», как их называли в честь великой царицы арабы. Однако им обоим суждены были дальнейшие странствования. Впоследствии один из них высотой около 21 метра, который лежал на земле больше тысячи лет, был подарен британскому правительству Мухаммедом Али и за счет частного лица, жителя Лондона, в 1877 году увезен для установки на набережной Темзы, где и находится до сих пор, практически разрушенный смогом и копотью. Второй гелиопольский обелиск в 1880 году привезли в Нью-Йорк как подарок правительству Соединенных Штатов от египтян. В настоящее время он стал одной из самых знаменитых достопримечательностей Центрального парка. Итак, в четырех современных городах Старого и Нового Света эти четыре колоссальных обелиска из красного гранита превозносят

славу древнего «покорителя мира» Тутмоса III и выполняют пожелание величайшего из фараонов, чтобы «имя его могло оставаться в будущем вечно-вековечно», гораздо лучше, чем он ожидал.

Если, согласно египетской точке зрения, добродетель правителя в основном проявляется в его служении богам и в храмах, которые он строит для них, то Тутмос III, без сомнения, один из лучших фараонов. Из добычи, полученной в ходе своих войн, он делал богатые дары разным жречествам, и в Египте едва ли найдется хотя бы один крупный город, где нет следов его активного строительства. К сожалению, до наших дней сохранилось мало храмов, которые обязаны ему своим существованием, за исключением тех, что фараон построил в Фивах (к ним мы вернемся позднее).

Почти в самом конце царствования Тутмос III назначил соправителем своего единственного сына Аменхотепа, которого родила его вторая жена, «великая царская супруга» Хатшепсут-Меритра. Однако отец и сын делили трон недолго, ибо в последний день седьмого месяца пятьдесят четвертого года правления Тутмос III «окончил свое время; он взлетел на небо, соединился с солнцем и слился с тем, кто сотворил его». Ему было около шестидесяти пяти. Еще на пятидесятом году правления он провёл свой последний поход в Нубию, а незадолго до своей смерти вместе с сыном и соправителем Аменхотепом участвовал в смотре войска.

Тутмос III построил себе в качестве последнего места упокоения большую скальную гробницу в уединенной Долине царей, где был похоронен его отец и вырубил свою гробницу Хатшепсут. Она начинается с наклонного коридора длиной более 19,8 метра, который ведет от входа к огромной шахте со сторонами примерно 3,7 на 4,6 метра и глубиной от 4,6 до 6 метров. По другую сторону от шахты располагается огромный зал с двумя квадратными в сечении колоннами, стены которого украшают ни много ни мало 741 одно изображение египетских божеств. В дальнем углу этого зала в полу находится вход во второй коридор, который представляет собой лестницу с низкими ступенями и спускается в главный зал гробницы. Потолок этого помещения также поддерживают две прямоугольные в сечении колонны. Его стены покрывают изображения и иероглифические надписи, причем все они выполнены на желтовато-сером фоне черной и красной краской в «курсивном» стиле. В итоге создается впечатление, будто стены всей камеры затянуты огромным папирусом. Зритель обнаруживает здесь развернутую перед глазами и неповрежденную копию одной из самых известных и самых ценных книг своего времени — «Книги о том, что в загробном мире». Она представляет собой нечто вроде путеводителя, знание которого было необходимо царю, если он хотел удачно совершить ночное путешествие через подземный мир вместе с солнечным богом Ра. В этом зале на алебастровом основании стоял саркофаг из желтого кварцита, в котором некогда находился деревянный гроб с мумией царя. Однако Тутмосу III, как и некоторым его предкам, не было суждено вечно покоиться в месте, которое он выбрал. Примерно через пятьсот лет после его смерти в его подземные погребальные покои проникли упорные грабители, которые не только открыли каменный саркофаг и ограбили мумию, но и разорвали тело на три части. Оно было найдено в таком состоянии стражей некрополя, которая снова тщательно вернула ее в изначальные бинты и ткани и перевезла в «царский тайник», где ее вместе с другими царскими мумиями обнаружили в 1881 году. В настоящее время гроб и мумия царя хранятся в Каире.

Не вызывает сомнений, что Тутмос III был одной из самых значительных личностей, которые когда-либо занимали трон фараонов. Если какой-нибудь египетский правитель и заслуживает чести называться «Великим», то Тутмос является более подходящим кандидатом, чем все остальные, и, безусловно, более, чем живший позднее Рамсес II, которому этот эпитет несправедливо присвоили некоторые современные историки, изучающие Древний Египет. Египтяне вполне сознавали его величие и то, «как сильно боги любили его». Веками его тронное имя, Менхеперра, считалось действенным заклинанием на удачу и писалось на бесчисленных амулетах, чтобы защитить их владельцев от несчастий. Деяния царя, который основал Египетскую мировую империю, сохранились в памяти народа и были приукрашены множеством легендарных подробностей. Лишь имя его было забыто. Когда племянник римского императора Тиберия Германик в 19 году н. э. посетил Фивы и бродил по огромной территории Карнака, то уговорил одного из жрецов объяснить, что написано в длинных надписях на стенах, которые донныне сохранили почти единственную запись о военных подвигах Тутмоса III. Услужливый жрец, соответственно, поведал ему, как царь с семисоттысячным войском победил Ливию и Эфиопию, мидян и персов, бактрийцев и скифов, Капшадокию, Вифинию и Ликию, то есть практически всю Малую Азию. Он также прочел, какой данью были обложены все эти народы, о мерах золота и серебра, множестве колесниц и лошадей, слоновой кости, зерне и всех остальных предметах, которые должен был доставить каждый из этих народов, — все, что действительно описывают анналы Тутмоса III. Однако, когда жреца спросили, кто же достиг всей этой славы, тот назвал не Тутмоса III, а Рамсеса — того самого Рамсеса, которого до сих пор привык называть современный драгоман каждый раз, когда рассказывает откровенно рот туристу об удивительных чудесах древнего памятника.

Глава 8

Золотой век: преемники Тутмоса III

Со смертью Тутмоса III (около 1450 г. до н. э.) единоличным правителем Египетской империи стал его сын Аменхотеп II (см. вклейку фото 13). Вполне естественно, что Тутмос должен был уделять особое внимание образованию наследника престола. Мы располагаем весьма скудными знаниями об обучении, считавшемся подходящим для египетского царевича. Очевидно, не меньший упор делали на обучении стрельбе из лука, охоте, плаванию и верховой езде. Сохранились надписи нескольких наставников Аменхотепа, среди которых был мастер по стрельбе из лука по имени Мини, дававший ему уроки. Увлечение спортом и состязаниями в умениях, которые наставники привили своему царственному ученику, а также любовь юноши к лошадям недавно были обнаружены в одной из лучших характеристик, сохранившихся с тех древних времен. Она содержит описание нескольких случаев из жизни царевича Аменхотепа до его восхождения на престол, записанных на стеле, обнаруженной несколько лет назад недалеко от Большого сфинкса в Гизе:

«И вот, когда его величество появился как соправитель, будучи еще прекрасным юношей, когда он развил свое тело [к зрелости] и закончил восемнадцать лет на ногах его в смелости, он был тем, кто знал каждое дело Монту, — не было равного ему на поле боя. Он был тем, кто знал лошадей, не было подобного ему в этом многочисленном войске, не было в нем того, кто мог бы натянуть лук его. Нельзя было приблизиться к нему в быстроте. Был он силен руками, тот, кто никогда не уставал, когда брал весло, но греб он на корме своей ладьи сокола как лучший из двухсот человек. Остановившись после того, как закончили они половину *итеру* [3/4 мили, или 1,2 км], были они усталыми, а тела их утомленными, не могли они дышать больше. Но его величество был силен под веслом своим двадцать локтей [около 33 футов, или 10 м] длиной. Он остановился и, наконец, причалил на своей ладье сокола, закончив три *итеру* [4,5 мили, или 7,2 км] и гребя без отдыха от движения [веслом]. Лица [зрителей] были радостными при виде его.

Он также сделал это: он натянул триста тугих луков, сравнивая мастерство ремесленников, сделавших их, чтобы отличить несведущего от умелого. И он пришел также и сделал следующее, к чему я желаю привлечь внимание ваше. Он вошел в свой северный сад и нашел установленные для него четыре мишени из азиатской меди в ладонь [3 дюйма, или 7,6 см] толщиной и двадцать локтей [почти 33 фута, или 10 м] между одним шестом и следующим. Потом его величество появился в колеснице, словно Монту в мощи его. Он схватил лук свой и зажал четыре стрелы сразу. Он ехал на север, стреляя по ним [по мишеням], подобно Монту в доспехах его. Стрелы его выходили из задней стороны (одной из них), тогда как он атаковал другую. И этой вещи действительно никогда не делали в истории и никогда не слышали [о ней]: того, чтобы стрела, выпущенная по мишени из меди, выходила из нее и падала на землю, кроме как [в руке] царя, богатого славой, которого укрепил Амон... Ахеперура [Аменхотепа II], героического, словно Монту.

И вот воистину, когда он был еще юношей, он любил лошадей и радовался им. Сердце его делала сильным работа с ними (управление ими), изучение их природы, умение заботиться о них и посвящение в [правильные] способы. Когда это было услышано во дворце отцом его, Хором: Могучим Быком, Появляющимся в Фивах [Тутмосом III], сердце его величества было довольно, когда он услышал это, и он обрадовался тому, что сказано о сыне его старшем, говоря сердцу своему: „Он осуществит господство над всей землей, не подвергнувшись нападению, его ум уже занимает отвага, и он обладает силой, хотя еще только несведущий юноша, мой любимый, и тот, кто еще без понимания и еще не в [том] возрасте, чтобы делать работу Монту. Он еще не сосредоточен на мысли о себе, но он любит силу; это бог вложил в сердце его действовать так, чтобы Египет был сохранен для него, и земля была подчинена ему“. Тогда сказал его величество тем, кто был с ним: „Пусть дадут ему самых лучших лошадей из конюшни моего величества, что в Мемфисе, и скажут ему: „Заботься о них, но пусть они боятся тебя. Пускай их рысью, но останавливай их, если они не слушаются тебя“. После этого царевичу было доверено заботиться о лошадях из конюшни его величества, и он делал то, что говорили ему. Решеф и Астарта радовались ему, потому что он делал все, что желало сердце его. Он тренировал лошадей [так, что не было] им подобных. Они никогда не уставали, когда он брал вожжи, они никогда не потели, даже после долгого галопа. Он запрягал их в упряжку в Мемфисе и останавливался в святилище Хармахиса [Сфинкса]. Он немного медлил там, обходя его и смотря на совершенство этого святилища Хуфу и Хафра. Его сердце желало увековечить их имена, и он напоминал себе об этом, поистине, пока не случилось то, что его отец Ра повелел ему. После этого, когда его величество был коронован в качестве царя... тогда вспомнил он о месте, где наслаждался он вблизи пирамид и Сфинкса, и было приказано, чтобы святилище было построено там, где была установлена стела из белого камня, на поверхности которой было вырезано великое имя Ахеперура, возлюбленного Хармахисом, дающего жизнь навечно“».

Неудивительно, что так воспитанный царевич обладал необычно демократичным складом ума по отношению к своему народу. Похоже, Аменхотеп II всегда поддерживал близкие отношения с друзьями своей юности и окружил себя верными чиновниками, избранными из их числа. Если он назначал кого-то из них на пост в отдаленной части империи, то при случае напоминал ему личным письмом о своем продолжающемся интересе. Сохранившиеся надписи Аменхотепа II о его главных военных кампаниях в соответствии с его характером и воспитанием придают особое значение его личным подвигам и приключениям.

Первый поход фараона, вероятно, был вызван восстанием в каких-то областях Северной Сирии, завоеванных Тутмосом III, включая Тахси близ Кадеша. Из-за него он прошел на север до самого Алалаха, расположенного на великой излучине Оронта, и до Шемеш-Эдома, однако, возможно, не повел свое войско на восток по стопам своего отца, чтобы пересечь Евфрат. Однако Аменхотеп где-то «разбил Нахарину». По дороге домой он захватил Нии и Угарит и заставил сдаться Кадеш и многие другие до сих пор не идентифицированные города Северной Сирии. Будучи в окрестностях Кадеша, увлекающийся спортом фараон какое-то время отдыхал, стреляя по мишеням и охотясь в специально устроенной зоне для состязаний в лесах Ребиу. Позже, возвращаясь в колеснице по долине Шарона, он захватил гонца правителя Нахарины с посланием на глиняной табличке, которая висело у того на шее, и доставил его в Египет «у бока

своей колесницы». Вернувшись с богатой добычей и многочисленными пленниками в Мемфис, царь отпраздновал великую победу, которую, как он гордо рассказывает, видела царица. Будучи в восставшей области Тахси, Аменхотеп собственноручно убил семь ее правителей и привез их тела в Египет. В качестве завершающего акта возмездия он повесил их головы на носу своего корабля, плывущего по Нилу, и привез в Фивы. Шесть трупов были выставлены на стене столицы, а седьмой был доставлен в Напату и выставлен там на стене в качестве назидания любым потенциальным мятежникам.

Второй поход ограничился Палестиной, где фараон захватил множество городов (большая часть неуставленных), огромную добычу и не менее 89 600 пленников. После сдачи Итерена и Мигдолиуна добытые там трофеи и пленники были собраны за оградой, которую окружал двойной ров, заполненный пламенем. Царь рассказывает, что всю ночь охранял их «в одиночку с боевым топором в правой руке, не было никого вместе с ним, ибо войско было слишком далеко от него, чтобы слышать призыв фараона». Этот поход произвел глубокое впечатление на державы Западной Азии, ибо, услышав о победах Аменхотепа, «правитель Нахарины, правитель Хатти и правитель Вавилонии подражали друг другу, делая подарки и... прося мира у его величества».

Аменхотеп II велел вырубить свою гробницу в Долине царей, недалеко от усыпальницы его отца, план которой она во многом повторяла. Саркофаг из желтого кварцита находился в крипте, примыкающей к большому залу с колоннами. Когда в 1898 году гробница была найдена, тело царя все еще покоилось в саркофаге вместе с растениями, положенными на него во время похорон почтительными руками. Гирлянды из листьев и цветов были положены вокруг его шеи, а на груди покоился небольшой букет из цветов акации. Другие подношения, которые некогда были погребены вместе с фараоном, были украдены или разрушены грабителями еще в древности. Когда в X веке до н. э. захоронение было осквернено, власти по непонятным причинам решили оставить Аменхотепа в его гробнице. Однако прежде, чем снова запечатать ее, они перенесли туда тела девяти других царей, включая двух непосредственных преемников Аменхотепа II — Тутмоса IV и Аменхотепа III, — которые больше не были в безопасности в их собственных гробницах. Столетие за столетием они продолжали покоиться непо потревоженными, пока гробница не была обнаружена и снова открыта в 1898 году.

Фараону Аменхотепу II наследовал его юный сын Тутмос IV, рожденный царицей Тией. Мы располагаем очень скудными сведениями о его правлении. Незначительные походы в Сирию и Нубию привели к сохранению аванпостов империи в районе Нахарины на Севере и Карои (Напата) на юге. Одним из главных событий правления этого фараона стало раскапывание Большого сфинкса (см. вклейку фото 5) от частично засыпанного его песка. Сфинкс представляет собой огромного лежащего льва с головой царя в традиционном головном уборе из ткани с уреем на лбу. Вероятно, это была естественная скала, которая издавала некоторое сходство со львом. Когда строилась пирамида Хафра, образ был частично вырублен из склона скалы, а частично выложен из каменных блоков в виде Сфинкса. Лицу же придали сходство с чертами Хафра. То, как у Тутмоса IV возник порыв освободить Сфинкса от заносающего его песка, царь ярко описал на памятнике, который велел установить между передними лапами огромной статуи. Согласно этой надписи, Тутмос, еще будучи царевичем, до своего восшествия на престол часто развлекался охотой в пустыне в окрестностях

Мемфиса и «ездил в своей колеснице, чьи лошади были быстрее ветра», копьем убивая львов и газелей. Во время одной такой поездки в дневной зной юноша уселся «в тени этого великого бога». Когда солнце достигло высшей точки, царевич заснул и увидел этого величественного бога, который говорил с ним устами собственными, как отец говорит с сыном:

«Посмотри на меня и узри меня! О сын мой Тутмос, я отец твой, Хармахис-Хепри-Ра-Атум. Я дам тебе мою власть на земле над живущими, и ты будешь носить ее красную корону и ее белую корону на троне Геба-Владыки. Тебе будет принадлежать земля во всю длину ее и ширь ее вместе с тем, что освещает око Господина Всего [Сущего], и ты будешь наделен припасами из [тех, что] в Обеих Землях, и многими приношениями из каждой чужой страны. Уже долгие годы лик мой повернут в тебе и сердце тоже. Ты принадлежишь мне. Смотри, состояние мое подобно [тому], кто в болезни, и все тело мое разрушено, ибо песок пустыни, того [места], где я, давит на меня. Я ждал, чтобы ты сделал [то], что в сердце моем; ибо я знаю, что ты сын мой и защитник мой. Подойди, я с тобой, я твой проводник».

Когда Тутмос проснулся, он осознал слова бога, и они оставались в его памяти до его восхождения на престол. Сразу после начала своего царствования фараон исполнил просьбу бога, даровавшего ему власть, и велел убрать песок, который практически полностью засыпал Сфинкса. В 1926–1927 годах Египетская служба древностей последовала примеру древнего правителя и снова освободила Сфинкса от погребавшего его песка. Поэтому сегодня его можно видеть величественно лежащим с вытянутыми лапами и смотрящим на восходящее солнце, во многом таким же, как он должен был выглядеть, когда Тутмос IV освободил его от песка в ответ на просьбу своего отца Хармахиса (см. вклейку фото 5).

После смерти Тутмоса IV и его погребения в Долине царей на трон под именем Аменхотеп III (см. вклейку фото 14) взшел его сын от «великой царской супруги» Мутемуйи. Его тридцативосьмилетнее правление в основном было мирным и сопровождалось для Египта счастливыми событиями больше всех предыдущих. Однако к концу царствования этого фараона начали проявляться зловещие признаки распада. Сам Аменхотеп является самым блестящим представителем той счастливой эпохи — совершенным образом величественного восточного правителя, наслаждающегося всей полнотой жизни. В поисках единственного слова, выражающего его характер, нельзя найти для него более подходящего эпитета, чем Аменхотеп Великолепный.

Насколько нам известно, Аменхотепу III лишь однажды за время своего царствования — на пятом году — пришлось начать военный поход. Тогда некие нубийские племена устроили восстание, однако фараон победил их и привел в Египет 740 негров в качестве пленников. Вряд ли Аменхотеп когда-либо ступал на сирийскую землю. Однако на своих памятниках он стремился создать впечатление, что лично «со своим смелым мечом» покорил чужие страны, включая презренный Куш, Нахарину и Сирию, и поместил их все «под ногами своими». Он также хотел бы совершить подвиги своего великого предка Тутмоса III. Верное жречество исполнило его желание и обесмертило его во всех его храмах как «победоносного правителя». Например, на великолепной стеле он изображен стоящим в колеснице с хлыстом и луком в руке и правящим своими конями над распростертыми телами врагов. Однако в реальности Аменхотеп довольствовался выездами на охоту, где вместо неприятеля мог убивать диких быков и львов. Его рассказ о ста двух львах, которых он убил собственными руками за

первые десять лет своего правления, возможно, заслуживает гораздо большего доверия, чем его попытка представить себя великим завоевателем.

Во время своего царствования Аменхотеп вел необычайно активное строительство. Подобно своим предшественникам, он, очевидно, использовал большую часть рабов и материальных ресурсов, которые хлынули в Египет в качестве дани из разных провинций империи, чтобы сделать богатые подношения богам, а также украсить их прежние храмы или построить им новые. Большая часть этого богатства, естественно, доставалась главному божеству Фив — Амону, царю богов, для которого Аменхотеп III построил не менее трех больших храмов, не говоря уже о четвертом в далекой Нубии, близ современного Солеба.

Уже в начале своего правления Аменхотеп III женился на женщине по имени Тия (см. вклейку фото 15), дочери человека незнатного происхождения Иуйи и его супруги Туийи. Несмотря на свое скромное происхождение, Тия была возведена в ранг «великой царской супруги», который утвердил ее в качестве царицы. Аменхотеп отметил этот факт изготовлением серии больших скарабеев (см. вклейку фото 16), упоминавших о скромном происхождении царицы, ее родителей и том факте, что, несмотря на все это, она является официальной супругой фараона, чья страна простирается на юг до Карои, а на север — до Нахарины. Молодая царица, вероятно, обладала значительным влиянием на своего супруга и играла важную роль в политической жизни. Ее часто изображают на памятниках рядом с мужем в манере, совершенно беспрецедентной для египетского искусства. Скарабеи с именами царя и царицы, написанные рядом, часто использовались в качестве печатей или амулетов.

Таким образом, существует достаточно доказательств для вывода, что царица Тия отказалась от традиционного уединения, характерного для прошлого, чтобы занять выдающееся место в общественной жизни. Недалеко от большого царского дворца на западном берегу Нила фараон выкопал для нее огромное озеро длиной почти 2 километра и шириной 366 метров, которое, несмотря на его большие размеры, было закончено всего за четырнадцать дней. Это событие посчитали достойным, чтобы изготовить новую серию больших «исторических» скарабеев. Кроме того, родителям царицы Тии предоставили роскошную гробницу в Долине царей, которая была найдена неразграбленной.

Ни одно исследование царствования Аменхотепа III не может обойти вниманием самого знаменитого из его современников. Этого человека, как и его царственного господина, звали Аменхотеп, хотя он больше известен как Хуи. Он был сыном некоей Хапу и уроженцем нижнеегипетского города Атрибиса. Одна из лучших портретных статуй того времени сохранила для нас его совсем некрасивое, но живое лицо пожилого человека (см. вклейку фото 17). В первые годы правления внимание фараона было направлено на этого человека благодаря его исключительным знаниям «божественных слов» (иероглифов). Аменхотеп III назначил его заместителем начальника царских писцов. После периода верной службы, как нам известно из его автобиографии, фараон перевел Аменхотепа на должность «главного царского писца новобранцев».

«Я собирал молодых людей моего господина; моя палочка считала число миллионов. Я призывал сильнейших мужчин из мест их семей... Я облагал поместья согласно их числу и набирал [из] них отряды соответствующих поместий. Я наполнял ряды лучшими пленниками, которых его величество захватил на поле боя. Я осматривал

все их войско и отвергал слабых. Я помещал отряды на дороги, чтобы отразить чужеземцев в их [собственное] место, и этот „пояс Обоих Земель“ стоял на страже против вторжения кочевников. Я действовал так же на берегах устьев Нила, которые были закрыты под войском моим, кроме как для команд царского флота».

Однако все достижения Аменхотепа на поприще чиновника и полководца во многом превосходят его успехи в третьей области — деятельности главного архитектора. «Мой господин отличил меня в третий раз... он назначил меня начальником всех работ, и я увековечил имя царя навсегда. Я не подражал тому, что было сделано прежде». Затем Аменхотеп высокопарными фразами продолжает рассказывать, как закончил царскую статую в одной из каменоломен близ Гелиополя, перевез ее в Карнак и установил в одном из дворов храма.

«Я руководил работами над большой и широкой статуей, [которая] выше, чем его колоннада, красота которой улучшает пилон. Длина ее была сорок локтей [69 футов, или ок. 21 м] в величественной горе из кварцита рядом с Ра-Атумом. Я построил барки и привез ее вверх по течению, и она была установлена в этом большом храме, продолжая существовать, подобно небу. Мои свидетели — вы, кто придет после нас. Все воины были объединены под моим руководством, и они работали с радостью, сердца их были счастливы, веселясь и восхваляя доброго бога [царя]. Они причалили в Фивах в ликовании».

Какие еще памятники были созданы Аменхотепом и его ли творениями являлись чудесный храм в Луксоре и огромный царский заупокойный храм позади сохранившихся до наших дней колоссов в Западных Фивах (см. вклейку фото 18), нам неизвестно. Длинная и многословная автобиография, которую он нам оставил, сообщает мало подробностей о его важной карьере.

Чтобы обеспечить потребности собственного заупокойного культа, Аменхотеп, сын Хапу, построил для себя на границе западной пустыни в Фивах, недалеко от большого храма своего господина, впечатляющий храм с прудом и садами. По царскому указу его все время снабжали богатыми и неприкосновенными дарами, включая рабов и рабынь, и он находился под защитой Амона-Ра, «царя вечности и защитника мертвых». Память об этом Аменхотепе, как и об Имхотепе — архитекторе огромных заупокойных сооружений фараона Джосера (см. гл. 2), — сохранилась на многие столетия. Он считался одним из мудрецов Египта, и приписываемые ему изречения использовались еще в птолемеевский период. Благодаря мудрости и предполагаемой способности предвидеть события Аменхотепа считали имеющим божественную природу. Наконец, при одном из преемников Александра Великого — вероятно, Птолемее Эвергете II — около 140 года до н. э. он был обожествлен и с тех пор почитался как бог.

В последние дни жизни Аменхотепа III терзала тяжкая болезнь. Мы находим его изображения в виде усталого старика на кресле во дворце с поникшей головой и полным телом, осевшим в апатии, когда его рука вяло покоится на колене (см. вклейку фото 19). Вся возможная медицинская помощь оказалась бесполезной, и в качестве последнего средства он написал царю Митанни, прося того отправить в египетскую столицу чудотворную статую ниневийской богини Иштар в надежде, что ее знаменитые целительные силы смогут принести ему облегчение.

Рис. 2. Эхнатон, Нефертити и четыре их дочери в Амарне. Гробница Хуи

В последние десять или больше лет жизни болеющий фараон посадил с собой на трон своего сына Аменхотепа, который был рожден царицей Тией вскоре после восшествия на престол. Это десятилетие не было многообещающим для империи. Слабое здоровье фараона в сочетании с его природной леностью способствовали тому, что он не мог уделять внимание делам государства. Поэтому, пока во время своего долгого правления Аменхотеп III наслаждался наследием своих предков, он не предпринимал серьезных усилий сохранить его в качестве постоянного владения для себя или своей династии. Молодой соправитель, который мог бы стать опорой своего отца в старости, не проявлял интереса к управлению государством. Будучи мистической натурой и, возможно, болезненным человеком, он уже начал посвящать все свои силы распространению новой религиозной доктрины, столь же примечательной, сколь и неуместной в то критическое время в сложившейся ситуации.

Тогда как Аменхотеп III, почти превратившийся в инвалида и не способный заниматься делами, оставался в Фивах, его выдающийся сын или отсутствовал, пребывая в Амарне, где он уже начал строить новую столицу рушащейся империи, или посвящал свое время и силы ожесточенным религиозным спорам со жречеством Амона в Фивах. Между тем в Сирии было неспокойно, и враждебные силы на севере и востоке пересекали границы и повсюду атаковали города, которые продолжали хранить верность фараону. Очевидно, в провинциях не было гарнизонов, которые могли бы действовать соответственно ситуации. Призывы о помощи, которые немедленно посылались в Египет, оставались без внимания, а просьбы об особых военных пополнениях исчезали в государственных архивах после торопливого прочтения.

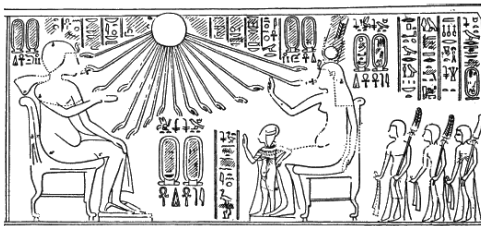

Рис. 3. Аменхотеп III и царица Тия в качестве гостей в Амарне. Гробница Хуи

Во второй половине периода соправления, после того, как Аменхотеп IV сменил имя на Эхнатон и перенес постоянную резиденцию в свою новую столицу Ахетатон (Амарну), Аменхотеп III проводил часть времени там, во дворце своего сына (рис. 3). Наконец примерно в 1375 году до н. э. изнуренный фараон отправился к своим предкам и был похоронен в уединенной, вырубленной в скале гробнице в Фивах, которую

приготовил для себя довольно далеко от усыпальниц своих предшественников. С его смертью миновало и время расцвета империи на Ниле. После восшествия Аменхотепа IV (Эхнатона) на престол в качестве единоличного правителя дела шли все хуже и хуже. Новый царь не только не предпринимал попыток заверить в помощи или действительно послать ее колеблющимся представителям египетской власти в Западной Азии, но и благодаря фанатичному увлечению своими религиозными нововведениями привел Египет на край гибели.

Глава 9

Царь и администрация во времена Золотого века

Можно считать, что расцвет империи фараонов приходился примерно на XV век до н. э. — период между воцарением Тутмоса III и смертью Аменхотепа III. Никогда прежде и никогда после Египет не расширял свои границы так далеко на север или на юг, и никогда страна так не процветала. В течение семидесяти лет после изгнания гиксосов Египет превратился в мировую державу, какую до тех пор Восток не видывал. Разумеется, эта ситуация сложилась только после того, как Египетское государство прошло через полное преобразование и обрело власть, о которой чиновники Древнего и Среднего царств и не мечтали.

С незапамятных времен египетский царь рассматривался как владыка мира. Он считался воплощением бога-сокола Гора — молодого солнечного бога, победившего своих врагов; или же он был сыном солнечного бога Ра, который разместился на троне отца богов Геба; в этом последнем качестве он также являлся сыном главного бога эпохи империи — Амона Фиванского, которого стали отождествлять с Ра. Эта связь отца и сына задумывалась жречеством не просто как фигура речи, а толковалась как реальность. Длинные ряды рельефных изображений в разных храмах показывают, как Амон зачинает царя и как последний рождается под защитой богов. Например, в одном помещении в Луксорском храме бог Хнум показан сидящим за гончарным кругом, на котором он в присутствии богини Исида создает двух младенцев — будущего фараона Аменхотепа III и его *ка*, нечто вроде духа-хранителя, который по внешнему виду и характеру идентичен самому царю. В следующей сцене Амон приближается к «великой царской супруге» Мутемуйе и зачинает ребенка, уже сотворенного Хнумом. Далее бог Тот появляется перед царицей и объявляет ей о предстоящих родах, на изображении рядом Хнум и Исида ведут ее к сцене разрешения от бремени. Последняя изображена неподалеку, и все происходит в присутствии и при помощи многочисленных богов и полубогов. После счастливого окончания родов Исида представляет новорожденного царевича его отцу Амону, который берет ребенка на руки и обещает ему «миллионы лет, подобно Ра». Царского отпрыска вскармливают богини и священные коровы. Он растет под защитой богов, пока наконец его отец не усаживает его на трон Египта.

Очевидно, что этот сын богов превосходил все земные создания в мудрости и силе и что придворные ораторы никогда не уставали воспевать и прославлять сверхъестественную мудрость «доброего бога»:

«Каждая речь уст твоих подобна словам Хорахти; язык твой — весы: более точны губы твои, чем язычок на весах Тота. Есть ли что-то, чего ты не знаешь? Существует ли кто-то, кто столь же мудр, как ты? Есть ли место, которого ты не видел? Нет земли, на которую ты не ступал. Каждый случай приходил к ушам твоим с тех пор, как ты управляешь страной этой. Ты сделал планы, пока ты был еще в яйце, в твоих обязанностях ребенка и наследного принца. Тебе были переданы дела Обеих Земель, когда ты еще был ребенком с локоном юности... Ты стал командующим войском, когда был

еще десятилетним мальчиком... Если ты скажешь водам: „Поднимайтесь в гору“ — поток потечет прямо по слову твоему, ибо ты — Ра... и Хепри... Власть в устах твоих, и понимание в сердце твоём. Деяние твоего языка — храм Маат [богини Истины], и бог находится на губах твоих. Слова твои доводятся до конца каждый день, и сердце твое сделало тебя подобным Птаху, кто сотворил ремесла. Тебе суждена вечность. Все делается согласно твоему желанию, и всему, что ты говоришь, повинуются».

Даже если фараон считался богом, эту идею очень редко, по крайней мере во времена правления Тутмоса III и его непосредственных преемников, доводили до логического конца, чтобы поклоняться царю как богу в храмах, построенных для конкретной цели отправления его божественного культа. Однако были и достойные внимания исключения, как в храме Солеба в Нубии, где Аменхотепа III почитали в качестве «живого воплощения Ра на земле», и в нубийском городе Седеинга, где похожим образом в святилище, построенном в ее честь, восхваляли царицу.

Внешне правителя от подданных отличало огромное количество символов (инсигний), которые появились в далеком прошлом и сохранились (с неизбежными изменениями) на протяжении столетий в качестве священного наследия предков. Характерным символом царской власти являлась смертоносная кобра — урей, — свернувшаяся на лбу царя, чтобы сокрушить всех его врагов, как когда-то она уничтожила противников солнечного бога Ра. Официальный наряд царя состоял из короткой или длинной юбки, обернутой вокруг бедер и впереди спадающей вниз в виде любопытной широкой треугольной конструкции. Поверх часто свисала узкая полоска жесткого материала, украшенная вышивкой и заканчивающаяся парой, а иногда и целым рядом змей-уреев. Юбку удерживал широкий пояс, с которого сзади свисал длинный хвост животного, возможно североафриканский символ власти вождя. Царский головной убор включал целую коллекцию корон: белую корону Верхнего Египта; красную корону Нижнего Египта; двойную корону, представлявшую собой комбинацию двух первых (см. вклейку фото 76) и символизировавшую в личности фараона «объединителя Обеих Земель», то есть правителя всего Египта; синюю корону — «шапку», сделанную из ткани или кожи, которую царь часто носил на поле боя (см. вклейку фото 88); льняной платок, покрывавший голову и спускавшийся на плечи и грудь двумя широкими складками, а сзади заканчивавшийся чем-то вроде косы, свисающей на спину ниже шеи (см. вклейку фото 14). Другие царские инсигнии включали множество разных скипетров: посох, так называемый цеп (см. вклейку фото 34), булаву, изогнутый меч. Совершенно очевидно, что придворный этикет предписывал, в каком именно одеянии и с какими инсигниями царь должен появляться каждый раз и что хранители царского гардероба внимательно следили, чтобы эти правила тщательно соблюдались.

Во время публичных аудиенций фараон обычно сидел на троне под балдахин, который поддерживали легкие колонны и верх которого украшал ряд змей-уреев. Великолепие такого царского трона обнаружилось недавно благодаря открытию настоящего трона, который некогда был изготовлен для Тутанхамона и использовался сначала в его дворце, а позднее в качестве погребального инвентаря в его высеченной в скале гробнице в Долине царей (см. вклейку фото 81).

У фараона было не менее пяти разных имен, соответствующих его проявлению в качестве воплощения бога Гора, Двух Владычиц (богинь-хранительниц Верхнего и Нижнего Египта), Золотого Гора (или Золотого Сокола), Царя Верхнего и Нижнего

Египта и Сына Ра.

Так, имя Тутмоса III звучало как «Хор: Могучий Бык, Появляющийся в Фивах; Две Владычицы: Долгий Царствованием; Золотой Сокол: Великолепный Диадемами; Царь Верхнего и Нижнего Египта: Постоянный проявлением — Ра [Менхеперра]; Сын Ра: Рожденный Тот». Из всех этих имен только последнее было изначально, данным царю при рождении, под которым его знали, пока он не занял трон. Остальные четыре принимались при восшествии на престол и во время правления часто расширялись за счет дополнительных эпитетов. В официальных обращениях и письмах, посылаемых чужеземными правителями, фараона называли «великим именем», которое он носил в качестве «Царя Верхнего и Нижнего Египта» и которое при написании иероглифами, как и личное имя «Сына Ра», данное при рождении, заключали в овальный картуш. В повседневной жизни существовала тенденция избегать упоминания царя по имени. Вместо этого о нем упоминали, используя разные титулы или иносказания, такие как «его величество» или «добрый бог», и вместо «царь велел» обычно говорили «велели». И наконец, в период Нового царства к нему обращались (или о нем говорили) как «Большой Дом», что изначально было обозначением дворца (сравним с турецким титулом «Высокая Порта»). Этот титул, который по-египетски произносился примерно как *пер-о*, со временем вытеснил большинство остальных и стал использоваться даже за границами Египта. В наши дни он сохранился в его еврейской транскрипции как «фараон».

Каковы же были обязанности и занятия египетского царя? Если кто-то станет искать ответ на эти вопросы, основываясь на изображениях на стенах храмов с их бесконечными рельефами, показывающими правителя в связи с богами, то обязательно придет к выводу, что тот проводил большую часть своего времени в молитвах или совершении жертвоприношений. Однако это было бы весьма далеко от истины. Разумеется, как верховный жрец страны фараон действительно участвовал в крупных религиозных праздниках, лично проводил церемонии основания и посвящения в храмах, которые строил для богов, а также выполнял другие жреческие функции. Тем не менее это не являлось его основным занятием. Нет сомнений, что большая часть времени египетского царя, как и у правителей остальных стран и других веков, была посвящена делам, связанным с управлением империей. Он должен был читать и отдавать распоряжения касательно бесчисленных документов и докладов, которые приносили ко двору высшие сановники, и, даже если большинство обычных обязанностей выполняли чиновники и другие помощники, должно было оставаться много работы, которая требовала его постоянного внимания. Обычно фараон давал аудиенцию и слушал устные доклады высших должностных лиц, которые сообщали ему, например, о состоянии урожая, о количестве собранных налогов, о высоте подъема уровня Нила и тому подобных вещах. Более того, царь традиционно являлся главным судьей, обязанным разрешать все споры. На самом деле он, конечно, передавал эту важную обязанность разным административным ведомствам, и прежде всего визирю. Нередко фараон покидал столицу — иногда чтобы развлечься охотой, но гораздо чаще — чтобы отправиться на юг или на север по стране с целью инспекции новых сооружений, которые находились в процессе постройки, или каналов, дамб и колодцев весьма развитой ирригационной системы. Первостепенное значение имели его военные обязанности. Царь не только принимал участие в наборе и вооружении войска, но, как мы уже видели при описании походов Тутмоса и его преемников, часто лично отправлял-

ся на войну и как главнокомандующий вел солдат в бой.

С самых ранних времен высшим должностным лицом в государственной администрации являлся визирь, который одновременно был начальником столицы и главным судьей. В эпоху пирамид обязанности визиря первоначально исполнял член царской семьи, немного позднее — в период Пятой династии — это на долгое время стало наследственной должностью в одной из семей знати, и, наконец, царь стал предлагать пост визиря заслуживающему его или же пользующемуся его благосклонностью сановнику по собственному выбору. До времени правления Тутмоса III в сферу власти визиря входил весь Египет, однако при этом фараоне было введено разделение обязанностей путем назначения двух визирей. Один из них нес службу в Верхнем Египте вплоть до Асьюта на севере, тогда как власть нижеегипетского визиря распространялась на северную часть империи. С незапамятных времен власть визиря определялась сводом жестких правил. Он заседал в суде в особом зале, где никакому другому чиновнику не разрешалось разбирать дела или назначать наказания. Через его руки проходили все административные дела. Он выносил вердикты по спорам насчет границ, писал отчеты для царя и контролировал списки новобранцев, которые должны были «сопровождать его величество на север и на юг». Ему как «начальнику работ» был доверен надзор за ремесленниками, которых привлекало государство и храмы в столице. Так, например, визирю Рехмира, который занимал этот пост при Тутмосе III, было поручено следить за возведением огромного входа в храм Амона в Карнаке. Даже кирпичи производились под его контролем: нильский ил разбивали мотыгами, смачивали водой из расположенного поблизости пруда, смешивали с песком и рубленой соломой и складывали в формы. Именно так, согласно Ветхому Завету, делали сыны Израиля (Исход, 5: 6–19). Затем кирпичи вынимали из формы и высушивали на солнце, после чего их можно было использовать для строительства. Огромные статуи и сфинксы, большие ворота, разнообразная мебель и утварь, сосуды и дорогие предметы, которые требовались для храмов, также изготавливались под присмотром визиря. Кроме того, в его обязанности входило получать и переправлять в надлежащие места всю дань, которая поступала в Египет от правителей окружающих стран. Ведомство визиря было административным центром всего Египта.

Принимая во внимание огромную важность этой должности, неудивительно, что царь лично проводил введение в нее. Церемония происходила пышно в зале для аудиенций в присутствии чиновников ведомства. Согласно древнему обычаю, царь давал формальное повеление получившему это назначение, в котором выражал свои личные указания, как следует вести дела, особенно подчеркивая большую моральную ответственность, которая возлагается на визиря:

«Смотри за ведомством визиря и следи за всем, что делается в нем, ибо это устройство всей страны. Что касается должности визиря, воистину она не приятна; нет, горька она, как желчь... Он тот, кто не должен оказывать особого почтения князьям или советникам и располагать к себе кого-то в качестве сторонника... Вот если проситель приходит из Верхнего или Нижнего Египта... тогда должен ты со своей стороны смотреть за тем, чтобы все делалось по закону и чтобы все велось в нужном порядке, когда каждому человеку воздаются права его.

Что касается чиновника, который слушает открыто [то есть публично], вода и ветер сообщают все, что он делает, так что нет не знающего о его деяниях... И вот, [лучшая] защита для князя — действовать по наказу... ибо тот, чье дело рассудили, не

должен сказать: „Не были возданы мне права мои“... Смотри на того, кого знаешь, как на того, кого не знаешь, на того, кто близок тебе, как на того, кто далек от тебя. И чиновник, который ведет себя так, преуспеет здесь, на месте этом. Не проходи мимо просителя, не выслушав дело его... Не показывай гнев твой никому напрасно, гневайся лишь на то, что заслуживает гнева. Внушай страх перед тобой, чтобы мог ты держать в страхе, ибо истинный чиновник — это чиновник, которого боятся. Отличие чиновника в том, что творит он справедливость. Но если человек внушает страх чрезмерно, есть в нем какая-то лживость в суждении людей; тогда не скажут они о нем: „Это справедливый человек“... От поведения визиря ожидают явления справедливости; ибо визирь был ее хранителем со времен [правления] бога... Визирь — это тот, кто перед всеми другими людьми будет совершать справедливость.

И вот, человек продолжит быть в своей должности, пока исполняет он обязанности в соответствии с наставлениями, что были даны ему. Защищен человек, который поступает согласно тому, что было ему сказано. Не проявляй собственного желания в делах, относительно которых известен закон. И, касаясь высокомерия, царь предпочитает скромного высокомерному. Веди себя согласно наставлениям, что были даны тебе».

Самым важным среди разных ведомств в египетской администрации было «министерство» финансов. Сокровищница находилась в ведении многочисленных «начальников», которые по своему положению занимали место за визирем. Всевозможные налоги и другие платежи доставлялись в сокровищницу, из ее закровов выплачивалось жалованье чиновникам и прочие многочисленные расходы. Все платежи делались в натуральной форме: земледelec приносил часть урожая со своих полей, ремесленник — образцы своей работы. Государство взимало налоги за каждую корову, каждого осла, каждый корабль, пальмы и виноградники. Само собой разумеется, что древнеегипетский земледelec платил эти обременительные налоги с не меньшим сопротивлением, чем современный феллах, нередко он платил причитающееся лишь перед угрозой побоев. В финансовом ведомстве должны были трудиться очень много чиновников, и также много должно было быть кладовых, амбаров и хлевов, где хранили поступившие продукты и держали животных, пока ими не расплачивались снова, чтобы возместить расходы правительства. В этой связи интересно вспомнить, что со времен изгнания гиксосов большая часть Египетской земли и полей являлась собственностью фараона, то есть государства. Иными словами, ситуация очень походила на ту, которая в Книге Бытия была описана как введенная Иосифом во время голода (Бытие, 47: 13 и далее). Только храмы и, возможно, некоторые из землевладельцев древних родов обладали свободной земельной собственностью. При реорганизации государства после изгнания гиксосов большинству представителей знати, вероятно, было позволено остаться в своих поместьях, однако они были вынуждены отдавать в казну особую часть своего урожая — согласно библейскому рассказу, пятую — в дополнение к другим налогам. Вероятно, величина платы за земельные участки рассчитывалась в зависимости от высоты разлива Нила и, соответственно, менялась в разные годы. Чиновникам, главой которых был «начальник зернохранилищ», доверяли сбор выплат продуктами с полей. Они отвечали за получение максимальных поступлений и напрямую докладывали фараону об урожае в Верхнем и Нижнем Египте.

К сожалению, у нас очень мало подробных сведений о финансовой администрации. Хотя нам известно множество чиновников с разнообразными титулами, мы

очень мало знаем о соответствующих им обязанностях. Не лучше обстоит дело и с внутренней администрацией страны. Мы знаем, что с древнейших времен Египет был разделен на провинции, или номы, которыми управляли независимые князья. Уже при могущественных царях Двенадцатой династии места этих князей заняли управители, которых на эту должность назначал фараон. Они продолжали носить прежний княжеский титул и в качестве «начальников садов, скота и зернохранилищ» отвечали за сбор налогов с садов, стад и полей. В качестве «начальников работ» они контролировали строительство, поддержание в порядке дорог, дамб, каналов и другие общественные работы в своих провинциях, а в качестве «начальников сокровищницы» должны были отчитываться перед финансовым ведомством.

В ранний период в Египте не было регулярной армии, готовой откликнуться на приказы царя-главнокомандующего. С другой стороны, у каждого нома было свое ополчение, которое набирали из крепких мужчин и снаряжали за счет местного князя. В дополнение небольшой отряд выставлял храм, а финансовое ведомство содержало солдат, чтобы защищать отряды рабочих, которых посылали в каменоломни или рудники. Существовала также и полиция, однако ее в основном (если не целиком) набирали из представителей определенных нубийских племен. В случае, если Египет сталкивался с угрозой войны, все эти разные отряды вооружали из царского арсенала и объединяли под командованием человека, избранного, чтобы встретить опасность. Отряды классифицировали по их оружию на копьеносцев и лучников. Первые были вооружены длинными копьями с медными или бронзовыми наконечниками и большими щитами, покрытыми кожей. Лучников же снабжали луками и стрелами (см. вклейку фото 20). Помимо этого оружия воины носили с собой топоры, пращи и короткие кинжалы. Форма у этого египетского ополчения была чрезвычайно простой. Она состояла из простой льняной юбки, спереди к которой добавлялся узкий кусок кожи в форме сердца для лучшей защиты нижней части тела. Шлемы и доспехи в ранний период, похоже, практически не были известны, а в руках солдат никогда не находят мечи.

Изгнание гиксосов сопровождалось неожиданным изменением в военной организации империи. Нерегулярное и плохо организованное ополчение уступило место большой регулярной армии, приобретшей в сражениях против войск государств Западной Азии строгую дисциплину и закалку. Освободительная война пробудила в традиционно миролюбивых египтянах жажду военной доблести, а Сирия представляла широкое новое поле для ее применения. Ядро армии составляли египтяне, с течением времени его усилили за счет отрядов наемников из всех окружающих стран. Пехота в тот период была вооружена почти так же, как прежде, а их одежда практически не изменилась. Однако и копьеносцы, и лучники в дополнение к своему обычному вооружению получали небольшие булавы или боевые топоры, а также, немного позднее, короткие мечи или кинжалы. Во время парадов они, вероятно, обычно откладывали в сторону все свое оружие, кроме топора. Военачальники низших званий отличались от простых солдат немного более легким и более удобным оружием, тогда как более высокопоставленные вдобавок носили топор, церемониальное опахало и символ своего звания.

Гораздо более радикальным и значительным нововведением в период Нового царства стало добавление к пехоте совершенно нового типа оружия — боевой колесницы, которая с тех пор играла при ведении войны не менее важную роль, чем танки в со-

временной войне. Ясно, что египтяне впервые столкнулись с этим типом оружия во время своих войн с гиксосами. Они сразу поняли, что эффективные действия против такого оружия требуют применения такого же средства ведения войны. В результате египтяне ввезли из Азии множество лошадей и колесниц и включили их в свою растущую военную машину. Вполне можно заключить, что заметные успехи, которых Тутмос I и Тутмос III добились в своих азиатских походах, были следствием использования хорошо оснащенных и подготовленных рядов боевых колесниц и их возниц. Египетская колесница, которую также широко использовали для разных целей в мирное время, представляла собой двухколесное средство передвижения, в которое впрягали пару лошадей (см. рис. 1 на с. 38). Обычно в ней находились два человека: управлявший лошадьми возница, от умения которого на поле боя многое зависело, и воин, вооруженный копьем и луком со стрелами. Езда верхом, очевидно, вызывала у египтян какое-то отвращение, и мы очень редко встречаем изображение вооруженного всадника на поле боя. Прошло несколько веков, прежде чем в сражениях стали использовать кавалерию. Когда армия выступала в поход, ее сопровождал огромный обоз, включающий ослов и запряженные волами четырехколесные повозки с припасами, снаряжением и палатками для войск.

По-видимому, египетская армия делилась на две основные части — из Верхнего и из Нижнего Египта, — постоянно размещавшиеся в своей части страны. Каждое из этих войск, в свою очередь, состояло из подразделений, носивших собственные названия. Например, были «Подразделение Амона», «Подразделение красоты Ра» и «Подразделение фараона». Нам неизвестна численность разных подразделений, или полков, или то, как они были экипированы, однако мы знаем, что более мелкие соединения, которые мы можем обозначить как «отряды», обладали собственными знаками отличия, такими как опахало или штандарт, представлявшие собой символ, венчающий жезл.

Не похоже, чтобы солдаты получали фиксированное жалованье, во время похода их снабжали пропитанием, и они получали в награду долю добычи. Если командующий на передовой смог отличиться перед царем, как Яхмос из Эль-Каба (см. гл. 4), завоеватель Яффы Джехути (см. гл. 7) или военачальник Тутмоса III Аменемхем (см. гл. 7), то он получал не только причитающуюся ему часть добычи, но также награждался «золотом доблести» — украшениями в виде мух или львов, которые вешали на шею на цепочке, — и иногда пожалованиями земель в Египте после возвращения из похода.

Чиновники, в период Восемнадцатой династии гордо и не всегда несправедливо считавшие себя прочным фундаментом государства, относились к военным с презрением. В школах жребий солдата изображался самыми черными красками, и учеников предупреждали, что не нужно следовать профессии военных. Когда молодой новобранец поступает на военную службу, его обучение состоит из бесконечных побоев и жестокостей. Во время похода в Сирию «его хлеб и вода на плечах его, как ноша осла. Его шея воспалена, как у осла, и его позвоночник [превратился в] крюк. Он пьет зловонную воду. Он останавливается только, чтобы нести караул. Когда он встречает врага, он подобен пойманной птице, нет силы в членах его. Когда он преуспевает в возвращении в Египет, он подобен палке, которую съели черви; он болен и обессилен. Его везут назад на осле, лишенного его одежды, и товарищ его покинул».

Однако от этого положения резко отличалась жизнь военных чиновников, которые сидели в ведомстве военной администрации, «писца воинов», «начальника воинов» (командующего), как можно перевести некоторые обозначения званий. Это были чиновники, сведущие в искусстве письма и потому имеющие право на большее уважение и более высокое положение в администрации. Их часто назначали на высокие общественные должности. Военачальник Тутмоса IV по имени Хоремхем в дополнение к своему военному званию стал «начальником полей», «начальником зданий Амона», «начальником жрецов Верхнего и Нижнего Египта» и приобрел обязанности, весьма далекие от дел, связанных с его военной карьерой. Можно отметить во многом сходное положение другого военачальника по имени Хоремхем, который служил Тутанхамону, а позднее занял египетский престол (см. гл. 15).

Что становилось с большой армией в мирное время, после окончания похода? Часть ее оставалась в чужих землях, чтобы пополнить разные гарнизоны, оставленные в завоеванных городах и государствах. Их содержали за счет покоренных народов. Из той части, что возвращалась в Египет, возможно, демобилизовывали набранных в нее земледельцев, чтобы они продолжили, как и прежде, трудиться на полях. Профессиональные же отряды, особенно наемники, вероятно, селились в особых кварталах, или в крупных городах, или (довольно часто) в деревне. Иногда царь жаловал им поля и земледельцев, чтобы их обрабатывать, или их снабжали средствами к существованию из царских кладовых. Если такие выплаты по какой-либо причине задерживались, то весьма возможно, эта голодная толпа солдат скиталась по деревням, грабя и опустошая их, чтобы силой добыть пропитание за счет мирных сельских жителей. Со временем эти отряды наемников превратились в военную касту, которая стала основной опорой государства. Однако легко было обратить ее силу против правителя, и этой военной касте на самом деле суждено было достичь такого могущества и влияния, что она в конце концов изменила ход египетской истории (см. гл. 16). Итак, подобно мамлюкам в эпоху Средневековья, иноземцы-наемники в древности (особенно ливийцы) превратились из защитников государства в самый серьезный источник угрозы.

Глава 10

Окружающие страны

Из всех чужих стран, благодаря власти над которыми Тутмосиды подняли Египет до положения великой мировой державы, самыми ценными были «южные страны», даже если, по нашему мнению, Сирия из-за нашего исторического и религиозного интереса к Святой земле их превосходила. Попытки завоевания земель в верхнем течении реки к югу от Элефантины за первым порогом Нила были предприняты уже в Древнем царстве. И хотя некоторые успехи в этом направлении были достигнуты в период Среднего царства, впервые юг оказался под постоянной властью Египта при Тутмосе I.

Эту землю, сегодня известную нам как Нубия (см. вклейку фото 21), древние египтяне, как правило, делили на две области. Северная часть до современного города Вади-Хальфа называлась Уауат, тогда как расположенная дальше к югу часть долины Нила, протянувшаяся в глубь Судана, именовалась «страной Куш». Египтяне называли население области «нехси», причем это наименование включало не только нубийцев, живущих на юге, но и кочевников, которые с трудом добывали скудное пропитание в пустынных ущельях и долинах между верхним течением Нила и Красным морем. Они жили в пещерах, которые часто встречались в их горной стране, и из-за этого стали известны грекам как «троглодиты», то есть «жители пещер». Они не занимались земледелием, а жили за счет того, что давали им их стада, или за счет грабежа, совершая набеги на Нубийскую долину. К югу от них жили негры, территория которых в древности достигала на севере района Белого Нила выше Хартума.

Хотя в древнейшие времена — до 3200 года до н. э. — в Египте и Нижней Нубии жило однородное население и они, по сути, обладали единой культурой, ко второй половине 2-го тысячелетия до н. э. они все больше и больше отдалялись друг от друга. Образование единой нации принесло Египту огромную выгоду: при первых династиях появилось национальное египетское искусство, и уже в эпоху пирамид египетская культура достигла своего первого расцвета.

Нубия, напротив, постоянно оставалась на примитивном культурном уровне и без изменений сохраняла формы и технические приемы далекого прошлого, неизбежно теряя «энергию молодости». К периоду Древнего царства наступил самый большой спад культуры в истории Нубии. Погребения той эпохи демонстрируют крайнюю бедность населения и почти полное отсутствие связей с Египтом.

Однако нубийская культура пережила большой подъем в 3-м тысячелетии до н. э., когда хамитские племена, смешавшиеся с негритянским населением, пришли из Судана на север и обосновались в Нижней Нубии между первым и вторым порогами Нила. Вновь прибывшие принесли с собой на новое место жительства свои национальные обычаи и правила. На иссушенной почве находящейся в упадке Нубии развилось новое искусство, которое резко отличалось от существовавшего в этой стране прежде, хотя в древнем было много того, что можно было использовать в новом. Особой чертой новой культуры являлась ее разнообразная керамика, среди которой обращают на себя внимание глиняные чаши с красивыми резными орнаментами. Начался период

новой, высокоразвитой нубийской культуры.

В то же время немного дальше к югу, выше третьего порога Нила, в месте, где сейчас находится провинция Донгола, в Керме возникла гораздо более грубая культура. Уже в начале Двенадцатой династии здесь было основано египетское торговое поселение. Местные вожди этой области устраивали для себя гробницы в виде огромных круглых курганов из камня. Их похороны сопровождалась жестоким убийством множества слуг, чтобы те могли последовать за своими господами в загробный мир. Носители этой культуры изготавливали из слоновой кости необычные инкрустации в виде животных для мебели, расшивали свою одежду узорами из слюды и делали красивую красноощеную керамику, совершенно не похожую на ту, что производили в месте распространения северной культуры. На самом деле культура Кермы во многом носит явно африканский характер.

Примерно в это время с населением Северной Африки за пределами Египта происходили значительные изменения. Вдоль Средиземноморского побережья появились представители европеоидной расы — чехеху, голубоглазые блондины со светлой кожей, которые, вероятно, достигли своего нового дома, переправившись через Гибралтарский пролив. Они столкнулись с прежним населением, темноволосями ливийцами-чехену, и, оттеснив последних, продвинулись на восток через оазисы и дальше к верхнему течению Нила и Нубии, где поселились, смешавшись с прежним населением.

Так что же на юге делало господство над страной Куш таким желанным для египтян? Почему фараоны столь упорно пытались покорить области в верхнем течении Нила и включить их в состав своей растущей империи? Разумеется, от местных земледельцев можно было получить подати в виде продуктов с полей и скота. Однако гораздо большее значение имели богатые копи Куша, где добывали огромное количество золота. Кроме того, Нубия, как и Египет, была страной, где текла великая река. Нил являлся связующей нитью между Египтом и областями Судана, благодаря которой велась богатая торговля всеми желанными товарами Африки: слоновой костью, черным деревом, страусовыми перьями и яйцами, леопардовыми шкурами, скотом и рабами. С древнейших времен и почти до наших дней египтяне в основном торговали с землями в верхнем течении Нила и Суданом. Эту торговлю можно было успешно поддерживать только в том случае, если эти области и все дороги в пустыне находились под контролем Египта.

Бесспорно, тот факт, что Тутмос I включил вновь завоеванные земли Нубии в Египетскую империю и объединил их со своей самой южной провинцией в один большой административный район, как это продолжает существовать и в наши дни, свидетельствует о его большом таланте правителя. Для управления провинцией назначался наместник, носивший титул «князь Куша и начальник южных земель». Его положение, как предполагает его титул, было гораздо более независимым, чем у других египетских чиновников. Владения наместника простирались от Эль-Каба в Верхнем Египте до южной границы империи, которая со времен Тутмоса III располагалась в области Карои, в районе Напаты. Власть такого человека, резиденция которого находилась в Меме — современном регионе Ибрима и Анибы, — была поистине велика. Он являлся главнокомандующим своей провинцией, которую был обязан защищать от восстаний и набегов кочевников. Он отвечал за строительство храмов и крепостей, кладовых и каналов, в его руках находилось судебное ведомство и, прежде всего, обязанность до-

ставлять своему господину все сборы и подати своей провинции в египетскую столицу в надлежащем количестве и в должное время. Они состояли из золота, либо в виде золотоносного песка, положенного в мешки, либо в виде колец, которые являлись ближайшим аналогом монет, известным древним египтянам; различных видов скота; рабов и рабынь и «кораблей, груженных слоновою костью, черным деревом и всеми другими прекрасными товарами земли в дополнение к урожаю». Все эти вещи привозили в Фивы, куда часто приезжал и сам наместник, чтобы отчитаться о своем управлении и самолично доставить дань. Частная гробница в Фивах сохранила до наших дней прекрасную роспись, изображающую такое событие (см. вклейку фото 22). Мы видим, как князь Куша Аменхотеп-Хуи, занимавший эту должность при Тутанхамоне, приводит к царю представителей нубийской знати с их данью. В таких сценах мы встречаем негров — жителей районов, которых египтяне достигли во времена Восемнадцатой династии и с которыми они только тогда смогли действительно установить тесные связи. Большею частью эти люди одеты в соответствии с египетской модой; некоторые даже подражают египетскому стилю укладки волос, хотя большинство сохраняет национальные прически, эффектно подчеркиваемые страусовыми перьями. Среди этих вельмож появляется и негритянская царевна, которая под защитой пышного «зонта» едет в богато украшенной египетской колеснице, запряженной, как это ни странно, вместо обычных горячих коней неуклюжими быками. Нетрудно представить, с каким удивлением жители египетской столицы должны были взирать на эту экзотическую процессию, особенно на чернокожих женщин, ведущих голых детей за руки или, как в одном случае, несущих младенцев в корзине на спине, высокого жирафа в сопровождении двух погонщиков и величавых быков и коров с их богато украшенными рогами.

Под хорошо организованным египетским управлением Нубия быстро развивалась. Система ирригации была улучшена, так что урожаи с обрабатываемых земель заметно возросли. Были основаны новые города, и повсюду выросли прекрасные храмы, которые по размерам и убранству лишь немного уступали тем, что были возведены в самом Египте. Нам известно не менее двенадцати нубийских храмов, которые обязаны своим строительством фараонам Восемнадцатой династии. Красивейшим из всех, без сомнения, являлся большой храм в Солебе, который относится к самому блестящему периоду истории древнеегипетской архитектуры — правлению Аменхотепа III. Как указано в посвянительной надписи, он был «сделан очень широким и большим, его красота была превосходна, его входные башни достигали неба, и его столбы для флагов доставали до небесных звезд. Его было видно с обоих берегов реки... Он был окружен большой стеной, зубцы которой сверкали больше неба и напоминалиobelisks, которые царь Аменхотеп возвел на миллионы миллионов лет».

Пройдя по аллее, обрамленной статуями священных соколов, баранов и львов (см. вклейку фото 23), изображениями Сопду, Амона и царя, посетитель подходил к грандиозной колоннаде, которая вела к огромному входу в храм, расположенному между двух башен. Внутри располагался большой двор, окруженный колоннами со всех сторон. За первым двором находился еще один такой же, к которому примыкал зал, чей потолок поддерживали двадцать четыре колонны с пальмовидными капителями. За этим залом следовал еще один, еще больший, с сорока колоннами в другом стиле, а в дальней части этого огромного сооружения располагалась святая святых и ряд небольших часовен, от которых мало что сохранилось.

В этих нубийских храмах в основном отправлялись культы египетских богов — Амона Фиванского и Ра-Хорахти Гелиопольского, — хотя некоторое внимание уделялось и другим божествам, особенно местному нубийскому богу Дедуну, умершему царю Сенусерту III, который, будучи первым завоевателем Нубии, был возвеличен до положения кого-то вроде ее святого покровителя. В Солебе также почитали правящего фараона — самого Аменхотепа III. Надписи на стенах храмов были составлены на египетском языке и записаны египетскими иероглифами, поскольку египетский был официальным языком администрации и торговли. Несмотря на это, огромная часть населения продолжала использовать свой национальный нубийский диалект или диалекты.

Итак, Нубия постепенно стала полностью египтизированной, и это явление было настолько полным, что она упрямо держалась за египетскую культуру позднее, когда сам Египет уступил иноземным влияниям. Когда греки в VII веке до н. э. пришли в долину Нила, именно Нубия — та самая Нубия, которую некогда пренебрежительно называли «презренным Кушем», — считалась местом традиционной египетской культуры. Приезжавшие греческие писатели приходили к заключению, что вся цивилизация Египта происходила из Эфиопии, страны с чернокожим населением, и оттуда была принесена вниз по Нилу в Египет.

Важным событием в период ранней Восемнадцатой династии было возобновление торговых отношений с населением страны чудес — Пунта на побережье Сомали. На пятом году правления царицы Хатшепсут в эту далекую землю была послана экспедиция, состоящая из пяти больших парусных судов, под командованием одного из царских любимцев. После долгого путешествия флотилия прибыла к «мировым террасам» на берегу Пунта, где египтяне с удивлением увидели хижины местных жителей, построенные среди пальм и рощ мирровых деревьев на сваях. Попасть в них с земли можно было только при помощи лестниц (см. вклейку фото 24). Египетские моряки выгрузили на берег множество товаров — оружие, бусы, кольца и тому подобное, — привезенных с берегов Нила. Вскоре из деревни Пунта появились его правитель в сопровождении своей чудовищно толстой жены, сыновей и дочерей, чтобы те могли приветствовать чужеземцев и расспросить, зачем они приехали (см. вклейку фото 25). Тем временем торговля продолжалась: жители Пунта принесли товары своей страны, особенно большое количество мирры и золота, и обменяли их на диковинки из Египта. Торговля закончилась, посланцы Хатшепсут устроили правителю щедрое угощение, состоявшее из «хлеба, пива, вина, мяса, фруктов и всех прекрасных вещей Египта». Тем временем египетские корабли были «тяжело нагружены чудесами Пунта, состоящими из всех видов прекрасных растений Страны Бога [район, расположенный к востоку от долины в верхнем течении Нила], горами мирры, живыми мирровыми деревьями, черным деревом, настоящей слоновой костью, золотом, драгоценными породами дерева, благовониями, косметическими средствами для глаз, обезьянами, собаками, шкурами леопардов и рабами с детьми их». Наконец флотилия царицы Хатшепсут отчалела, и после удачного обратного путешествия солдаты господина Обеих Земель высадились в Фивах вместе с посольством от «вождей страны Пунт», которые сопровождали экспедицию, чтобы преподнести ее величеству дары и добыть мира «от той, чье имя проникло до самых дальних пределов неба». Счастливое возвращение экспедиции с огромным количеством редких сокровищ вызвало в столице большую радость. Удивлению по поводу чудесных товаров, добытых в путешествии,

особенно тридцати одному цветущему мирровому дереву, которые перевезли в кадках, не было конца. Царица, «чья члены благоухают, словно роса богов, притираниями и миррой», и ее соправитель Тутмос III с благодарностью передали большую часть сокровищ Амону Фиванскому, по указанию и под защитой которого проводилась эта экспедиция и который «поместил все страны под сандалии царя и царицы».

После такого большого путешествия в Пунт связь с этой далекой страной поддерживалась постоянно, и с того времени египетские источники неизменно информируют нас о чудесах, которые были привезены оттуда в долину Нила в результате скорее торговых, чем военных экспедиций.

Самым важным событием всей эпохи было завоевание Сирии и Палестины, которое было достигнуто постепенно в результате самых тяжелых со времен изгнания гиксосов сражений. Тем не менее египтяне не смогли низвести эту область до статуса египетской провинции или установить здесь единое управление, как они сделали в Нубии. В стране, разделенной природой на множество несоприкасающихся частей и настолько разобщенной политически, подобной организации можно было добиться только благодаря гораздо большим военным и административным силам, чем те, которыми фараоны располагали в действительности. В результате они были вынуждены довольствоваться требованием, чтобы сирийские государства признали господство Египта. Правители, которые по своей воле или из-за вооруженного принуждения покорились египтянам, были вынуждены призвать фараона своим господином и связать себя обязательством регулярно выплачивать дань в четко установленных количествах. Их также заставляли служить в армии египетского царя во время войны и снабжать его войско «питанием и питьем, быками, овцами, медом и маслом» каждый раз, когда оно должно было пройти по их владениям. Часто египетский чиновник, обладающий полномочиями, в сопровождении отряда солдат размещался в их городах, чтобы представлять фараона и обеспечивать надлежащее уважение Египту и его власти. Согласно официальной точке зрения, территория независимых государств являлась собственностью египетского царя. Любого правителя, которому было позволено сохранить власть или которого только назначили, фараон брал под свою защиту, чтобы с египетской помощью поддерживать его власть в этом месте против всех внешних и внутренних врагов. Царь заверял своих вассалов: «Если ты выражаешь покорность, есть ли что-то, что царь не может сделать для тебя?» Поэтому, если сосед напал на владения такого правителя или разорил их, тот мог обратиться за помощью ко двору в Фивах и в большинстве случаев получить ее. Однако существовали и исключения. Фараоны также соблюдали принцип «разделяй и властвуй» и пытались если не поощрять, то, по крайней мере, не всегда пресекать многолетние разногласия и соперничество, которые окружали мелкие государства с незапамятных времен. Очевидно, что, пока местные правители воевали друг с другом и, таким образом, растрачивали свои богатства и силы, не было опасности, что они устроят заговор против Египта и отважатся объединить усилия и сбросить иноземное ярмо. Любая попытка измены строго каралась. Если известие об этом достигало ушей фараона, он угрожал подозреваемому жесточайшим наказанием: «Если по какой-то причине ты питаешь желание проявить враждебность или вынашиваешь мысль о неприязни или ненависти в сердце твоем, тогда ты и вся твоя семья будете приговорены к смерти; поэтому покоришься царю, твоему владыке, и будешь жить».

Естественно, огромной политической ошибкой было бы предоставить завоеванную страну после ухода большой египетской армии самой себе, а доставку дани поручить доброй воле правителей. В тот же день, когда последний египетский воин покинул бы территорию Сирии, правители, разумеется, провозгласили бы свою независимость, представители фараона со всеми своими сопровождающими были бы «удалены», а от выплаты дани отказались бы. На самом деле это происходило довольно часто, и постоянно повторяющиеся вторжения египетской армии в Сирию явно свидетельствуют, что государства «презренной страны Речену» не покорились легко египетскому превосходству. Поэтому, чтобы предотвратить, насколько это возможно, появление восстаний, держать вассалов в повиновении и обеспечить сильные укрепления на случай войны, по всей стране были основаны военные посты, или «места привалов». Они были укреплены стенами и защищены башнями, в их гарнизонах присутствовали лучники и возникшие колесницы. Там были устроены большие склады для хранения части дани, доставляемой из окружающих городов, чтобы «место привала» можно было обеспечить любой хорошей вещью, когда египетская армия в следующий раз придет туда и ее нужно будет снабдить припасами.

Египтяне использовали и иное действенное средство, чтобы держать в повиновении правителей-данников: они увозили в Фивы в качестве заложников их сыновей или других членов их семей. В столице их селили в большом дворце, где с ними хорошо обращались, хотя это была своего рода роскошная тюрьма. Им давали египетское образование и знакомили с египетским образом жизни в столице империи. Когда в сирийской отчизне умирал правитель, фараон называл его египтизированного сына его преемником и после «умашения головы его маслом» посылал того занять трон отца. Таким образом, с течением времени количество верных вассалов, которые «слеждали за своими городами», возрастало, и позднее они с благодарностью вспоминали время, когда «их детьми забрали в Египет, чтобы служить царю, их господину, и стоять у двери царя».

Связь между Египтом и сирийскими вассалами поддерживали посланцы фараона, которые путешествовали из одного города в другой, собирали дань, доставляли распоряжения от царя и привозили письма от местных князей к египетскому двору. Мы достаточно много знаем об этой переписке, которая велась клинописью на аккадском языке, так как в 1887 году ее часть вместе с многочисленными письмами вавилонских и других западноазиатских владык была обнаружена в Верхнем Египте, в развалинах Амарны. Эти послания прибыли из разных городов Палестины и Финикии. Там есть сообщения от правителей Иерусалима, Библа, Тира и Сидона, а также Акко, Мегиддо, Ашкелона и Бейрута. Их содержание было весьма разным. То правитель в самых смиренных выражениях заверяет фараона в своей неизменной покорности, то просит помощи против своих врагов, то жалуется, что после многочисленных настойчивых просьб она так и не была оказана, то сообщает царю о мире и безопасности в области, порученной его заботам. В основном в этих посланиях находят красноречивое выражение ссоры и интриги между разными правителями, каждый из которых, разумеется, был честнее других. Так, правитель Иерусалима Абдихепа защищается от обвинений в измене, о которой было доложено двору в следующем послании:

«Царю, моему господину, говорит Абдихепа, слуга твой: „Семь и семь раз припадаю я к ногам царя, господина моего. Что я сделал царю, моему господину? Они клеветуют на меня перед царем, говоря: „Абдихепа отступился от царя, своего господина“.

Но смотри, не отец мой, не мать моя поставили меня на это место, а могучая рука царя передала мне дом отца моего. Зачем же буду я совершать преступление против царя, моего господина? Пока царь, мой господин, жив, я буду говорить посланцу царя, моего господина: „Почему ты любишь хабиру и ненавидишь местного вассального правителя?“ Вот почему они порочат меня перед царем, моим господином“».

Раболепия полно также и следующее послание, которое правитель Бейрута Аммунира адресует «царю, моему господину, моему солнцу, моим богам и дыханию моей жизни... Я услышал слова табличек царя, моего господина, моего солнца, моих богов и дыхания моей жизни, и сердце слуги твоего, пыли под ногами царя, моего господина, моего солнца, моих богов и дыхания моей жизни, обрадовалось очень сильно, ибо дыхание царя, моего господина, моего солнца, моих богов и дыхания моей жизни, достигло слуги его и пыли под ногами его. Когда к тому же царь, мой господин, мое солнце, написал слуге его и пыли под его ногами: „Сделай, чтобы все было готово для войска царя, твоего господина“ — я понял его хорошо. И смотри, я приготовил все, моих лошадей, мои колесницы, все мое, чем владеет слуга царя, моего господина, для войска царя, моего господина. Пусть войско царя, моего господина, моего солнца, моих богов, сокрушит голову врагов его. И пусть глаза слуги твоего смотрят на жизнь царя, моего господина».

Однако не все письма написаны в подобном тоне. Некоторые из них выражают горькие жалобы, что фараон не прислал своему вассалу обещанную защиту против его врагов. Таким был правитель Библа Рибадди, один из самых верных друзей Египта. Жестоко теснимый царем Амурру Азиру, сыном некоего Абдаширты, который, несомненно, устроил против фараона заговор, он написал ко двору с отчаянной просьбой о помощи. Получив от египетского царя отрицательный ответ, он обратился к нему в большом волнении так:

«Если царь, мой господин, говорит: „Защищай себя и защищай город царя, за который ты отвечаешь!“ — чем же защищу я себя и город? В прошлом здесь со мной был гарнизон из царского войска, и царь доставлял зерно из Иаримуты, чтобы обеспечить их пропитание. Но смотри, Азиру снова атаковал меня, так что я остался без скота и без запасов: Азиру забрал все. Здесь не осталось зерна для моего пропитания, и земледельцы ушли в города, где есть зерно для их пропитания. К тому же почему царь сравнивает меня с другими вассальными правителями? Их города принадлежат им, и их вожди под ногами их, а мои города принадлежат Азиру, и он добывается моей покорности. Почему я должен быть предан ему? Какими же псами являются сыновья Абдаширты, раз поступают согласно своим интересам и оставляют города царя огню!»

Фараон считал себя стоящим выше этих раздоров, но только пока продолжала выплачиваться дань и не было перебоев в торговле с долиной Нила. Для него и для египетской администрации самым главным было получить от зависимых государств наибольший доход. С полей и из садов должны были доставлять часть урожая в качестве подати, которую либо посылали в Египет на кораблях и хранили в царских кладовых, либо, как мы уже видели, использовали для пропитания военных постов. Также важна была и другая дань, поступавшая из Сирии: рабы и рабыни, предназначенные для работ на строительстве храмов и общественных зданий или труда в рудниках и каменоломнях; лошади и колесницы; большие стада всевозможных пород крупного рогатого скота, овец и коз, а также более редкие животные, такие как слоны и медведи;

благовония, масло, вино, мед; слоновая кость и желанные металлы, включая золото, медь и свинец; полудрагоценные камни, особенно ляпис-лазурь и горный хрусталь; бесчисленные произведения сирийских ремесленников, в том числе и золотые и серебряные сосуды и кувшины, некоторые из которых были изготовлены в форме голов животных. Жители покрытых лесами склонов гор Ливана были обязаны доставлять полезную древесину, особенно хвойных пород, которая высоко ценилась в практически лишенном деревьев Египте, где ее использовали при строительстве и изготовлении больших и малых предметов мебели, сундуков, небольших блюд и тому подобного. Эта дань прибывала в Египет ежегодно, и ее получали и записывали от имени царя особые высокопоставленные чиновники. Должно быть, это было впечатляющее зрелище, когда «вожди Речену и всех северных стран приходили с концов земли, сгибаясь в смиреннии, неся дань свою на спинах своих», ибо это стало любимым сюжетом, который чиновники, отвечавшие за получение дани, выбирали для изображения на стенах своих гробниц (см. вклейку фото 11).

Следует отметить, что не все, обозначенное и изображенное египтянами как «дань», действительно являлось таковой. В благодарность за многие вещи, присланные иноземными правителями, фараон отправлял дары, так что правильнее было бы рассматривать этот обмен как вид торговли. Во всяком случае, после завоевания Сирии между Египтом и Западной Азией велась активная торговля, и сам фараон вполне мог являться главным торговцем. По военным дорогам, связывавшим дельту и Палестину, ходили большие караваны, а вдоль Средиземноморского побережья плавали египетские и сирийские торговые суда, перевозящие множество товаров из одной страны в другую.

Эта торговля вышла далеко за пределы завоеванной Сирии, распространившись на севере за горы Тавра и Амана в Малую Азию и страну воинственных хеттов, в Месопотамии до империи Митанни, на востоке в Вавилонию и Ассирию, на западе на Кипр, Крит, острова Эгейского моря и, возможно, даже в материковую Грецию.

С того времени, как Тутмос III со своей армией пересек Евфрат и обратил в бегство народ Нахарины, грабя его города и опустошая его поля, отношения Египта с этой империей претерпели заметные изменения. Люди на Ниле стали понимать, что той страной управляет царь, не низший по рождению, чем их фараон. Они были убеждены, что для их пользы лучше жить с той землей в мире, чем вести непрерывные войны, которые ни при каких условиях победы не смогут обеспечить постоянную египетскую власть над таким далеким государством. Поэтому при Тутмосе III или при его преемнике между двумя державами, возможно, был заключен договор о дружбе, скрепленный женитьбой Тутмоса IV на дочери митаннийского царя Артатамы. Посланники свободно путешествовали между двумя дворами, и в результате возникла обширная переписка на клинописных табличках, часть которой, написанная царем Митанни Тушраттой фараонам Аменхотепу III и Аменхотепу IV, сохранилась в царских архивах в Амарне.

Желание фараона взять в свой гарем митаннийскую царевну дружественный двор на Евфрате удовлетворил не сразу. На самом деле Аменхотеп III отправил Шутарне — преемнику Артамамы — пять или шесть писем, когда митаннийский царь наконец согласился, чтобы его дочь Гилухепа стала супругой египтянина. Когда она в сопровождении трехсот семнадцати дам из своего гарема наконец прибыла в долину Нила, наступило всеобщее ликование, и Аменхотеп III, по своему обыкновению, велел изго-

товить серию больших памятных скарабеев, чтобы отпраздновать это знаменательное событие в международных отношениях Египта. А еще позже, когда сын Шутарны Тушратта вззошел на трон Митанни, Аменхотеп отправил своего посла Мени к нему с письмом: «Брат мой, пришли мне твою дочь, чтобы она стала моей женой, госпожой Египта». Тушратта со своей стороны «не опечалил сердца брата своего и принял благосклонное решение. Он показал ее Мени, как желал брат его. И Мени увидел ее, и, когда он увидел ее, он очень обрадовался». После этого Мени отправился назад в Египет, чтобы сообщить своему владыке о результатах смотрин. Наконец с письмом от Аменхотепа III он совершил второе путешествие на Евфрат, чтобы сопровождать царевну Тадухепу в Египет. «Я прочел табличку, которую он привез, — пишет Тушратта, — и понял слова брата моего. Весьма хороши были слова брата моего, как будто я мог увидеть брата моего воочию». Он продолжает рассказывать, как желал «дать жену брата его, госпожу Египта, и что она должна быть привезена к брату его», но только после того, как он получит за нее огромный выкуп, «без предела, достигающий неба от земли». Прошло не менее шести месяцев, пока посланцы смогли добраться до Нила с царевной и ее приданым, которое вплоть до последней вещи было перечислено на двух больших глиняных табличках и сопровождалось благословением Тушратты: «Пусть Шамаш и Иштар идут перед ней! Да сделают они ее приятной сердцу брата моего, и пусть брат мой радуется в день этот. Пусть Шамаш и Иштар принесут благословения и большую радость брату моему, и да живет мой брат вечно».

Тадухепа благополучно прибыла в Египет и была встречена с большой радостью и осыпана почестями и подарками. Цель скрепить с помощью этого брака дружбу между двумя дворами, «в десять раз более тесную», чем это было прежде, кажется, действительно была достигнута. Когда Аменхотеп III заболел, Тушратта послал «статую богини Иштар из Ниневии, которая путешествовала в Египет в прошлый раз», чтобы она могла восстановить здоровье фараона. Как мы видели (гл. 8), это не помогло, и египетский царь умер, а на трон вззошел его сын Аменхотеп IV, которого клинописные таблички официально называли Напхуруриа. Он известил митаннийского царя о смерти своего отца и предложил продолжить прежнюю дружбу с ним, особенно поскольку он решил взять супругу своего отца Тадухепу в свой собственный гарем. До нас дошел также ответ Тушратты на это письмо:

«Когда мне сообщили, что брат мой Ниммуриа [так Аменхотепа III называют на клинописных табличках] ушел к своей судьбе, то я плакал в тот день. Я сидел здесь день и ночь; в тот день я не ел и не пил, ибо пребывал я в печали. И я сказал: „Если бы только умер другой в моей стране или в стране моего брата, а брат мой, которого я любил и который любил меня, продолжал жить! Ведь любовь наша продолжается, как продолжают небо и земля“. Но когда Напхуруриа, великий сын Ниммурии от его великой супруги Ти, принял правление, я сказал: „Ниммуриа не умер, если Напхуруриа, его великий сын, правит на месте его. Он не изменит ни слова с его прежнего места“. И теперь, брат мой, мы сохраним дружбу отца твоего десять раз».

На самом деле такое соблюдение взаимных интересов составляло ядро всей дружбы, которая, разумеется, строилась на чисто материальных основаниях. Митаннийских царевен не просто так посылали в Египет, недаром им давали роскошное и богатое приданое, не зря ко двору фараона отправляли послов с лошадьми и колесницами, драгоценными камнями и всевозможными безделушками. В ответ ожидали подарков не меньшей ценности, но больше всего жаждали золота, «которого в стране

брата моего так же много, как песка». Если же в ответных дарах отказывали или доставляли в количестве меньшем, чем ожидалось, то без колебаний, в совсем не царственной манере требовали вернуть долг. Например, Аменхотеп III обещал своему тестю Тушратте в качестве платы за его дочь среди прочего две золотые статуи, материал для изготовления которых митаннийскому посланнику даже показали. На самом деле «когда они были отлиты, послы увидели своими глазами, что они совершенны и полновесны. И ему показали еще больше золота без меры, которое он намеревался отправить, говоря послам: „Вот статуи и вот еще больше золота и бесчисленные вещи, которые я посылаю брату моему. Взгляните на них своими глазами“. И посланцы видели их своими глазами». Однако прежде, чем эти вещи были отправлены, Аменхотеп III умер. Эхнатон задержал то, что предназначалось для Тушратты, и вместо двух золотых послал в Митанни пару статуй, сделанных из дерева и покрытых золотой фольгой. Неудивительно, что Тушратта был весьма разочарован и возмущен, особенно из-за того, что фараон был хорошо осведомлен об обязательстве своего отца и, соответственно, повинен в деле, которое было нечестным или не согласовывалось с его девизом «жить правдою». Поэтому «дары», которые были задержаны, стали предметом горьких жалоб и даже могли быть отосланы недовольным получателем назад в Египет. Очевидно, что, несмотря на взаимные уверения в дружбе, каждый царь всегда оставался хитрым торговцем, который никогда не «сердился» на своего брата, — иными словами, который никогда не позволял, чтобы его обманули. Под словом «дары» подразумевались всего лишь «товары», и между двумя правителями велась оживленная меновая торговля, едва прикрытая притворным обменом осязаемыми знаками дружбы.

Как показывает другая часть клинописных табличек из Амарны, на весьма похожем уровне находились и отношения между Египтом и двумя великими державами на Тигре и Евфрате — Ассирией и Вавилонией. Особенно активный обмен происходил с вавилонскими царями Кадашман-Энлилем и Бурнабуриашем. Письма этих правителей, которые имеются в нашем распоряжении, составлены в значительно более решительной и самоуверенной манере, чем те, что отправлял в Египет двор Митанни, и показывают, что эти владыки великой и могущественной империи считали себя по меньшей мере равными фараону. Ни один митаннийский владыка никогда не осмеливался добиваться руки египетской царевны. Иначе обстояло дело с вавилонскими царями. Когда Аменхотеп III обратился к Кадашман-Энлилю с просьбой прислать его дочь в свой гарем, она была отправлена к нему без колебаний. Однако фараон воспротивился встречной просьбе отправить в Вавилон египетскую царевну. Это неразумное предложение было отвергнуто как противоречившее всем обычаям. Однако Кадашман-Энлиль ответил своему «брату» более логично и последовательно в другом письме:

«Если, брат мой, ты пишешь, что не позволишь дочери твоей выйти замуж, говоря: „Никогда дочь египетского царя не была отдана никому“ — почему же тогда нет? Ты царь и можешь поступать по своему собственному желанию. Если ты пожелаешь отдать ее [в жены], кто сможет сказать что-либо [против]?»

Дальше он продолжает простодушно утверждать, что, в конце концов, будет вполне доволен, если ему пришлют другую красивую женщину, поскольку ему будет достаточно просто объявить, что это дочь фараона, и никто не узнает об этом.

«Однако если ты вообще не пришлешь мне никого, значит, ты не думал о братстве и дружбе, когда писал об установлении более близких отношений друг с другом посредством брака? Именно с этой целью... я написал тебе о женитьбе. Почему же тогда брат мой не прислал мне даже одну женщину? Что ж, ты не послал мне женщины, должен ли я тогда, как ты сам, отказаться от женщины от тебя?»

В письме обсуждается и другая тема:

«Что касается золота, о котором я писал тебе, пришли мне золото, все, какое есть, больше, даже прежде, чем придет твой посланник, тотчас же, во время нынешнего урожая... чтобы я мог закончить работу, которую я веду».

Царь продолжает, говоря, что позже золото не будет желанным и что если он не получит необходимое количество сразу, то вернет его назад и не сможет отдать фараону свою дочь.

Итак, очевидно, что важнейшую часть этих писем составляли повторяющиеся просьбы о золоте и других подарках. Иногда в них поднимались и политические вопросы. Царь Ассирии обратился к Египту за помощью против своего господина — вавилонского царя Бурнабуриаша. Когда последний услышал об этой просьбе, то написал дружественному двору, что в ней следует безоговорочно отказать, поскольку в подобных же условиях, когда некие ханаанеи, находящиеся под властью Египта, просили поддержки у Вавилона, им было в ней отказано.

Мы уже упоминали, что египетская торговля и ее самый могущественный и богатый участник — фараон — входили в контакт с хеттами и Малой Азией, а также с Кипром. С правителями этих областей египетский царь тоже обменивался посланиями на клинописных табличках, а также «данью» под видом даров. Кипр в основном торговал медью, Хеттская империя — сокровищами из серебра, тогда как Египет поставлял золото и предметы прикладного искусства.

Среди владык, «слышавших о победах Тутмоса III во всех землях» и прибывших в Египет, чтобы принести свои дары, были многочисленные «водители земли кефтиу и островов в середине моря». Это были светлокожие люди, одежда которых резко отличалась от нарядов сирийцев. Она состояла из короткой яркой юбки с каймой, украшенной орнаментом, и более длинной полосой ткани впереди. На ногах эти люди носили высокую обувь ярких цветов. У них не было бород, а блестящие волосы падали им на плечи длинными прядями и часто вились надо лбом. Эти люди часто посещали долину Нила, куда привозили товары своих земель: тщательно изготовленные сосуды, кувшины и чаши из золота и серебра, кубки и золотые головы животных. Все эти и многие другие предметы с удовольствием обменивались на желанные товары из Египта.

Кефтиу являлись жителями острова Крит. Из своей столицы, Кносса, где правил легендарный царь Минос, они, вероятно, расширили границы своей империи, чтобы включить в нее большинство Эгейских островов и, возможно, даже южную часть материковой Греции. Их корабли бороздили волны Средиземного моря и достигали самых отдаленных уголков, ведя оживленную торговлю с разными народами на его берегах. Однако важнее всего была торговля с Египтом, с которым они с древнейших времен поддерживали связи и куда прибывали с грузом разных масел высокого качества и других товаров, популярных у жителей долины Нила. После того как около 1400 года до н. э. Крит пострадал от ужасной катастрофы и племена из материковой Греции вызвали падение блестящей островной империи Миноса, торговые и культур-

ные связи Египта с Эгейским миром продолжали процветать. Об этом свидетельствуют многочисленные эгейские (позднеминойские) сосуды и черепки, найденные на различных египетских памятниках, а также египетские предметы, которые датируются временем правления Аменхотепа III и Эхнатона, обнаруженные в гробницах и развалинах городов по всему Эгейскому миру.

Итак, в XV веке до н. э. Древний мир впервые построил разветвленную систему международной торговли. Ее пути связывали Судан с Малой Азией и продолжались от Тигра и Евфрата до берегов Сирии, островов Эгейского моря и материковой Греции. Товары самых отдаленных народов становились предметами обмена, и представители совершенно разных культур смешивались и обменивались идеями друг с другом. Из-за отсутствия памятников той эпохи чрезвычайно трудно проследить иноземное влияние на Вавилонию и Ассирию, весьма вероятно, что ввозимых египетских товаров было недостаточно, чтобы отвести не менее древние искусство и культуру Месопотамии в новое русло. Совсем иная ситуация сложилась в сирийских государствах. Поскольку они стали политически зависимыми от Египта, между ними и империей фараонов развились активные торговые связи и обмен. Египетские чиновники, живущие в Сирии, привозили с собой всевозможные предметы обихода, включая самые замечательные творения египетских мастеров. В то же время местные жители в процессе торговли получали огромное количество самых разных товаров: египетские сосуды, украшения, изготовленные из драгоценных металлов и фаянса, скарабеи и амулеты. Все это они были готовы принять, и вскоре данные предметы стали копировать в сирийских мастерских. Египетское владычество положило конец вавилонскому политическому влиянию и точно так же вытеснило преобладание месопотамской культуры. В результате через какое-то время в Финикии развились особые, смешанные, культура и искусство, что явно подтверждают многочисленные сохранившиеся предметы. В Эгейском мире также найдены свидетельства, что контакты с Египтом оказывали постоянное влияние в основном на технику прикладных искусств, изготовление каменных сосудов и другие ремесла.

Существовало ли в таком случае обратное влияние этих иноземных культур на культуру долины Нила? С завоеванием Сирии и последовавшим за ним расцветом международной торговли изменившийся дух и обновленная жизнь взбудоражили жителей на берегах этой реки. Горизонты этого народа, прежде не простиравшиеся дальше порогов Нила на юге или «гор света», образовывавших восточную и западную границы долины, неожиданно значительно расширились. Пробудилось наслаждение роскошью и удобствами жизни, которые все больше подпитывали богатства, хлынувшие в Египет из завоеванных северо-восточных стран. Простая одежда для мужчин и для женщин, которая, по сути, оставалась неизменной с древнейших времен, теперь исчезла, и ее сменили наряды более элегантных стилей. От простой юбки отказались в пользу плиссированных платьев, закрывавших все тело, тогда как простые старомодные парики уступили место большим и тщательно уложенным (см. вклейку фото 50 и 56). Знатные дамы теперь стали носить богатые серьги, которые были в моде в Азии. Искусство также претерпело заметные изменения. Круг идей значительно расширился, а способы изображения стали избавляться от оков прежней традиции и двигаться в новых направлениях. На формы египетского искусства повлияли заимствования из вавилонских и сирийских источников, с одной стороны, и эгейские оригиналы — с другой. Копировались орнаменты из других стран, в искусстве появлялись чужезем-

ные образы, так что богатая сокровищница египетских мотивов во многом пополнилась за счет добавлений извне.

От соприкосновения с новыми горизонтами египетского кругозора выиграл и египетский язык. В него вошло множество сирийских и, соответственно, главным образом семитских слов, в основном названий товаров, неизвестных египтянам до того, как их привезли в качестве дани или по торговым каналам. Эти слова в первую очередь включали обозначения таких предметов, как повозки и лошади, оружие и орудия труда, новые для Египта, а во вторую — названия более привычных предметов, таких как река, море, писец, дом и тому подобное. Для последних в египетском языке существовали свои слова, однако египетские авторы любили использовать иноземные, чтобы показать свою приверженность новейшей моде. Крупные египетские города к тому времени кишели семитами, которые попали в долину Нила или как заложники, военнопленные и рабы, или же приехали добровольно, чтобы участвовать в торговле. Многие из них с течением времени возвысились и заняли высокие административные должности. Они привезли с собой своих богов — Баала, богиню-хранительницу Кадеша Астарту и богиню войны Анат. Всем им были воздвигнуты святилища и назначены жрецы, пока наконец они не получили официального признания и им не начали приносить жертвы верующие египтяне.

Египетская культура сама по себе была слишком замкнутой и ограниченной традициями, чтобы постоянно сохранять все эти сиюминутные семитские нововведения. Позднее, когда египетская власть над Западной Азией ослабла, большинство из них быстро исчезло, хотя некоторые, разумеется, укоренились так сильно, что в качестве пережитков золотого века стали постоянными чертами души и самой сути Египта.

Глава 11

Египетские иероглифы

Возможно, крупнейшим достижением всей интеллектуальной жизни египетского народа было возникновение его письменности, которую мы вслед за греками привыкли называть «иероглифическим» письмом. Язык египтян был таким же смешанным, как и население, в среде которого он развивался. В самой ранней известной нам форме он носит, по сути, семитский характер, причем особенно большое сходство с семитским языком имеет структура и способ мышления. Однако существуют значительные отличия в словарном запасе, а бесчисленные выражения общих понятий и вовсе не имеют с ним ничего общего. Очевидно, египетский и семитский языки, как и изначально родственные хамитские и семитские племена, стали отдаляться друг от друга уже в далекой древности, так что каждый из них прошел чрезвычайно долгий период независимого развития. Так, в египетский язык уже в первобытные времена проникли многочисленные иноземные элементы, в основном африканского происхождения, а исконные наречия постепенно утратили свое значение. На самом деле древнейший египетский язык отчасти разделил судьбу семитских языков Абиссинии — тигре, тигринья, амхарского, — которые подверглись такому сильному влиянию африканского окружения, что почти полностью утратили свой изначальный характер.

Египетская иероглифическая система письменности представляет собой рисуночное письмо, состоящее из множества изображений определенных предметов, значение которых в большинстве случаев можно легко понять. В древнейший период своей истории Египет не знал настоящей письменности. В сотнях могил той эпохи не было обнаружено ни малейших следов письма. Даже среди доисторических наскальных рисунков в пустынных долинах Верхнего Египта, где, казалось, можно было бы обнаружить стимул к появлению письменности, не выявлено ничего, что удалось бы классифицировать как написанный иероглиф. Лишь в самом конце существования доисторической культуры на отдельных памятниках появляются знаки, которые, несомненно, представляют собой попытку записи, хотя мы и не можем перевести их. Тем не менее у нас есть основания предполагать, что в первобытный период египтяне использовали в качестве средства выражения мысли определенные знаки-рисунки. Таким же образом благодаря серии изображений, поставленных рядом, навсегда сохранялись и факты, которые человек желал записать для себя или следующих поколений. Например, чтобы отметить владение шестью быками и девятью ослами, могли использовать изображения быка, сопровождаемое шестью черточками, и ослы с девятью черточками. Каждый сразу понимал, что означает такая комбинация знаков. Чтобы выразить в картинках более сложную мысль, необходимо было использовать символы в соответствии с принятой системой. Их могли интерпретировать только те, кто был с ней знаком.

Рис. 4. Египетская пиктограмма с палетки Нармера

Создавалась пиктограмма, где все элементы идеи объединялись в одну группу или сцену. Одно изображение такого рода включает сокола, держащего в лапе, которая превратилась в руку, веревку, продетую сквозь верхнюю губу человека (рис. 4). Показана лишь бородатая голова этого мужчины, соединенная с длинным прямоугольником с закругленными углами, из которого растут шесть стеблей. Эта поразительная композиция была символична. Ее с легкостью понимал каждый, кто был знаком с системой. Это изображение служило для передачи сообщения, что бог-сокол Гор покорил жителей Севера — обозначенных при помощи головы и длинного участка земли с шестью водяными растениями — и привел их к победоносному правителю (изображенному в другом месте памятника, на котором появляется эта сцена) на веревке. Из таких простых символических изобразительных композиций и развилось настоящее рисуночное письмо. В такой системе каждая картинка представляет, прежде всего, изображаемый предмет. Бородатое лицо в фас обозначало слово, «лицо»; серп луны выражал понятие, «луна»; для слова «глаз» изображался глаз, а для слова «звезда» — звезда. Эти знаки называются идеограммами (от греческого *идеа*, «образ», и *грамма*, «писание»). Глаголы, означающие действие, воспринимаемое глазом, также записывались при помощи идеограмм, изображая либо само действие, либо орудие, с помощью которого оно выполнялось. Так, слово, «сражаться», записывали при помощи изображения рук, держащих щит и боевой топор; слово, «грести», — посредством двух рук, держащих весло. Глагол *zš*, «писать», обозначался при помощи изображения принадлежностей писца, состоящих из палетки, сосуда для воды и пенала для тростниковых палочек; глагол, «править», — с помощью крюка, или скипетра. В других случаях писец был вынужден полагаться на символы. Так, Верхний Египет обозначало растение, которое считалось типичным для этой части страны. Соответственно, Нижний Египет олицетворяли заросли папируса, поскольку он в изобилии произрастал на болотах дельты. Для слова «день» египтянин пользо-

вался изображением солнца , а для слова «месяц» — луны . При помощи идеограмм можно было выразить большое количество понятий.

Более продвинутая степень развития письма наступила, когда стали полностью игнорировать буквальное значение картинок и начали использовать символы для записи слов, с которыми те не имели понятийных связей, а были лишь созвучны. В английском языке параллелью к этому способу стало бы изображение окорока (*meat*, «мясо», читается как *мит*) для обозначения — на манер ребуса — глагола *meet*, «встречать» (также читается как *мит*), а изображение оленя (*deer*, читается как *диэ*) для выражения существительного или прилагательного «дорогой» (*dear*, также читается как *диэ*). Таким же образом и египтянин записывал глагол , «выходить», при помощи изображения дома , показанного в плане, потому что слово, обозначавшее дом, содержало те же согласные, что и глагол. Поскольку слово *try* в египетском языке включало согласные, используемые в словах «кинжал» и «первый», то слово «первый» записывалось при помощи изображения кинжала ; подобным же образом изображение тетивы применялось для так же звучащего слова, означавшего «твердый», а скарабей для записи глагола , «становиться». Такой переход картинок от одного слова к другому во многом облегчило то, что при письме учитывались лишь согласные, а на гласные и окончания слов совсем не обращали внимания. В этих условиях было очень просто при помощи одного иероглифа записать слова *pēry*, «дом», и *paryet*, «выходить», поскольку основные согласные в обоих словах были одинаковыми. Тот же принцип был бы эффективен в английском языке, если бы мы использовали в качестве ребуса изображение веера (*fan*) для записи таких слов, как «веер» (*fan*), «веселье» (*fun*), «плавник» (*fin*), «храм» (*fane*) или «хороший» (*fine*).

И все-таки эта система была довольно громоздкой и не предполагала возможностей для выражения определенных необходимых грамматических элементов. К тому же существовало множество слов, которые нельзя было выразить при помощи картинки ни напрямую, ни символически. В конце концов эту трудность разрешили благодаря использованию определенных изображений для записи не только для целых слов с идентичными согласными, но и для частей слов, содержащих такую же последовательность согласных. Так, изображение маленького глиняного сосуда , которое некогда обозначало «горшок» (*nw*), превратилось в общий знак для двух согласных *n* и *w*, расположенных в этом порядке, независимо от того, принадлежали ли они одному слогу или идущим друг за другом слогам в слове. Знак , с помощью которого изначально записывали слово *wn* («заяц»), стал обычным двусогласным знаком *wn*. Иероглиф , возможно когда-то обозначавший слово *tn* («доска для игры»), превратился в знак для записи группы согласных *t* и *n* в словах *tun*, «оставаться», *sminet*, «устанавливать», *hosmen*, «натр», *emnudj*, «грудь».

Подобным же образом от слов-знаков, на самом деле или по внешнему виду содержащих лишь один согласный, образовались иероглифы, обозначавшие один согласный звук, то есть буквенные знаки. Так, иероглиф , который изначально составлял основной элемент в слове *z*, «засов», стал изображать букву *z*; *ro*, «рот», букву *r*; *i*, «тростник», согласный *i* или *y*; *shei*, «пруд», согласный звук *sh* (в египетском языке это один согласный *š*); а знак *t*, «хлеб», согласный *t*. Так древнеегипетская письменность обрела двадцать четыре буквы. Их появление имело весьма далеко идущие последствия, поскольку позднее они оказали большое влияние на формирование семитской алфавитной письменности — матери всех алфавитов современности.

Теперь можно было бы относительно легко отказаться от иероглифов, обозначающих слова целиком или две или три согласных, и записывать все слова лишь с помощью букв алфавита. Однако египтяне так и не сделали этот шаг. Они, как и раньше, продолжали широко использовать прежние идеограммы и фонограммы. Например, слово *dwn*, «вставать», писалось не просто с помощью трех букв — *d*, *w* и *n*, а посредством *d* и двусогласного знака *wn*, к тому же с добавлением *n*, что кажется нам совершенно излишним.

Поскольку в надписях слова друг от друга не отделялись и многие иероглифы имели несколько значений, чтобы избежать неясности и облегчить понимание написанного, египтяне использовали еще один тип иероглифов — так называемые смысловые знаки, или детерминативы, которые ставились в конце слова и предлагали ключ к его смыслу. Так, к только что упомянутому слову «вставать» добавляли последний знак, изображающий шагающие ноги, чтобы показать, что это действие является проявлением работы ног. В соответствии с этими принципами глагол *swr*, «пить», писался как *swr*, то есть при помощи *s*, двусогласного знака *wr*, к которому добавили последний согласный этого слова *r*, в конце основы ставился детерминатив — египетский иероглиф-картинка, изображающий воду, — чтобы обозначить, что вода связана с процессом питья, и, наконец, еще один детерминатив — человека, держащего палец у рта, — чтобы показать, что действие, обозначенное корнем *swr*, совершается ртом.

Более пристальное изучение развития иероглифического письма, описанного здесь, дает возможность выделить две группы знаков. В первую входят фонограммы, или знаки, передающие звуки. Это в первую очередь двадцать четыре буквы алфавита:

	ʒ (звук, который наши уши не различают)		h, kh (звук, похожий на ch в шотландском слове loch)
	y		h, kh (вероятно, звук, похожий на ch в немецком слове ich, но отличающийся от предыдущего)
	° (гортанный звук, обычный в семитских языках, но отсутствующий в английском)		z
	w		s
	b		ʃ, sh (один согласный звук в египетском языке)
	p		k (звук, похожий на q в английском слове queen)
	f		k
	m		g
	n		
	r		
	h		
	h (усиленный английский h)		
	t		d
	t, tj (один согласный звук в египетском языке)		d, dj (один согласный звук в египетском языке)

К этой же группе относятся многочисленные иероглифы, обозначающие два или три согласных, такие как *st* и так далее. Вторая группа включает детерминативы, или смысловые знаки, использование которых было описано выше. Они произошли от

иероглифов, обозначавших слова, и позднее добавлялись к другим словам, чтобы пояснять их значения.

Все эти иероглифы использовались одновременно в соответствии с точно установленными законами, которые были созданы в орфографии во времена глубокой древности и которые каждый хороший писец обязан был изучить. Например, глагол «жить» писался как , , то есть при помощи знака , обозначавшего слово, к которому, чтобы облегчить чтение, добавлялись второй и третий согласные, соответственно. Слово , *Km.t*, «Черная земля» (Египет), писалось при помощи фонетического знака *km*, изображавшего часть спины крокодила с гребнем, к которому добавлялся второй фонетический знак — алфавитный *m* — и окончание женского рода *t*. На то, что все слово означает географическое название, указывал стоящий в конце детерминатив , который изображал деревню, разделенную пересекающимися дорогами на кварталы.

Как показывают предыдущие примеры, египетская система представляла собой консонантное письмо. Так же как и в древних семитских языках (еврейском, финикийском, арабском), в египетском гласные в словах не писались. Каждый знакомый с этим языком мог без труда их вставить. Иероглифическое письмо обладало еще одной особенностью, характерной для семитских языков: обычно на нем писали справа налево. Лишь в исключительных случаях, возможно по художественным соображениям, выбирали направление слева направо.

Если надпись нужно было сделать не резцом на камне, а на дереве или на папирусе — древнеегипетской «бумаге», которую изготавливали из сердцевины стебля папируса, — тростниковой палочкой, иероглифы, естественно, принимали более простую и округлую форму. Так в дополнение к монументальной иероглифической письменности развилось упрощенное книжное письмо, которое использовалось в надписях на саркофагах, бинтах мумий и папирусах для заупокойных целей. Однако когда в повседневной жизни потребовалось быстро писать письма и делать хозяйственные записи, его еще больше упростили таким образом, что отдельные иероглифы часто соединялись друг с другом наподобие наших письменных букв. В результате появилось курсивное письмо, которое сегодня известно как «иератика». Оно имеет такое же отношение к тщательно нарисованным иероглифам, как наши письменные буквы к печатным.

Еще позже из иератики путем дальнейшего упрощения и соединения знаков развился новый тип курсивного письма. Его широко использовали в греко-римский период, и оно известно как «эпистолографическое» или «демотическое» письмо. Прилагаемая таблица (рис. 5 на с. 148) показывает семь знаков, сначала в пяти разных «монументальных» формах, в которых их высекали на камне в разные периоды истории, в «книжной» иероглифической форме, в трех видах иератического письма разных эпох и, наконец, в демотике позднего времени. Эти знаки изображают: 1) три лисьи шкуры, связанные вместе, *ms*; 2) кнут *mh*; 3) гарпун ; 4) тесло для работ по дереву *stp*; 5) каменный сосуд с ручкой ; 6) набор писца *zš*; 7) свиток папируса, обвязанный веревкой.

Рис. 5. Египетские иероглифы и их курсивные эквиваленты

Эта сложная система письма требовала суровой подготовки будущих писцов и чиновников, чьи профессии, как мы видели (см. гл. 9), описывались как сильно отлича-

Иероглифика					«Книж- ная- иерогли- фика»	Иератика			Демо- тика

вятнадцатой династии (XIII век до н. э.). Он увековечивает великие военные подвиги Рамсеса II. Драма же сохранилась в основном в религиозных текстах, посвященных культам богов. Кроме того, так же как до нас не дошли имена всех великих архитекторов и создателей чудесных зданий, возведенных древними египтянами, так и произведения египетской литературы, за редким исключением, остались без подписей создавших их поэтов и писателей.

Большее место среди сохранившихся произведений литературы занимают религиозные сочинения, главными из которых являются три значительных сборника, известные в современной науке как «Тексты пирамид», «Тексты саркофагов» и «Книга мертвых». Они состоят из множества магических изречений, с помощью которых царю облегчали путешествие в загробный мир и жизнь в нем. Происхождение «Текстов пирамид» восходит к началу Древнего царства, а частично и к доисторическому периоду, но первые копии, найденные в наши дни, появляются лишь в подземных погребальных камерах пирамид Пятой и Шестой династий. «Тексты саркофагов», в основном писавшиеся на стенках саркофагов частных лиц, можно датировать Средним царством, тогда как «Книга мертвых», в большинстве случаев написанная на свитках папируса, относится к Новому царству.

В период Нового царства к этим сборникам добавился еще один вид заупокойной литературы, в котором с помощью надписей и изображений пересказывались древние представления о ночном путешествии солнечного бога по загробному миру. К этой группе текстов принадлежит «Книга о том, что в загробном мире» (в науке обычно называемая «Амдуат»), о которой уже упоминалось (гл. 7, см. также гл. 12), и «Книга врат», впервые появившаяся в царских гробницах в Фивах, но, несомненно, относящаяся к более раннему периоду. Кроме того, в тот период были созданы бесчисленные гимны в честь разных богов.

Произведения так называемой «изящной литературы», особенно фантастические истории и народные сказки, которые в простой манере рассказывают о всевозможных чудесных приключениях, переносят нас в особую сферу жизни. Например, мы можем прочесть о великих чародеях, показывавших свое искусство в правление Хуфу и даже раньше, или о двух братьях, живших вместе, в гармонии друг с другом, пока их не разлучило предательство жены старшего из них, и о приключениях, которые произошли с ними после этого. Другая сказка, во многом напоминающая историю Синдбада-морехода в сказках «Тысячи и одной ночи», повествует о моряке, потерпевшем кораблекрушение и выброшенном на берег пустынного острова, где жил огромный змей, называвший себя «владыкой Пунта». В других сказках простой народный дух уступает место более высокопарному и искусственному тону, который, должно быть, нравился образованному египтянину прошлого не меньше, чем современному арабу. В таком «изящном» стиле написан широко распространенный рассказ египетского вельможи, который по какой-то непонятной причине с восшествием на престол Сенусерта I был вынужден бежать в Сирию и оставаться там среди кочевников многие годы, пока в конце концов в старости его не призвали назад ко двору фараона.

То, что военные подвиги египетских войск в Сирии оказали влияние на появление новых историй, уже продемонстрировало предание о взятии Яффы военачальником Джехути (см. гл. 7). Во всех этих рассказах господствует радость, которую египтянин находил во всем необычном и чудесном. Подобно своим современным потомкам, больше всего древний египтянин любил после тяжелого дневного труда послушать из

уст словоохотливого рассказчика эти истории об удивительном мире, лежащем за границами его родины.

К сожалению, до нас дошло немного песен нерелигиозного содержания, и они очень разного качества. Хвалебные стихи в честь царей, подобно гимнам богам, изобилуют высокопарными и напыщенными фразами. Однако некоторые из них достигают определенной возвышенности поэтического вдохновения и характеризуются частыми эффектными метафорами. Для цитирования вполне подходит строфа из гимна Сенусерту III:

*Сколь велик владыка для города его:
Он один есть миллион, а другие люди суть малое количество.
Сколь велик владыка для города его:
Он сходен с дамбой, что сдерживает воды во время наводнения.
Сколь велик владыка для города его:
Он сходен с прохладным жилищем, что приглашает человека
поспать до наступления дня.
Сколь велик владыка для города его:
Он сходен с валом, что защищает робкого от врага его.
Сколь велик владыка для города его:
Он сходен с тенью, что прохладнее, чем прохладное место в
летний зной.
Сколь велик владыка для города его:
Он сходен с теплым сухим углом в зимнее время.
Сколь велик владыка для города его:
Он сходен с горой, что отклоняет бурю, когда небо гневается.
Сколь велик владыка для города его:
Он сходен с Сехмет, когда сталкивается с врагами, что
посягают на его границу.*

До нас дошло и несколько сборников очаровательных любовных песен, которые весьма напоминают Песнь песней Соломона. Однако более примечательными, возможно, являются пессимистические поэмы, одну из которых, восхваляющую смерть, можно считать величайшим из сохранившихся примеров египетской лирической поэзии.

*Смерть в разуме моем сегодня,
Словно [время], когда больной обретает здоровье,
Как вставание вновь после болезни.*

*Смерть в разуме моем сегодня,
Словно благоухание мирры,
Как сидение в убежище в ветреный день.*

*Смерть в разуме моем сегодня,
Словно аромат цветов лотоса,
Как пребывание на краю зарослей.*

Смерть в разуме моем сегодня,

*Словно отступление ливня,
Как [время], когда мужчины возвращаются домой с войны.*

*Смерть в разуме моем сегодня,
Словно прояснение неба,
Как [время], когда человек неожиданно постигает то, чего не понимал.*

*Смерть в разуме моем сегодня,
Словно стремление человека к дому его,
Когда он провел много лет в плену.*

Египтяне очень любили афористичные стихи. Многочисленные сборники дидактических изречений, похожих на те, что встречаются в Библии, особенно в Книге притчей или апокрифической Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова, предлагают всевозможные правила мудрого поведения и хорошего воспитания. Одним из самых интересных является «Поучение для жизни и наставление для преуспевания», которое начальник зерна Аменемопе, сын Канахта, составил для своего сына, чтобы «правильно вести его по дорогам жизни». Многие его изречения очень похожи на строки из Книги притчей, и, кажется, напрашивается вывод, что между этими двумя произведениями существовало некое словесное родство. Для подтверждения этого сходства достаточно единственного примера.

КНИГА ПРИТЧЕЙ, 22: 24

Не дружись с гневливым
и не общайся с человеком
вспыльчивым.

ПОУЧЕНИЕ АМЕНЕМОПЕ,
11: 13–14

Не присоединяйся
к несдержанному
и не приближайся к нему
для разговора.

С дидактическими сочинениями тесно связан другой примечательный вид египетской литературы, в котором излагаются размышления и жалобы на бедствия, царящие в мире, и зло, творимое людьми. Автор часто высказывает пессимистическую точку зрения относительно шансов на будущее исправление этого положения. Однако иногда он пророчески предсказывает более приятное будущее на земле или в загробном мире после смерти, которая в конце концов придет, чтобы освободить человечество от бремени страданий.

Все эти виды поэзии отличаются от обычной повествовательной прозы выбором языка. В большинстве из них также господствует особая стихотворная форма, сопровождаемая определенным ритмом, и тот самый параллелизм членов, который является характерной чертой еврейской поэзии. Мысль, высказываемая в одной строфе, повторяется во второй, часто в несколько расширенной и приукрашенной форме, и, возможно, также в третьей. Эту характерную особенность египетской поэзии хорошо показывает древнее восхваление царя:

*Хвалы тебе, кто защищает землю и расширяет ее границы,
Кто побеждает чужие страны своей короной и обнимает Обе
Земли руками своими;*

*Кто убивает врагов своих без единого удара топора
и выпускает стрелу, не натягивая [тетивы] лука.
Мощь его поразила кочевников в стране, и страх перед ним
уничтожил Девять Луков.*

Египтяне славятся и своей наукой. То, что открыли дошедшие до нас их научные труды, во многом опровергает древних авторов панегириков. Египтяне обладали высокоразвитой способностью к наблюдению. Их понимание явлений внешнего мира часто было верным, в результате опыта они приобрели значительные эмпирические знания. Однако, в отличие от греков, они редко преуспевали в приведении отдельных наблюдений в однородную систему в соответствии с постоянной точкой зрения. Возможно, наибольших успехов египтяне добились в области астрономии, ибо уже в ранний период начали наблюдать за звездами и объединять определенные звезды в созвездия, каждое из которых имело свое название. Чтобы разобраться в огромном множестве небесных тел, египтяне разделили небесный экватор на тридцать шесть частей, именуемых деканами. В те времена положение звезд в каждом часу ночи в течение года записывалось в особых таблицах с интервалом в десять дней. Собрания таких таблиц представлены на потолках некоторых царских гробниц Нового царства, чтобы умерший правитель с их помощью мог определить как часы в небе, так и точку солнцестояния в году. Другие звездные таблицы указывали ему путь по небу и служили календарем. Одну из самых ранних и лучших таблиц деканов, датируемую серединой Восемнадцатой династии, недавно обнаружили на потолке гробницы Сененмута в Дейр-эль-Бахри. В северной части неба показаны созвездие Большой Медведицы, изображенное в виде головы быка, и околополярные звезды, а в южной половине видны Орион и женская фигура Сотис (звезда Сириус). Кроме того, здесь есть список деканов, двенадцать древних ежемесячных праздников, каждый из которых представлен в виде круга, разделенного на двадцать четыре часа, процессия небесных тел северного неба и, наконец, изображение «Поля тростника» — небесного района, где умерший был вынужден трудиться.

Среди множества астрономических наблюдений, которые вели египтяне, одно имело особое практическое значение. Уже в далекой древности было совершено открытие, что день, когда для египетского земледельца начинался новый год и ежегодный разлив Нила, примерно соответствовал дню, когда на рассвете на восточном горизонте впервые после двух с половиной месяцев отсутствия появлялась ярчайшая из неподвижных звезд — Сириус, известная египтянам как Сотис (Сопдет). Промежуток между двумя такими гелиакическими восходами звезды Сотис составлял триста шестьдесят пять дней с четвертью. Приняв это событие за обозначение начала года, египтяне получили астрономический год, который практически совпадал с солнечным. Разумеется, в древние времена в повседневной жизни этот год не применялся; население, занимавшееся земледелием, пользовалось календарным годом, состоящим из двенадцати месяцев по тридцать дней в каждом и дополнительного периода из пяти дней, чтобы избежать слишком большого расхождения с истинным солнечным годом. Однако, поскольку этот год был на четверть суток короче, чем астрономический год Сотис, то по прошествии каждых четырех лет день начала года по гражданскому (или народному) календарю наступал на день раньше, чем день нового года, связанный с Сотис, в древности выпадавший на 19 июля. Только через 1460 «гражданских» лет оба дня начала года снова можно было отмечать в один день. И

все же, несмотря на это неудобство, только во времена господства Римской империи, после введения христианства, год Сотис заменил в Египте гражданский год. В Риме он был введен Юлием Цезарем в 45 году до н. э. — поэтому он и известен как «юлианский год» — и стал основой календаря, которым после некоторого уточнения и исправления мы пользуемся по сей день.

Ежегодный разлив Нила, с повторяющейся регулярностью изменявший или стиравший границы между земельными участками, заставил египтян уже в ранней древности заняться межеванием и обрести точное знание, как считать. Несомненно, их способы подсчета были несколько громоздкими. Если мы заглянем в два математических «трактата», дошедшие до нас от конца Среднего царства и гиксосского периода, то удивимся, каким неудобным способом решались простейшие арифметические и геометрические задачи. И тем не менее египтяне уже в глубокой древности научились проводить некоторые очень сложные геометрические вычисления, открытие которых приписывают грекам. Геродот не ошибался, когда считал Египет родиной геометрии. В этой связи следует признать, что египетские «справочники» по данному предмету были посвящены решению исключительно практических задач и что египтяне никогда не предпринимали попыток рассматривать математику как науку.

Несколько более благоприятной была ситуация с медицинской наукой, о которой Геродот писал: «В Египте множество врачей, каждый из которых является знатоком». Там появилась довольно обширная медицинская литература, значительная часть которой сохранилась в виде записей на папирусах. В итоге у нас есть восемь более или менее полных медицинских сочинений. Они были записаны в первой половине Нового царства, примерно в середине 2-го тысячелетия до н. э. Однако сами тексты относятся к гораздо более древнему периоду, и часть их датируется началом Древнего царства.

Предметом одного из этих древних трактатов являются не болезни человека, а ветеринария. Из оставшихся семи четыре имеют разное содержание и включают чисто медицинские материалы в сочетании со множеством предписаний, или рецептов, для домашнего использования, то есть косметических советов, например о способах окрашивания седых волос, и изречений магического характера. Однако содержание трех остальных папирусов полностью однородно. Один представляет собой трактат о гинекологических заболеваниях, другой, от которого сохранились лишь фрагменты, посвящен зачатию, бесплодию и полу нерожденного ребенка, третий связан с хирургией.

Все эти труды преследуют строго практическую цель. Они предназначены для передачи полученного эмпирическим путем медицинского опыта врачам будущего. Предполагалось, что каждая такая книга будет использоваться в качестве практического пособия, научной систематизации внимание практически не уделяется. Каждый трактат представляет собой только сборник предписаний, лишь изредка озаряемый искрой размышлений, как, например, в инструкциях, относящихся к человеческому сердцу и кровеносным сосудам. Врач обычно довольствовался установлением по возможности правильного диагноза, природы и места заболевания и приготовлением подходящего лекарства в соответствии со своими изысканиями. Эти снадобья часто, если не всегда, были довольно неестественными с точки зрения разумности, но не совсем бесполезными. Однако они слишком часто зависели от необоснованных представлений об их целительной силе, и в том случае, когда человеческих знаний не хватало,

тало, в качестве средства спасения использовались магия и колдовство.

Четвертый древнеегипетский справочник — хирургический папирус Эдвина Смита, одно из сокровищ Нью-Йоркского исторического общества — существенно от них отличается и создает, можно сказать, более научное впечатление. Его великолепную публикацию осуществил покойный Джеймс Генри Брæстед (см. вклейку фото 26). Этот древнейший в мире трактат по хирургии рассматривает сорок восемь заболеваний в семи разных частях, расположенных в соответствии с частями тела, начиная с черепа и заканчивая, вероятно, ступнями.

Каждое заболевание, рассматриваемое в этом трактате, описывается в соответствии с определенной установленной схемой. Вначале стоит заглавие с указанием недуга, затем следует осмотр пациента, вводимый словами: «Если ты осматриваешь человека» — вместе с симптомами. За ними описывается диагноз, который начинается с фразы: «Ты скажешь ему: „Он страдает от“» — того или иного заболевания, название которого прибавляется. Затем следует профессиональное решение врача, которое могло принимать какую-то из трех разных форм: 1) «болезнь, которую я буду лечить», то есть благоприятный прогноз; 2) «болезнь, с которой я буду бороться», прогноз, вызывающий сомнения, или 3) «болезнь, которую нельзя вылечить», неблагоприятный прогноз.

Это поразительное древнеегипетское руководство представляет собой не просто случайный набор описаний произвольных заболеваний, как другие медицинские книги Древнего Египта, а скорее трактат, который его автор, возможно придворный или армейский хирург, строго систематизировал, чтобы передать опыт, полученный за время практики путем методического обследования и объективного разбора. Благодаря этому папирус Эдвина Смита является не только ценным памятником по истории медицины, но также красноречивым доказательством научного духа, который четыре тысячи лет назад и даже больше руководил по меньшей мере несколькими избранными людьми Древнего Египта в их исследованиях. Это восхитительное открытие человеческого разума, пробившегося к первым ступеням развития науки.

В позднейшей форме египетского языка — коптском языке — слова записывали греческими буквами с использованием семи символов, взятых из египетской письменности. Этот язык начали использовать после того, как в Египте распространилось христианство, для того чтобы заменить древнюю религию этой страны. На самом деле, когда прежняя религия уступила место новой, знание об иероглифическом письме, которое на протяжении греко-римского периода в основном сохранялось местным жречеством, постепенно забылось. Коптский язык с его более простой и удобной системой письма стал языком христианской церкви в Египте. На коптский было переведено Священное Писание, и этот язык широко использовался в церквях и монастырях долины Нила. Так продолжалось до эпохи Средневековья. Однако после арабского завоевания (641 г. н. э.), когда христианство, в свою очередь, было заменено исламом, коптский язык постепенно угас. Так древний язык египтян исчез в их родной стране, и вместо него восторжествовала арабская речь завоевателей, которая в одном из диалектов сохранилась в качестве языка современных египтян.

Глава 12

Египетская религия

Тому, кто желает узнать о религиозных представлениях, господствовавших во времена золотого века египетской истории, придется вернуться назад и попытаться понять культуры той далекой первобытной эпохи, когда «Обе Земли» — Верхний и Нижний Египет — еще были независимыми и существовали бок о бок, прежде чем появился единый египетский народ. В каждом крупном и мелком городе и деревне было свое божество-покровитель и святилище, куда жители в дни нужды и опасности обращались за помощью, поскольку с помощью молитв и подношений постоянно искали милости бога. В руках последнего находились благосостояние и горести сообщества, он являлся владыкой области, «богом города», который, словно земной правитель или князь, властвовал над судьбами своих вассалов и защищал их от врагов. Тесную связь бога со своей областью очень хорошо показывает тот факт, что у него часто не было собственного имени, и его именовали по названию того места, где отправлялся его культ и где его почитали. Так, местным божеством верхнеегипетского города Омбоса являлся «Омбосский», а о боге Эдфу говорили как о «Том, который из Эдфу». Разумеется, каждый местный бог обычно носил особое имя, исконное значение которого мы теперь редко можем определить. Так, бога Мемфиса звали Птахом (рис. 6, а на с. 163), бога Фив — Монту; древним божеством-хранителем Херура являлся Хнум (рис. 6, б), Коптоса — Мин, в Гелиополе почитали Атума. Привычными именами среди богинь являются Хатхор, «владычица Дендеры» (рис. 6, с), Нейт, богиня Саиса (рис. 6, d) и Сехмет, богиня-защитница Мемфиса (см. вклейку фото 28).

Функции этих местных божеств-покровителей обычно ограничивались заботой о своем городе, и они не обладали властью за его пределами. Однако некоторые из них благодаря росту значения своих городов получили более широкую сферу влияния. Таким способом часть из них превратилась в богов областей или даже национальных богов и заняла господствующие позиции в египетском пантеоне.

Когда Египет еще состоял из двух независимых царств, местные боги их религиозных столиц — Сет Омбосский и Гор Бехдетский — стали богами-защитниками двух государств. Миф сохранил воспоминания о войнах, которые шли между Севером и Югом. Считалось, что эти боги, как пара божественных царей, долгое время сражались друг с другом, чтобы определить, кто должен быть господином над Обими Землями. Однако в конце концов между ними было заключено мирное соглашение, по которому каждый получил половину царства. Позднее, когда Верхний Египет одержал победу над Нижним и они объединились в одно государство, Гор стал общеегипетским богом и сохранял это положение на протяжении всех последующих веков (рис. 6, e). Царь считался воплощением своего бога-покровителя — Гора. Спустя какое-то время, еще в доисторический период, когда Египет снова распался на два независимых государства и в них были основаны новые столицы, местные божества этих двух городов — богиня-гриф из Нехеба (Эль-Каба) и богиня-змея из Буто — возвысились до положения общеегипетских богинь, а поклонение им распространилось далеко за пределы их прежней области влияния. Подобным же образом во времена Один-

надцатой династии из Гермополя в Карнак был перенесен культ космического бога Амона (см. вклейку фото 12). Постепенно Амон превратился в местное божество Фив, а позднее благодаря отождествлению с Ра (рис. 6, *f*) в качестве «царя богов» стал национальным богом Египта Нового царства.

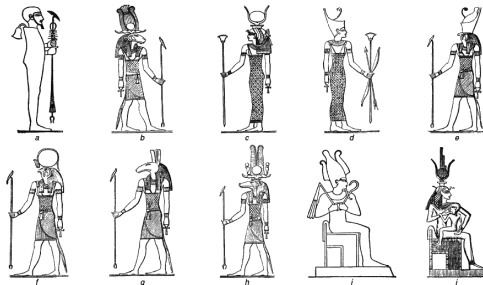

Рис. 6. Египетские божества: *a* — Птах; *b* — Хнум; *c* — Хатхор; *d* — Нейт; *e* — Гор; *f* — Ра-Хорахти; *g* — Сет; *h* — Себек; *i* — Осирис; *j* — Исида, кормящая грудью своего сына Гора

Нередко жители какого-нибудь города покидали его и основывали новое поселение. Неудивительно, что в таком случае они переносили туда культ своего бога-покровителя и строили новое место почитания. В других случаях люди одной области находились под впечатлением от того, как действительно некое чужое божество защитило членов своей общины, или от того, как много благ и чудес оно для них совершило. Они начинали совершать паломничества к святилищу этого божества и даже строить для него новые храмы, где они, принося жертвы, смогли бы получить его могущественное покровительство. Таким образом иногда в какой-то город переносили культ бога, которого изначально там не было. Временами он привлекал к себе последователей, раньше поклонявшихся божеству-покровителю этого города, или даже занимал место прежнего бога в качестве покровителя города. Возможно, именно так Нейт Саисская получила часовню в Эсне, а богу Хнуму, которого изначально почитали в Гипселе близ Асьюта, стали поклоняться в Херуре, Эсне и Элефантине.

Уже в ранний период представления о некоторых местных богах распространились благодаря значению определенных аспектов их образов. В результате часть из них стала покровительствовать отдельным ремеслам и занятиям. Так сокологоловый Монту стал богом войны, Мин Коптосский превратился в покровителя путешествующих по пустыне, а также в бога плодородия и урожая. Птах Мемфисский, в области которого в исторический период появилось самобытное искусство Египта, был покровителем художников, кузнецов и ремесленников, работающих с металлами. Могущественная Сехмет из Мемфиса стала ужасной богиней огня, уничтожающей своих недругов, тогда как Хатхор из Дендеры превратилась в богиню любви и веселья. Сокол Гор сделался солнечным богом, освещающим мир, а также тем, кто в качестве молодого героя занят вечной битвой со своим врагом — богом бури Сетом (рис. 6, *g*). Тот из Гермополя (см. вклейку фото 27) был богом луны, разделившим время и создавшим космический порядок. Его также считали изобретателем иероглифического письма, «владыкой божественных слов» и богом знания. Бог-крокодил Себек (рис. 6, *h*), есте-

ственно, являлся богом вод. Ему как божеству-защитнику, поклонялись в городах, счастье и горе которых особенно зависели от воды, как на островах Гебелейна и Ком-Омбо, в оазисе Фаюм или в городе Хени близ современной Силсилы, где Нил течет очень быстро. Так местные боги очень часто превращались в божеств-покровителей определенных профессий или в богов природы, почитаемых по всей стране.

В дополнение к этим «городским богам» существовало огромное количество низших божеств, духов и демонов, которые, как считалось, могли принести людям пользу или вред и расположение которых было необходимо заслужить, а также важная группа волшебниц, оказывавших женщинам помощь при родах и способных задержать или ускорить рождение ребенка. Под именем Беса египтяне поклонялись разным богам, имевшим гротескный облик и защищающим дом. Музыканты, танцоры, истребители змей, они также заведовали туалетом, спальней и удовольствиями любви. Из огромного количества других божеств здесь можно упомянуть лишь немногих: богов и богинь урожая, духов, исцеляющих от болезни, богов и богинь войны.

Если население какой-то местности жило в мире и поддерживало дружеские отношения с соседями, то их боги-покровители, естественно, также должны были поддерживать дружбу.

Подобно людям, которые им поклонялись, боги имели привычку навещать друг друга в определенные дни. «Чужим богам» часто посвящали особые часовни и обеспечивали их культы в храме «городского бога». Хотя последний оставался главным богом своей области, он вовсе не был единственным божеством, почитаемым ее жителями. Наоборот, рядом с ним в качестве его гостей находилась целая группа богов и полубогов, которые получали свою долю молитв и подношений от людей, поклонявшихся ему. На самом деле уже в далекой древности жрецы старались установить между разными богами связи. В результате нередко происходило так, что некую богиню считали супругой главного бога города, а третье божество — их сыном. Например, в Карнаке, в Фивах, главному богу Амону (см. вклейку фото 12) поклонялись вместе с его супругой, богиней Мут, и их сыном, богом луны Хонсу. В Мемфисе супругой бога-покровителя Птаха (рис. 6, а) стала Сехмет (см. вклейку фото 28), а их сыном — Нефертум. Осирис (рис. 6, и), его сестра-жена Исида (рис. 6, j) и Гор, «сын Исиды», составляли «триаду», или святое семейство, в Абидосе.

У египетских богов было множество имен, но не меньше было и внешних проявлений, которые приписывали им их почитатели. Большинство этих проявлений являлись довольно грубыми и напоминали о фетишизме, который до сих пор держит в тисках часть диких негритянских племен Африки. Бога, располагавшегося в дельте города Бусириса, представляли в виде столба с головой и руками египетского царя, богиню Нейт в Саисе олицетворял щит с прикрепленной к нему парой перекрещенных стрел. Богу Птаху Мемфисскому и богу урожая Мину Коптосскому, под чьей защитой находилась дорога в пустыне, связывавшая его родной город с Красным морем, поклонялись в облике фетишей, имеющих человеческие черты. Однако очень часто египтяне представляли себе богов в виде животных: Себека как крокодила, бога города Мендеса как барана, Тота Гермопольского как ибиса, Хнума в облике барана, Гора в виде сокола или ястреба, а его врагу Сету придавали облик некоего мифического животного. Богиней-защитницей Буто являлась змея, богиню Нехеба, как и Мут Фиванскую, считали грифом, а Хатхор в Дендере придавали облик коровы.

Все эти представления о богах на первый взгляд кажутся нам не только странными по своей природе, но даже весьма недостойными культурного народа. Греки и римляне, познакомившись с Египтом, отреагировали так же и, обнаружив столь примитивные религиозные представления у народа, пораженного многими достижениями, не стеснялись насмехаться над ними и выражать свое презрение. Тем не менее похожие идеи были широко распространены и у других цивилизованных народов, включая некоторые семитские племена, и даже греков в древнейший период их истории. Семиты видели божеств в деревьях, камнях и животных. До нас дошли некоторые известные греческие мифы, которые рассказывают, например, как бог лугов и дорог проявлял себя в качестве груды камней, Аполлон — в облике волка, Зевс — облака, Артемида — медведицы, а Гера — коровы. Каждый изучающий античную мифологию знает, что «священным животным» Афины являлась сова, а Зевса — орел.

Деревянную статую божества обычно держали в местном храме в наосе, или божнице. В дни праздников процессия жрецов несла на плечах статую в божнице или перевозила ее по реке в священной ладье. К тому же уже с древнейших времен в храме содержали животное, являющееся священным для данного храма, — животное, в котором воплощался местный бог и за которым тщательно ухаживали. Греческий путешественник Страбон, посетивший Египет во времена правления римского императора Августа, оставил описание крокодила, посвященного богу вод Себеку, о котором заботились в столице Фаюма, городе Арсиноэ:

«Его кормят хлебом, мясом и вином, которые приносят чужеземцы, приходящие посмотреть на него. Наш хозяин пошел с нами к озеру, взяв небольшую лепешку, немного мяса и небольшой кувшин с вином. Мы обнаружили животное лежащим на берегу; жрецы приблизились и, когда один из них открыл его пасть, другой сперва сунул ему в рот лепешку, затем мясо и, наконец, вылил вино. После этого крокодил прыгнул в озеро и переплыл на другой берег».

Позднее, когда религия все больше утрачивала свою внутреннюю живость и люди в основном держались за внешние формы, египтяне довели культы животных до такой крайности, что стали считать каждого представителя того или иного вида, в форме которого, как считалось, воплощалось божество, священным и божественным. Эти животные считались неприкосновенными, убийство одного из них в месте, посвященном его виду, каралось смертью. На самом деле религиозное рвение той эпохи было настолько сильным, что обычным стало бальзамирование всех священных животных после смерти и погребение их со множеством церемоний на специальных кладбищах, предназначенных для этой цели.

Уже в первобытную эпоху был сделан шаг прочь от грубого фетишизма, когда египтяне начали изображать божество в облике человека. В то время бог появлялся с человеческим лицом и телом и носил ту же одежду, что и люди. Его голову, как и голову правителя или царя, украшал шлем или корона, а простую юбку — хвост животного, прикрепленный сзади к поясу, как обычно носили владыки в первобытную эпоху. Его символами власти являлись жезл и скипетр, тогда как богини держали в руках цветок папируса на длинном стебле. Эта новая интерпретация божества должна была повлиять на более примитивные верования, связанные с фетишизмом. Грубый антропоидный фетиш Птаха превратился в образ молодого человека с бритой головой, «прекрасного лицом», завернутого в плотно облегающее одеяние, стоящего на лестнице или платформе и сжимающего обеими руками скипетр. Божества, которые пре-

жде считались животными, превратились в человеческие фигуры, увенчанные головами священных животных, от которых они произошли. Себек стал человеком с головой крокодила, Хнум — человеком с головой барана (рис. 6, *b*), Тота изображали как человека с головой ибиса (см. вклейку фото 27), Гора — как мужчину с головой сокола (рис. 6, *e*), а Сехмет стала женщиной с головой львицы (см. вклейку фото 28).

В дополнение к местным богам, которых египтяне представляли в облике животных, особыми предметами поклонения стали и другие священные животные. Самыми известными из них являются бык Мневис, которого почитали в Гелиополе, бык Бухис из Гермонта, «феникс» (цапля) из Гелиополя и особенно бык Апис из Мемфиса. Согласно позднему греческому рассказу, последнего зачинал луч солнца, спускавшийся с неба и оплодотворявший корову, которая после этого уже никогда не могла родить другого теленка. Бык Апис был черным с белыми пятнами, включая белый треугольник на лбу и изображение полумесяца на правом боку. Его спину обычно покрывали красной тканью. Нам известно, что его жрецы существовали уже в Древнем царстве, но более подробные сведения о природе Аписа или его культе не сохранились. Однако позднее теологические построения попытались создать связь между этим очень почитаемым быком и древним богом Мемфиса Птахом. В конце концов это выразилось в идее, что Апис является сыном Птаха или, согласно еще более сложной догме, настоящим образом, «живым воплощением Птаха». В период Нового царства Аменхотеп III приказал устраивать умершим быкам роскошные погребения в настоящих гробницах в мемфисском некрополе Саккаре. Однако во времена Девятнадцатой династии, при Рамсесе II, была устроена величественная погребальная галерея, где священных быков хоронили в великолепных каменных саркофагах. Это подземное кладбище — галерея длиной почти 107 метров, вырубленная в твердом скальном основании, с рядом ниш для захоронения быков, так называемый Серапеум — являлось весьма почитаемым местом в птолемеевский период и привлекало огромное количество набожных паломников.

Вообще наши знания о самых почитаемых египетских богах весьма ограничены. Нам известны их имена и облик, но их природа и характеры скрыты от нашего понимания, несмотря на множество поэтичных эпитетов, которыми их называют в гимнах и молитвах. Очевидно, что для египтян их боги не были пустыми и туманными образами, каковыми они кажутся нам, обладающим о них лишь скудными знаниями. Люди, поклонявшиеся этим богам в древности, рассказывали множество историй об их деяниях и чудесных приключениях, и эти мифы, естественно, развивались, расширялись и сокращались для записи в жреческой среде, где главным образом они и создавались.

Помимо местных божеств, чьи деяния ограничивались определенной областью на земле, существовали и другие великие силы, проявившиеся в природе и охватывавшие весь мир: небо и земля, солнце, луна и звезды, Нил. Небо было «великим богом», оно мыслилось в виде сокола, который распростер свои защищающие крылья над землей или над Египтом. Солнце и луна являются его божественными очами; когда он открывает их, наступает день, когда они закрываются, настает ночь. Звезды прикреплены к его телу, ветер является его дыханием, а вода — его потом. Согласно другому широко распространенному мифу, небо — это богиня, которую иногда называли Нут. В первозданные времена ее крепко обнимал бог земли Геб, пока бог воздуха Шу не отделил их друг от друга, подняв Нут высоко над землей и держа ее на вытянутых руках.

От союза Геба и Нут родился сын — солнечный бог Ра, самый популярный из космических богов. Днем он путешествует в своей ладье по небесному океану, как по Нилу, а вечером переходит в другую ладью, чтобы спуститься в преисподнюю и продолжить свое путешествие. Его также представляли в образе сокола в сверкающем оперении, парящего в небе, или в виде молодого героя, ведущего вечную борьбу с враждебными силами тьмы. Как бога верхнеегипетского города Эдфу его изображали в виде солнечного диска с распростертыми крыльями, в образе которого он постоянно появлялся как символ защиты в египетских храмах над дверями и в других местах.

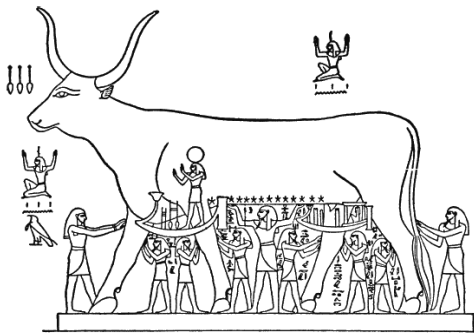
Вообще божества природы никогда не имели особых собственных культов. Однако постепенно для Ра было сделано исключение, и ему обычно стали совершать жертвоприношения под открытым небом. Рядом со столицей, городом Мемфисом, цари Пятой династии, которых в народе считали детьми самого Ра, посвятили этому богу уникальный храм. Его главной чертой являлся обелиск особого типа, установленный на огромном каменном основании.

В целом эволюция религиозных представлений шла по пути установления связей между местными божествами и небесными силами. Жрецы местных богов явно пользовались любой возможностью, чтобы превознести их славу. Так, сокола Гора, к тому времени превратившегося в общеегипетского бога, стали отождествлять с богом неба, который, как мы видели, также считался соколом. Соответственно, Гор сделался «великим богом» или «господином неба» и получил имя Хорахти («Гор горизонта»). К тому же его отождествили с Ра и с того времени стали считать солнечным богом Ра-Хорахти. Естественно, что и Ра должен был получить облик Гора, и, соответственно, в качестве царя его изображали в виде человека с головой сокола, увенчанной солнечным диском со свисающей с него змеей-уреем.

Похожим образом с Ра отождествили и других местных богов, изначально не имевших к солнцу никакого отношения и никогда не почитавшихся в облике сокола, как, например, бога вод крокодила Себека, бараноголовых Хнума и Амона Карнакского, и, соответственно, в качестве символов нового высокого статуса их наделили солнечным диском и священной змеей-уреем. В процессе этой эволюции местные божества оставили при себе все прежние атрибуты, а традиция сохранила мифы о них. Неизбежным результатом стала сбивающая с толку путаница из сложных и внутренне противоречивых представлений в египетской религии. В теологии была предпринята попытка отделить, по крайней мере, солнечных богов друг от друга. Каждому были приписаны различные функции, в соответствии с которыми бог Хепри — солнце, представлявшееся в виде скарабея, — стал утренним солнцем, а Атума почитали как вечернее солнце. Тем не менее не похоже, чтобы мудрые жрецы преуспели в том, чтобы выстроить всеобъемлющую систему египетской теологии.

Рис. 7. Богиня неба Нут в образе коровы. Бибан-эль-Мулук, гробница Сети I

Похожее изменение могло произойти и с местными богинями, которых стремились отождествить с Нут. Так богиня-корова Хатхор превратилась в богиню неба. Этот факт привел к логическому, хотя и довольно удивительному выводу, что и сама Нут являлась коровой. Ее крепко схватили многочисленные боги, а бог воздуха Шу удерживал ее на месте. К ее животу были присоединены звезды, а бог солнца путешествовал в своей ладье вдоль ее тела (рис. 7).

Многие другие местные боги, чья природа или облик не слишком различались, стали отождествляться друг с другом уже в древнейшие времена. Поэтому Хатхор и Исиду считали одной богиней, а Амон Карнакский, Мин Коптосский и позднее даже бог Элефантины Хнум превратились в единое божество. Богиню-покровительницу Бубастиса отождествили с богинями Сехмет и Пахет, которых представляли в образе львиц, и всех трех, в свою очередь, отождествили с Мут, матерью богов и супругой Амона.

Разумеется, умному человеку было не слишком сложно как-то упорядочить эту смесь разных мифологических представлений. Прилагая усилия, чтобы объединить местных богов и рассматривать их как солнечных или небесных, египтянин вполне естественно мог прийти к заключению, что поклонение древним богам-покровителям устарело и что почитание небольшой группы богов или даже одного божества является гораздо более разумным. Однако кто бы осмелился применить эту теорию на практике и упразднить древние культы, чтобы установить вместо них новый? Не восстанет ли объединенное жречество всей земли против такой попытки, чтобы защитить исключительные права своих богов? И главное, как огромная масса людей, продолжавших с глубоким благоговением почитать древних местных богов, не проявляя ни малейшего интереса к теологической системе, восприняла бы известие, что верховенство их божественного защитника подошло к концу и что его заменит другой, к которому им теперь приказано обращаться с молитвами и приносить жертвы? И все-таки тот день, когда именно такую попытку — попытку свергнуть прежних богов и заменить их единым богом на небе и на земле — рискнули предпринять, был недалек (см. гл. 14).

Египтянам не удалось создать и последовательную систему представлений о судьбе человека после смерти. По крайней мере, глубоко в сердцах людей укоренилась вера в то, что смерть на самом деле не была концом всему и что человек продолжал жить точно так же, как на земле, если будут соблюдены условия, необходимые для продолжения существования. Прежде всего, умершего нужно было обеспечить пищей и питьем; отсюда и постоянно повторяющееся желание египтян получать в загробной жизни «тысячи хлебов, гусей, быков, кувшинов пива и все прекрасные вещи, которыми живет бог». Чтобы не страдать после смерти от голода и жажды, каждый египтянин обеспечивал свою гробницу большими сосудами, наполненными пищей и напитками, или, если располагал средствами, устраивал дарения, доход с которых навечно обеспечивал его потребности жизни в загробном мире. Если у человека были дети

или другие близкие родственники, то благочестие требовало, чтобы они приходили на кладбище в дни больших праздников, чтобы поместить в гробницу пищу и питье. Тем не менее всех этих припасов было недостаточно. С периода Древнего царства стены гробницы или, по крайней мере, саркофага покрывали изображениями всевозможных предметов, которые с помощью магии могли превратиться в реальные вещи, чтобы умерший мог их использовать для обеспечения своих физических потребностей. Считалось, что та же магическая сила присуща рельефам или настенным росписям в гробницах состоятельных людей, где умерший изображался перед заполненным пищей жертвенным столиком (см. вклейку фото 29), присутствовал при забивании и разделывании жертвенных быков или смотрел на ряды женщин, приносящих продукты из заупокойного имения.

Кроме всех этих усилий обеспечить покойного, для достижения желаемой цели использовалось и другое средство. Снова и снова мы сталкиваемся в гробницах с надписями, обращающимися к каждому посетителю или случайному прохожему с просьбой повторить определенные молитвы, которые с помощью магии вызовут все необходимое для питания и нужд умершего. Помимо пищи, к этим предметам относились различные масла, притирания и косметика для глаз — все, что часто клали для заупокойного использования в изящные красивые сосуды, — украшения, одежда и даже оружие для защиты умершего от врагов, а также множество других вещей. С течением времени количество и разнообразие этих заупокойных объектов возросло. Насколько богатым погребальный инвентарь стал в золотом веке империи фараонов, прекрасно показывают сокровища из гробницы Тутанхамона (см. гл. 15), которая включала несколько тысяч предметов.

С этими идеями о жизни после смерти и необходимости ее поддерживать соединялось и другое важное народное верование. Существовало представление, что у каждого человека есть не только тело, но и душа, которая продолжает жить после смерти. Считалось, что она принимает облик птицы или, позднее, сокола с головой умершего. Египтяне думали, что после смерти она отделяется от тела и свободно летает по миру, хотя может по желанию, особенно ночью, когда бродят злые духи, возвращаться в безопасную гробницу. Однако это было возможно, только если тело умершего должным образом защитили от разложения. Чтобы дать душе возможность узнать тело, в котором она обитала, египтяне с глубокой древности уделяли самое пристальное внимание сохранению трупа.

Еще одним распространенным египетским представлением об умерших являлась идея, что покойный мог принимать любой облик и с помощью магических заклинаний превращаться во всевозможных существ, таких как змея, сокол, лилия, баран и даже крокодил, и в таком виде днем бродить по земле. Позже эти представления стали известны греческим историкам и философам, однако были неверно поняты и привели к ошибочному заключению, что древние египтяне, подобно индусам, верили в переселение души.

Важную роль в египетских заупокойных представлениях играл так называемый «ка». Это было что-то вроде духа-защитника, или гения, который рождался одновременно с человеком и на протяжении жизни был с ним тесно связан. На самом деле «ка» не проходил через испытание смертью, а оставался жить, чтобы вдохнуть в покойного жизнь при помощи собственной жизненной силы и защитить его от врагов в загробном мире.

Мертвые, как и живые, продолжали находиться под защитой своих домашних богов, которые заботились о похоронах и особенно о безопасности усопших в гробницах. Однако во многих городах существовали особые боги, связанные с загробным миром, такие как Хентиаментиу, «Первый из Западных» (то есть покойных), которого постоянно изображали в виде шакала. В древнейшие времена все эти божества отступили на второй план перед Осирисом. Возможно, он являлся обожествленным царем, который некогда правил в дельте, в городе Бусирисе, и встретил трагическую безвременную кончину, утонув в Ниле. С течением времени его слава, а затем и поклонение ему распространились по всему Египту, но в конце концов главным местом, где отправляли его культ, стал Абидос. История о его жизни и смерти стала одной из самых любимых, поскольку, с человеческой точки зрения, была наиболее понятной и трогательной из всех рассказов о египетских богах. К сожалению, в каком-либо египетском тексте она не изложена в однородном виде, связный рассказ есть только в произведении, написанном греческим писателем Плутархом. Согласно его версии, Осирис некогда был царем Египта и осыпал своих счастливых подданных милостями. Однако у него был злой брат по имени Сет, который имел планы на его жизнь и трон. Он устроил заговор, в соответствии с которым придумал хитрость, чтобы во время пира его брат улегся в искусно сделанный сундук. Едва Осирис занял там место, как Сет и семьдесят два его приспешника накинулись на него, захлопнули крышку и бросили в Нил, который отнес его в море. В конце концов волны вынесли сундук и его содержимое на берег близ финикийского города Библа. Тем временем Исида, сестра и жена Осириса, скиталась по всему миру, разыскивая тело супруга. После того как она нашла его и с определенными трудностями завладела им, она привезла умершего Осириса обратно в Египет и тайно его оплакала. Затем она спрятала гроб и отправилась в болота дельты, к городу Буто, где родился ее сын Гор. В ее отсутствие Сет, охотясь на вепря, наткнулся на тело ненавистного брата. Придя в ярость, он разорвал его на четырнадцать частей и разбросал останки по всей стране. Тем не менее верная Исида нашла все фрагменты и похоронила каждый в том месте, где обнаружила его, возведя над каждым памятник. По этой причине в Египте известно так много разных гробниц Осириса. После того как Гор достиг зрелости в топах дельты, он пришел отомстить за убийство своего отца, и произошла ужасная битва, в которой Гор одержал победу. В итоге Осирис благодаря тому, что его почтительный сын применил всевозможные магические средства, вернулся к жизни и с тех пор стал править на Западе как царь блаженных умерших.

Смерть, которую, согласно мифу, Осирис претерпел от рук своего вероломного брата Сета, стала частью существования каждого человека. Однако как Осирис снова вернулся к жизни, так и любой человек начинал жизнь заново, если только верный сын произносил те же заклинания и совершал те же ритуалы, которые сын Осириса Гор некогда сказал и совершил для своего отца. Таким образом, умерший не просто отправлялся к Осирису; египтяне верили, что он сам становился Осирисом. Вход во владения этого бога зависел от магических изречений и заклинаний, которые нужно было повторять или знанием которых нужно было снабдить умершего. Вдобавок необходимой для обретения вечной жизни считалась добродетельная жизнь на земле. Для этого каждый человек должен был после смерти явиться на суд и в присутствии Осириса и перед сорока двумя судьями объявить себя невиновным в грехах. Только после того, как это было сделано, а сердце покойного было взвешено на весах спра-

ведливости в присутствии бога Тот и признано правдивым, человек получал разрешение войти в загробный мир (см. вклейку фото 27).

Хотя концепция последнего суда показывает, что у египтян существовали возвышенные идеалы о поведении в повседневной жизни, мы располагаем очень скудной информацией о религиозной мысли и практике обычных людей. Тем не менее значение таких имен, как Ни-уи-нечер («Я принадлежу богу»), Мери-Ра («Любимый Ра»), Гор-хетепу («Гор милостив») или Птах-эмсаф («Птах — его защита»), показывают, что египтянин с древнейших времен ощущал тесную связь со своим богом и верил, что бог не только находится рядом с ним, но и заинтересован в его благополучии и в какой-то степени подобен ему. Древние книги «Поучений для жизни» (см. гл. 11) явно связывают хорошую жизнь со следованием желанию бога. Многочисленные религиозные гимны в основном сосредоточены на восхвалении бога в качестве владыки небес и земли, но также они знают его как слушающего молитвы, любящего свой народ. Однако вскоре после 1300 года до н. э. проявилось поразительное развитие личного благочестия. Мы впервые обнаруживаем в Египте выраженное убеждение, что, даже если человек расположен ко злу, бог склонен прощать. Хотя бог обязан наказывать грех, его гнев кратковременен, а милосердие велико.

О месте, где живут блаженные умершие, также существовали разные идеи. В основном считалось, что оно располагается где-то на западе, в области заката. Также египтяне верили, что покойные превращались в сверкающие звезды на небе. Или же они жили на небесных полях тростников, где, как и прежде на земле, возделывали землю, пахали, сеяли и жали, только зерно там вырастало на высоту семи локтей (3,65 м). Для египетского земледельца это поистине был чудесный рай. Однако поскольку и для древнего египтянина времена менялись, то труд на полях стал считаться недостойным его положения. После периода Среднего царства человек добивался, чтобы в его гробницу помещали фигурки в виде мумий, снабженные орудиями для сельскохозяйственных работ или священными символами, дабы они могли выполнять обязанности умершего вместо него самого (см. вклейку фото 30). На этих ушебти писали имя покойного, а также магическое изречение, благодаря которому они оживали и могли делать предписанную работу.

Другое представление, изначально использовавшееся только для царя, содержало попытку объединить различные концепции о загробном мире. Оно было записано в книге под названием «Книга о том, что в загробном мире» и других подобных сочинениях. Согласно этим текстам, под привычной землей, где живут люди, существует другая земля. Над ней есть свое небо, и через нее течет река (см. гл. 7). Этот загробный мир делится на двенадцать частей, соответствующих двенадцати частям ночи и отделяемых друг от друга огромными воротами. Солнечная лада плывет по реке, в ней находится бараноголовый солнечный бог, окруженный, подобно царю, свитой. На короткое время он приносит свет и жизнь в темные области, через которые путешествует. Умерший принимает участие в этом ночном странствии или в качестве спутника солнечного бога, или как сам бог, с которым он иногда отождествляется и с которым он покидает подземный мир на рассвете, чтобы продолжить плавание по небесному океану при ярком свете дня.

В древнейшие времена покойного хоронили в естественной позе спящего человека: лежащим на левом боку с коленями, подтянутыми к телу, и ладонями, сложенными у лица. В период Древнего царства появился обычай, сначала, возможно, касав-

шийся только царей, — помещать в гробницу тело в вытянутом положении. Одновременно египтяне стали предпринимать попытки с помощью искусства мумификации предотвратить разложение трупа. Это делалось так удачно, что многие мумии сохранили черты лица покойного легко узнаваемыми (см. вклейку фото 31). Вначале мумификация, разумеется, была весьма простой. Из тела удаляли внутренние органы, а получившиеся полости заполняли свернутыми кусочками льняной ткани. Затем труп пропитывали натром и оборачивали льняными бинтами. Позднее использовались и вливания кедрового масла. С течением времени техника бальзамирования претерпела значительные изменения. Обычным стало извлечение мозга из черепа с помощью металлического крюка, а смолы и мази использовались, чтобы сохранить, насколько это возможно, все очертания тела. Уже в период Древнего царства внутренности погребали в четырех сосудах, которые находились под защитой четырех божеств, отвечавших за защиту умершего от голода и жажды. В более богатых погребениях эти сосуды помещали в ящики, сделанные в форме часовни и украшенные соответствующими изображениями богов и надписями религиозного содержания (см. вклейку фото 32). Процесс мумификации длился не менее семидесяти дней; по их прошествии после завершения всех погребальных ритуалов тело клали в саркофаг и помещали в гробницу (см. вклейку фото 33).

Форма саркофага с течением времени менялась. В период Древнего царства он представлял собой простой прямоугольный каменный или деревянный ящик. Египтяне любили придавать ему облик дома с дверями, выражая идею, что саркофаг — это дом умершего. Во времена Восемнадцатой династии желательным было сделать саркофаг в виде мужчины или женщины в одежде, которую тогда носили, или в виде мумии (см. вклейку фото 34) и украсить его разнообразными изображениями и надписями религиозного содержания. Однако богатым людям единственного саркофага было недостаточно. Они настаивали, чтобы их хоронили во внутреннем из трех саркофагов, имевших форму мумии и вложенных один в другой. В свою очередь, они помещались во внешний саркофаг, имеющий вид дома, так что мумия лежала как минимум в четырех разных гробах.

Даже для знати и богатейших людей изначально могила, где должно было покоиться тело, представляла собой простую яму, выкопанную в пустыне на достаточной высоте, чтобы ее не достигли воды разлившегося Нила. Над ней насыпали небольшой холм, перед которым устраивали маленький дворик. Он служил местом отправления культа, куда можно было поместить подношения, необходимые умершему. Из такого типа могил развилась мастаба, как в науке называют вид гробницы, где хоронили саркофагов в период Древнего царства. Мастаба представляла собой прямоугольную постройку, возведенную из кирпича-сырца или известняковых блоков. Вертикальная шахта или лестница вела вниз, в подземную погребальную камеру, куда помещали тело. Место для отправления культа располагалось на восточной стороне постройки. Это был двор с неглубокой нишей, обычно имеющей вид двери, указывавшей место, которое являлось одновременно и входом в гробницу, и входом в загробный мир. Часто перед нишей возводили часовню или устраивали культовое помещение в кладке мастабы таким образом, что упомянутая выше «ложная дверь» располагалась на его западной стене. С течением времени количество внутренних комнат возросло, так как к одной первоначальной пристраивали дополнительные камеры. В результате этого изменения у умершего появился обычный дом, стены которого были украшены над-

писями и разноцветными рельефами. Покойного и членов его семьи, похороненных вместе с ним, изображали на многочисленных статуях, которые помещали в одну или несколько комнат, специально предназначенных для этой цели. В гробницы также клали изготовленные из дерева или камня фигурки слуг и служанок, чтобы они постоянно заботились о нуждах своего господина.

Царская гробница в ранний период представляла собой всего лишь очень большую мастабу описанного типа из кирпича-сырца, однако под ней находилось несколько камер, где покоились тела правителя и его слуг, а также весь необходимый погребальный инвентарь и припасы. Эта мастаба со временем превратилась в ступенчатую пирамиду, а та — в настоящую пирамиду (см. вклейку фото 4), которая с начала Древнего царства и до конца Второго переходного периода оставалась характерной формой царской гробницы.

Глава 13

Искусство египтян

В Египте больше, чем в любой другой стране древности, периоды политического и экономического роста совпадали с периодами расцвета искусства. Впервые египетское искусство достигло вершины в эпоху пирамид, при могущественных правителях Древнего царства. После нескольких столетий застоя второй расцвет наступил при фараонах Двенадцатой династии, носивших имена Аменемхет и Сенусерт. Наконец после господства гиксосов в период Тутмосидов и Аменхотепов (Восемнадцатая династия) Египет стал свидетелем улучшения исконных художественных достижений, когда изготавливались произведения искусства, которые редко были хуже тех, что появлялись в ранние периоды, а зачастую и превосходили их.

Как мы уже видели (гл. 5), при Тутмосе I архитекторы Восемнадцатой династии создали новый тип царской гробницы. Действительно, успешное устройство этих гробниц, высеченных глубоко в твердой скале, меньше зависело от художественного таланта архитектора, чем от технических навыков каменщиков. Но как огромны и прекрасны были творения художников и ремесленников в ту великую эпоху строительства храмов и дворцов! Для них это было время удивительных возможностей. Разрушенные святилища прошедших веков нуждались в восстановлении, им постоянно приказывали возводить храмы в честь богов, фараоны желали иметь новые роскошные дворцы, которые были бы достойны их великих достижений. Материальные условия в новую эпоху также были благоприятными. Бесчисленные военнопленные и захваченные рабы предоставили в распоряжение египтян бесконечное количество тружеников, тогда как захваченная на поле боя добыча, разграбление завоеванных городов и дань от покоренных народов обеспечивали все возможные нужды для проведения масштабного строительства и поощряли архитектора решать крупные задачи. В его распоряжении находились несметные сокровища архитектурных форм прошлого, если он желал остановить свой выбор на них. Однако если они не подходили или не соответствовали требованиям новой эпохи, то он обладал достаточным творческим талантом и изобретательностью, чтобы встретить любую ситуацию. Поэтому храмы времен Тутмоса III и его преемников намного превосходят все остатки священных построек, сохранившихся до наших дней в долине Нила. Они безоговорочно подтверждают, что этот период египетской истории являлся временем расцвета архитектурных достижений.

Нигде в Египте произведения той великой эпохи не появились в таком большом количестве и не сохранились так хорошо, как в столице — Фивах, — которая больше любого другого места в стране выиграла от благочестия фараонов Нового царства. Давайте попытаемся получить некоторое представление о величественных руинах столицы, история архитектуры которой охватывает более двух тысячелетий.

Сами Фивы располагаются на правом берегу Нила в широкой плодородной долине, которую с востока ограничивают стройные песочные пирамиды Аравийской пустыни. Несколько небольших деревень в процессе естественного развития постепенно объединились в могущественный город Фивы — великолепную резиденцию фарао-

нов, чья слава проникла в далекую Ионию. Поэт воспел ее так:

*Град, где богатства без сметы в обителях граждан хранятся,
Град, в котором сто врат, а из оных из каждых по двести
Ратных мужей в колесницах, на быстрых конях выезжают.[2]*

Сначала мы посетим южную часть, которую сегодня занимает современный город Луксор и которую в древности именовали «Южная Опет». Здесь находится величественный храм, возведенный Аменхотепом III, возможно на месте более раннего святилища, и посвященный главному богу Фив Амону, его супруге Мут и их сыну, богу луны Хонсу (см. вклейку фото 35 и 36). Как и большинство египетских храмов, устроенных таким образом, чтобы имитировать жилище, он включает большой открытый двор, окруженный галереей, гипостильный зал, часовни, где стояли статуи божеств, и несколько небольших залов и дополнительных помещений. Колонны, поддерживающие архитравы галереи и крышу большого зала, имитируют связки стеблей папируса с закрытыми зонтиками. Это была любимая форма колонн египетских архитекторов. Стены залов покрывают крупные рельефы, изображающие царя, богов и различные религиозные церемонии, которые происходили в храме. В небольшой часовне представлены сцены божественного зачатия, рождения и вскармливания фараона, а в другом помещении серия рельефов показывает восшествие царя на престол.

Проход от пилона к внутреннему святилищу представляет собой огромный зал, крышу которого, хотя она так никогда и не была достроена, должны были поддерживать четырнадцать гигантских колонн (см. вклейку фото 36) в виде папирусов с открытыми зонтиками. Обычно царь в составе церемониальной процессии приближался ко двору по этому проходу, а затем входил в залы и комнаты «дома бога», которые были доступны только ему и жрецам.

Мощная дорога длиной немногим более 1,6 километра некогда связывала Луксорский храм с большим имперским храмом Амона в Карнаке. По обеим сторонам этой грандиозной дороги через короткие промежутки располагались огромные каменные бараны — священные животные бога Амона. Они находились на массивных каменных постаментах. Между передними лапами у каждого, прислонившись к груди барана, стояла статуя строителя этой дороги — Аменхотепа III. На значительном расстоянии от главного храма Карнака боковая дорога, также обрамленная статуями баранов, сворачивает направо. Если мы пройдем по ней около 200 метров, то достигнем входа на огромную храмовую территорию, обнесенную массивной стеной из кирпича-сырца. В центре ее находятся развалины храма, который Аменхотеп III посвятил богине Мут, Владычице озера Ишеру. Он состоял из двух открытых дворов, расположенных на одной оси, за которыми располагались внутренние залы и комнаты святилища. Самым примечательным аспектом этого сооружения являются многочисленные статуи богини войны Сехмет (см. вклейку фото 28), в те времена отождествлявшейся с Мут, которые некогда окружали дворы длинными рядами, иногда даже двойными, в невероятном количестве (ок. 600). Богиню представляли как женщину с головой львицы — ее священного животного, — держащей в одной руке в качестве скипетра стебель папируса с раскрытым зонтиком, а в другой египетский символ «жизни», который, как считалось, она всегда была готова протянуть царю. К этому храму Мут, как и в других храмах Древнего Египта, примыкало искусственное озеро. Хотя обычно храмовое озеро имело прямоугольную форму (см. вклейку фото 37), это

представляло собой нечто вроде полумесяца и располагалось таким образом, что частично окружало святилище богини. Какое отношение к культуре имели это и другие храмовые озера, точно неизвестно.

На «территории Мут» находятся сильно разрушенный храм Аменхотепа III и еще один, построенный Рамсесом III на западном берегу священного озера. Идя на север и миновав ограду через птолемеевские ворота, мы ступаем на еще одну длинную дорожку, обрамленную каменными овнами. Справа находится разрушенный храм Камутефа, а напротив, слева, остатки небольшой часовни для остановки священной ладьи бога, построенной совместно Хатшепсут и Тутмосом III. В отдалении заметны остатки массивной стены из кирпича-сырца, окружающей территорию храма Амона, куда мы теперь заходим через высокий каменный портал. Это пилон X — карнакские пилоны пронумерованы с запада на восток по главной оси храма и с севера на юг по поперечной оси, — возведенный Хоремхебом, возможно, на месте кирпичного пилона, построенного ранее Аменхотепом II или Аменхотепом III, поскольку вход до сих пор обрамляют основания их колоссальных статуй. Здесь во время любого посещения Карнака становится очевидным, что сооружения разных периодов появляются очень близко друг к другу, так что, как выглядел этот огромный комплекс в определенную эпоху, представить себе нелегко. Грандиозный храмовый пилон — одно из наиболее поразительных творений египетского архитектора. Он представляет собой две гигантские башни, возведенные из больших каменных блоков на прямоугольном основании, стены которых наклонены внутрь таким образом, что, когда смотришь спереди, создается впечатление усеченной пирамиды с очень крутым наклоном граней. Стены со всех сторон обрамляет полукруглый фриз, а верх венчает карниз с выкружкой. Вся поверхность стен предназначалась для рельефов и иероглифических надписей (см. вклейку фото 90). Сам проход представлял собой величественное сооружение между двумя башнями пилона. Его также украшал сверху карниз с выкружкой, на котором обычно вырезали рельефное изображение крылатого солнца — образ солнечного бога Эдфу. Лестницы внутри башен вели в маленькие помещения внутри пилонов, освещенные через узкие отверстия в кладке, и далее на крышу.

Миновав пилон X, мы оказываемся в большом дворе, окруженном с востока и запада каменной стеной, возможно построенной Хоремхебом и Рамсесом II, а с севера — пилоном IX. Восточную стену прерывает небольшой храм, возведенный Аменхотепом II в честь годовщины его коронации. Он был практически разрушен при Эхнатоне. Тот храм, который мы видим сейчас, был восстановлен при Девятнадцатой династии, во времена Сети I. Пилон IX, вероятно, был закончен при Хоремхебе, хотя большинство его рельефов датируется временем правления Рамсеса II и последующих царей. Его проход приводит к расположенному севернее двору неправильной формы, который, подобно предыдущему, по бокам окружают стены, а с севера — пилон VIII. Южный фасад последнего частично загораживают шесть колоссальных статуй Аменхотепа I, Тутмоса II и Тутмоса III. Хотя строительство этого пилона обычно приписывают Хатшепсут, рельефы, покрывавшие его изначально, были полностью сбиты, чтобы дать место изображениям и надписям, которые видны на нем сегодня (включая и некоторые узурпированные). На самом деле пилон мог быть возведен Аменхотепом I или Тутмосом I.

Между пилонами VII и VIII находится почти квадратный двор, построенный Тутмосом III. Он не только возвел пилон VII, содержащий надписи о его завоеваниях на

севере и на юге, включая названия более шестисот захваченных городов, но также и алебастровый Праздничный зал между восточной стеной и священным озером Амона (см. вклейку фото 37). Этот небольшой храм, куда можно войти из двора, был возведен по случаю первого царского юбилея и расширен, когда фараон праздновал второй юбилей. Пилон VII с главным сооружением всего храмового комплекса связывает последний широкий двор, окруженный каменными стенами. Это знаменитый Двор тайника, под вымосткой которого в 1903–1905 годах было найдены более шестисот статуй и других памятников из камня и шестнадцать тысяч медных или бронзовых предметов. Они могли быть спрятаны здесь для спасения от разрушения, поскольку египетские жрецы предвидели закат своей религии.

Сооружения вдоль «поперечной оси» Карнака, которые мы только что посетили, соединяются с основным храмом на уровне пилонов III и IV. В узком дворе между ними некогда стояли четыре массивных обелиска из красного гранита, два из которых установил Тутмос I, а два других — Тутмос III. В наши дни здесь остался лишь южный обелиск Тутмоса I, и этот чудесный памятник, наряду с еще более высоким обелиском, уцелевшим из пары, установленной Хатшепсут к востоку от пилона IV (см. вклейку фото 10), сегодня являются самыми известными памятниками Карнака. Если мы повернем на восток, чтобы пройти через ворота пилона IV, возведенного Тутмосом I, то достигнем священного сооружения, известного древним как Ипетсут. Большая часть каменных стен в этой части храма была построена в первой половине Восемнадцатой династии. Позади нас к западу располагаются пилон III и большой гипостильный зал (см. гл. 16 и см. вклейку на фото 89). Пилоны I и II с их пристройками являются произведениями царей более позднего периода — от Аменхотепа III до времен Птолемеев. Хотя пилоны IV и V построены Тутмосом I, расположенный между ними двор в его настоящем виде почти целиком является творением Тутмоса III. Изначально это был крытый двор с единственным рядом деревянных колонн, поддерживающих деревянную крышу. Позднее эти колонны были заменены каменными, но в правление дочери Тутмоса I Хатшепсут северную стену и колонны убрали, чтобы она смогла установить в этом дворе два обелиска. Впоследствии вместо ряда колонн Тутмос III построил двойную колоннаду и каменную крышу. Этот царь тщательно заложил оба обелиска своей ненавистной предшественницы каменными блоками. С этого времени блестящие гранитные столбы можно было увидеть лишь, если смотреть на Карнак снаружи. Они были полностью скрыты от посетителей в том самом зале, главными памятниками которого являлись. Подобным же образом Тутмос III облицевал дополнительным слоем каменных блоков все четыре стены двора. Тридцать шесть осирических статуй Тутмоса I, расположенных близко друг от друга, нарушали целостность этого слоя.

За Пилоном V, возведенным Тутмосом I, располагается зал с колоннами, где находятся два важных прохода. Главный ведет прямо к святилищу, а другой, в южном конце, обеспечивает проход сквозь внутреннюю каменную стену Тутмоса I к маленькой, окруженной колоннами часовне, которую считают местом возведения царя на престол, когда он готовился к участию в храмовом ритуале и прочим религиозным действиям. Вероятно, эта сильно разрушенная часовня Тутмоса III стоит на месте (и на одной оси) с другими часовнями, построенными Аменхотепом I и другими его предшественниками, которые были разобраны и позднее использованы Аменхотепом III в качестве строительного материала для пилона III. Самым восточным и самым ма-

леньким из карнакских пилонов является Пилон VI. Вероятно, его возвел Тутмос I, поскольку северное и южное продолжения этого сооружения представляют собой переднюю стену храма Ипет-сут, построенного этим фараоном. Через ворота пилона можно пройти в Зал анналов, расположенный перед внутренней «святой святых» Карнака. Самой заметной чертой этого зала является пара величественных столбов из красного гранита, южный из которых украшает высокий рельеф, изображающий лилию — растительный символ Верхнего Египта, а северный соответствующий символ Нижнего Египта — папирус (см. вклейку фото 38). Святилище, где хранилась ладья со статуей Амона, окружала галерея, стены ко торой украшали изображения дани, собранной Тутмосом III с покоренных стран (см. гл. 7), и начало описания его военных подвигов, продолжающееся в зале перед святилищем. По обе стороны от «святой святых» находятся помещения, построенные и украшенные царицей Хатшепсут. Сохранившееся здесь гранитное святилище представляет творение Филиппа Арридея. Оно стоит на месте исчезнувшего сооружения Тутмоса III, имевшего такой же план. Этот фараон возвел его, разобрав изысканное святилище из кварцита и черного гранита, построенное Хатшепсут. К счастью для нас, блоки разобранной часовни царицы Аменхотеп III использовал для фундамента и внутреннего заполнения своего пилона, и поэтому три четверти этого здания дошли до нас почти в идеальном состоянии.

Позади «святой святых» находится широкий двор, где совсем нет развалин. Во времена Двенадцатой династии это место почти наверняка занимали изначальные храмовые постройки Карнака, хотя где именно располагалась изысканная часовня Сенусерта I, которая, будучи разобранной и помещенной внутрь пилона III, сохранилась целиком, установить невозможно. Ее заново собрали в «музее» Карнака (см. гл. 2).

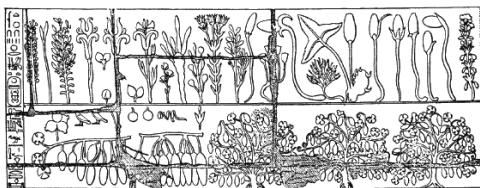

Рис. 8. «Ботанический сад» Тутмоса III. Карнак

Проход у юго-восточного угла стены Тутмоса I приводит в уникальный Праздничный храм Тутмоса III. Его огромный колонный зал был запланирован как пятинефная базилика, освещаемая сверху, — первый пример в истории архитектурной формы, которой часто подражали позднее и в Египте, и во многих других странах. Потолки в боковых залах поддерживали прямоугольные столбы, а более высокий потолок центрального нефа покоился на колоннах, представлявших по форме шесты, поддерживающие шатер. Их стволы у вершин были шире, чем у оснований, а капители имели форму колокола (см. вклейку фото 39). Среди примечательных помещений, куда можно было попасть из этой базилики, есть одно, обладающее особой притягательностью. На рельефах его стен Тутмос III изобразил растения и животных, которых собрал в Сирии и привез в Египет на двадцать пятом году своего правления (рис. 8).

К востоку от Праздничного зала за внешней стеной, окружающей территорию главного храма, находится весьма загадочный храм, который, вероятно, начала стро-

ить Хатшепсут, а закончил Тутмос III. Он обращен к востоку, и его основными чертами являются часовня со статуями сидящей царственной четы, целиком высеченная из единого гигантского блока алебастра, ряд из шести осирических или юбилейных статуй царя и пара обелисков царицы из красного гранита (ныне упавших), обрамлявших северный и южный концы сооружения. Немного дальше к востоку на оси этой часовни и главного храма стоял единственный обелиск Тутмоса III, самый большой из этих удивительных монолитов, который в настоящее время составляет гордость Пьяцца ди Сан-Джованни-ин-Латерно в Риме. За восточной опоясывающей стеной Карнака находился огромный храм царя-еретика Эхнатона, который тот построил здесь, прежде чем покинуть Фивы ради новой столицы в Амарне (см. гл. 14). В результате раскопок его развалин были обнаружены несколько колоссальных статуй этого фараона в ужасном стиле, характерном для его ранней скульптуры. Однако сам храм был разобран Хоремхебом, и десятки тысяч маленьких каменных блоков, многие из которых содержат уникальные рельефы амарнского периода, были заложены под землю в качестве фундаментов для пилона II и других сооружений этого фараона в Карнаке.

Другие крупные сооружения Восемнадцатой династии находятся дальше к северу. Одно из них — храм Птаха — представляет собой впечатляющее, искусно построенное здание, которое начал возводить Тутмос III и постоянно, вплоть до птолемеевского периода, расширяли последующие правители. Еще дальше к северу за отдельной оградой находится территория Монту, к которой с севера примыкает аллея овов. Здесь располагался обширный комплекс храмов и небольших часовен, посвященных фиванскому богу войны Монту, богиням Маат и Харпра. Хотя история храма Монту началась в ранние годы правления Восемнадцатой династии, его расцвет пришелся на царствование Аменхотепа III. Храм значительно расширили и украсили его двор парой обелисков. Он продолжал процветать тысячу лет, но затем последовало почти полное разрушение, и о былом великолепии этого комплекса нельзя было судить до начала раскопок Французского института восточной археологии.

От карнакского пилона I улица ведет вниз, к набережной, откуда можно переправиться на левый берег. Здесь, в Западных Фивах, располагался некрополь (см. вклейку фото 40) с бесчисленными, вырубленными в скалах и пустынном плато гробницами, а также множество заупокойных храмов, посвященных Амону, но задуманных их царственными строителями прежде всего в качестве часовен, где в последующие годы будут приносить жертвы им самим. В некрополе также находились жилища бальзамировщиков и стражников, дома для посетителей кладбищ, лавки, где можно было приобрести бесчисленные предметы, необходимые умершим, мастерские каменотесов, хлева и зернохранилища.

Самая древняя часть города мертвых, протянувшаяся на западном берегу Нила в пределах видимости территории храма Амона, называлась «[расположенной] напротив владыки ее [Амона]». Здесь находились возведенные из кирпича пирамиды фиванских владык и царей Одиннадцатой, а также Семнадцатой династий до Аменхотепа I. К ним примыкали гробницы знати того же раннего периода, а также простые ямы, где обрели покой представители низших слоев населения. Немного дальше к западу над долиной круто вздымаются склоны гор, которые ограничивают Ливийскую пустынь и образуют у подножия полукруглую «бухту». В этом красивом месте, где один из Ментухотепов еще в Первый переходный период построил красивый заупо-

койный храм, царица Хатшепсут, в свою очередь, возвела для себя храм, который она назвала «Великолепно великолепие Амона». Ныне он известен как Дейр-эль-Бахри, «северный монастырь» (см. вклейку фото 41). Он был посвящен Амону Фиванскому, Хатхор и шакалоголовому богу мертвых Анубису, который, подобно Хатхор, удостоился особой часовни. Храм поднимается от долины несколькими террасами, а его задние помещения высечены глубоко в скале. Пройдя по аллее сфинксов, образующей подход к храму от Нила, и миновав портал, мы ступаем на широкий прямоугольный двор. С противоположной стороны его ограничивали колоннады, на вершину которых можно было подняться только по центральной рампе. Вторая терраса, подобно первой, представляет большой двор с колоннадами в задней части. Крышу последней поддерживают прямоугольные в сечении столбы, а стена, как и стены нижней галереи, украшена рельефами. Часть их изображает отправленную в страну Пунт торговую экспедицию (см. гл. 10, см. вклейку фото 24), другие, подобно определенным сценам в Луксорском храме (см. начало настоящей главы), показывают чудесное зачатие и рождение царицы Хатшепсут. К левой галерее примыкает небольшая часовня богини Хатхор. Она состоит из двух залов, крышу которых поддерживали колонны и столбы, увенчанные головами Хатхор, а также нескольких помещений, вырубленных в скале позади них. Похожая часовня шакалоголового Анубиса, бога мертвых (см. вклейку фото 27), располагается на соответствующем месте к северу от правой галереи. Сначала идет вестибюль с двенадцатью протодорическими колоннами (имеющими по шестнадцать граней), откуда можно попасть в три вырубленных в скале помещения со сводчатыми потолками и стенами, украшенными великолепными рельефами с изображениями религиозных сцен.

Поднявшись по еще одной рампе, мы попадаем на третью террасу и проходим через гранитный портал во двор самого храма, который располагается на высоте примерно 49 метров над уровнем долины. В задней стене этого двора находится длинный ряд ниш, а проход в центре открывает доступ в «святая святых». Справа и слева от двора расположены несколько помещений, в основном посвященных культу царицы и ее родителей. Здесь также находится небольшой двор с алтарем — одним из нескольких сохранившихся в Египте, который царица посвятила солнечному богу Ра-Хорахти.

С высоты храма Дейр-эль-Бахри открывается чудесный вид: широкая плодородная долина, зеленое гладкое пространство которой простирается по обе стороны от Нила на многие километры, то пальмовая роща, то развалины древнего храма, здания Карнака и Луксора за серебристой лентой Нила, а на западном берегу некрополи с их длинным рядом заупокойных храмов, под ногами «бухта» долины, справа и слева ограниченная выступающими отрогами гор. Особое внимание привлекает возвышенность справа, ибо пронизывающие ее неровные стены бесчисленные входы в гробницы сделали ее похожей на гигантские соты (см. вклейку фото 40). Внутри этих катакомб находятся гробницы высокопоставленных сановников Восемнадцатой династии: военачальника Аменемхеба, сопровождавшего своего господина Тутмоса III в сирийских походах и однажды спасшего фараону жизнь (см. гл. 7); визиря Рехмира, возможно выдающегося чиновника своего времени; Хоремхеба, военачальника Тутмоса IV, а также множества других величайших людей той великой эпохи. Планы всех этих гробниц практически идентичны. Дорога поднимается к переднему двору, окруженному стеной из кирпича-сырца. В этом открытом месте потомки умерших прино-

сили им жертвы. За двором располагался вырубленный в склоне скалы большой зал. Его потолок поддерживали колонны или прямоугольные в сечении столбы, которые оставляли в процессе вырубания гробницы. Далее, на одной оси со входом и под прямым углом к расположенному поперек залу шел длинный коридор, заканчивающийся нишей, где стояли статуи умершего и самых любимых членов его семьи. Шахта велла вниз в маленькую камеру, где стоял саркофаг с телом покойного. Стены внутренних помещений в такой гробнице покрывали изображения, которые из-за хрупкости известняка в этой части некрополя, как правило, представляли собой не рельефы, а яркие росписи, сделанные по поверхности покрывающей стену глиняной обмазки, поверх которой был положен слой штукатурки. Эти росписи являют нашему взору пир красоты. Красивые изображения показывают умершего за выполнением обычных повседневных дел: проверяющим работу на полях своего поместья, охотящимся, наслаждающимся пиром в компании друзей и родственников (см. вклейку фото 43), приносящим дань царю, наблюдающим за своими войсками или докладывающим правителю о состоянии урожая (см. вклейку фото 44). Выбор сцен зависел от положения или должности, которые покойный занимал при жизни (см. вклейку фото 45). В широком зале часто ставили большую стелу, где высекали или писали краской длинные ряды напыщенных фраз — хвалебную автобиографию умершего. И все-таки эти надписи часто являются основным источником сведений о жизни и деятельности владельца гробницы, а также фараона, которому он служил. С другой стороны, стены коридора обычно покрывали сцены и тексты, связанные с судьбой человека после смерти, включая как погребальные обряды, так и странствия по загробному миру.

Если мы повернемся к холму Шейх-Абд-эль-Курна — как называют эту часть древнего некрополя арабы — спиной и направимся к лежащим внизу обрабатываемым землям, то южнее увидим тянущийся вдоль края пустыни впечатляющий ряд заупокойных храмов, возведенных разными фараонами Восемнадцатой, Девятнадцатой и Двадцатой династий. Первый из них — храм Тутмоса III, затем мы идем к храмам Аменхотепа II и Тутмоса IV, которые датируются Восемнадцатой династией. Здесь ряд прерывается огромным заупокойным храмом Рамсеса II (также называемым Рамессеумом), фараона Девятнадцатой династии, после которого снова появляется сооружение предшествующей эпохи — маленькая часовня, посвященная памяти принца Уаджмеса, сына Тутмоса I, который умер молодым. За исключением Рамессеума, все эти строения в результате землетрясений и еще более разрушительной деятельности человека давным-давно превратились в руины (см. вклейку фото 46). Мы также, вероятно, миновали бы, не обратив внимания, огромный храм Аменхотепа III, который располагается среди возделываемых полей дальше к югу, если бы не две огромные статуи его строителя, некогда стоявшие у входа. Они все еще свидетельствуют о его исчезнувшем великолепии (см. гл. 8 и см. вклейку фото 18).

Северного колосса в римский период считали изображением Мемнона, сына богини утренней зари Эос (Авроры) и Титона. Во время Троянской войны Мемнон убил Антилоха, доблестного сына Нестора, а сам пал от руки Ахилла. И теперь, как рассказывает легенда, умерший Мемнон в виде каменной статуи сидит в Фиванской долине и каждое утро приветствует свою мать Эос, когда та появляется на рассвете, поразительными звуками плача. Слыша стенания своего сына, богиня роняет слезы — утреннюю росу — на его образ. Многие римские путешественники нацарапали на основании огромной статуи надписи, засвидетельствовав, что тоже слышали плач Мемнона.

Музыкальную статую разрушило землетрясение, и долгое время она находилась в плачевном состоянии. Когда наконец в правление римского императора Септимия Севера ее отреставрировали, голос Мемнона умолк, и больше его никто не слышал.

Мы миновали южную границу Западных Фив и прибыли в Джеме — окрестности царской резиденции, в наши дни известные как Мединет-Абу. В этом месте царица Хатшепсут и Тутмос III построили изящный храм, который представляет собой один из лучших примеров небольших святилищ той эпохи (см. вклейку фото 47). Фундамент поддерживает платформу, на которой возвышается наос с примыкающей к нему галереей. Ее крыша покоится на прямоугольных в сечении столбах, связанных друг с другом стенками. Позади наоса находятся шесть помещений, предназначенных для культовых целей. Все они украшены рельефами, изображающими царственных дарителей в процессе общения с богами. Эти рельефы, как и многочисленные изображения Хатшепсут в других местах, были решительно переделаны, чтобы ее облик и имя можно было заменить образами и именами Тутмоса I, Тутмоса II и Тутмоса III.

Все рассуждения о скульптуре периода Тутмосидов и Аменхотепов должны подчеркнуть тот факт, что ни в рельефах, ни в круглой скульптуре со времен начала египетской истории не произошло никаких фундаментальных изменений. Произведения египетского искусства основывались на тех же самых законах, которые существовали до периода классического греческого искусства или на которых греки не оказали влияния. Они господствовали в искусстве рисунка и у всех других народов. Когда египетский художник начинал воспроизводить на плоской поверхности объекты из мира природы, такие, например, как пруд с рыбами и водоплавающими птицами, окруженный растениями (см. вклейку фото 48), он не брал в качестве модели для своего рисунка картину пруда, находящегося перед его глазами, целиком. Мастер стремился выразить лишь характерные черты, запечатлевшиеся в его памяти. Естественно, что в результате такого подхода его представление являлось видом спереди, поскольку внешний вид предмета яснее и понятнее всего именно с этой точки зрения. Поэтому плоскости предмета изображались так, как если бы художник видел их под прямым углом, а не наклонно. Так, изображалась именно поверхность пруда, тогда как цветы, прорастающие из его дна, рыбы и птицы, а также деревья и цветы на его берегах показаны сбоку. Соответственно, и деревянная подставка под сосуд, и стоящий на ней сосуд нарисованы сбоку (см. вклейку фото 49), поскольку это главный вид, воздействующий на восприятие зрителя. И наоборот, пучки овощей в неглубоком глиняном сосуде изображены над сосудом и максимально вытянуты, чтобы сделать их настолько ясно различимыми, насколько возможно (см. вклейку фото 49). Точно так же цветы, которые на самом деле находятся внутри чаши в качестве украшения, изображены над ней со свернутыми стеблями в виде сверху, и даже прямоугольная тростниковая циновка под подставками для сосудов показана в виде сверху, хотя ее вертикальный размер, по египетскому обыкновению, заметно меньше. Однако виноградные грозди, лежащие на циновках, опять-таки показаны в профиль, чтобы подчеркнуть их самый характерный вид. Чтобы художник смог без особых проблем передать на двухмерной плоскости ощущение наполненных сосудов, украшенных букетами цветов и поставленных на подставки с четырьмя ножками, с лежащими между ними гроздьями винограда, некоторые из предметов, собранных в этой композиции, показаны сверху, а другие в профиль. Однако задача мастера заметно усложнялась, когда он начинал рисовать человека — например, мужчину, стоящего в расслабленной позе.

Здесь нельзя было избежать чередования фронтального и бокового вида в одном и том же рисунке, чтобы получившееся изображение со всей возможной определенностью передало основные части тела (см. вклейку фото 50). Соответственно, художник показывал голову в профиль, а глаз и бровь изображал так, как тот выглядел спереди. Плечи, подобно глазу, также рисовали в фас, тогда как остальную часть туловища, включая грудь и живот, в профиль. Однако пупок, который не был бы достаточно четко различим в профиль, немного смещали, чтобы избежать его совпадения с контуром тела. Юбка с ее особым положением складок изображалась в фас, с завязками, немного смещенными, как и пупок, чтобы воспроизвести их характерную форму со всевозможной определенностью. Наконец, руки, ноги и ступни нарисованы в профиль, при этом внутренние детали обеих ступней изображены внутри контура, так что показаны лишь большие пальцы (см. также вклейку фото 43 и фото 49).

Художественные произведения начала Восемнадцатой династии оставались очень близкими к образам предшествующей эпохи, особенно к произведениям Среднего царства, и, соответственно, отражали определенную сдержанность. Однако с конца правления Тутмоса III они становятся все свободнее и все больше стремятся избавиться от оков традиции, особенно в том, что касалось отношения к пространству и положению тела. Знатного человека, разумеется, все еще изображали в той же величавой позе, которая ранее превратилась в установленный образец (см. вклейку фото 51). Однако когда представлялся случай изобразить людей низших классов, например слуг и работников или певцов и танцоров, допускалась свобода композиции, которую никогда бы не потерпели в предыдущий период (см. вклейку фото 42 и 43). С начала эпохи пирамид (Третья династия) человеческую фигуру в редких случаях рисовали целиком в профиль. При Восемнадцатой династии встречаются вид спереди и даже в три четверти, хотя и крайне редко (см. вклейку фото 43). Соответственно, в четкости линий и смелости, с которой художник дерзал воспроизводить самые разные объекты природы, двухмерное искусство периода Восемнадцатой династии добилось высочайшего успеха и оставило далеко позади даже лучшие творения мастеров прошлого. Бесспорно, самые выдающиеся примеры этого искусства можно найти в упомянутых выше скальных гробницах Шейх-Абд-эль-Курна в Западных Фивах. На их стенах изображены такие изысканные рельефы, как этот, из гробницы вельможи Рамосе, датируемый концом правления Аменхотепа III и показывающий двух родственников покойного за семейной трапезой (см. вклейку фото 51), а также огромное количество росписей, нарисованных на белой штукатурке в гробницах с известняковыми стенами, слишком хрупкими или неровными для высекания рельефов.

Изучая эти рельефы и росписи, вскоре понимаешь, как быстро в результате расширения новой империи возрастало число сюжетов. Например, теперь много места отводилось изображению приносящих дань представителей африканских и азиатских народов, таких как сирийские князья в их характерных нарядах, которые целовали землю перед фараоном, воздевали руки в мольбе или дарили свои тщательно сделанные сосуды (см. вклейку фото 11), а также рабов, занятых возведением общественных зданий, и многочисленных столичных домов и садов (см. вклейку фото 52). Любимым сюжетом росписей являлся пир с танцами и музыкой в доме вельможи, который часто изображали со всевозможными подробностями. Безграничного очарования полны две танцующие девушки, развлекающие знатных дам, одна из которых играет на чем-то вроде флейты, а две другие хлопают в ладоши в такт музыке (см. вклейку фото 43);

квартет из четырех женщин, играющих на арфе, лютне, флейте и лире, и маленькая танцующая девочка (см. вклейку фото 53), которые представляют собой несколько более формальную композицию? и, прежде всего, чудесное трио, изображенное в гробнице Нахта (см. вклейку фото 49). Это чудесное изображение обнаженной лютнистки, танцующей во время игры, и грациозных флейтистки и арфистки, играющих вместе с ней, сохранило все первоначальные цвета. Без сомнения, оно представляет собой один из шедевров египетской живописи.

В прежние композиции вводилось множество новых сцен, так что даже они производят иное впечатление. Такие варианты старых тем получают интересное отражение в новых росписях, представляющих мастерскую резчиков по дереву и ювелиров (рис. 9), сюжеты сбора винограда и производства вина, ловли гусей в зарослях папируса сетью и ощипывания пойманных птиц (см. вклейку фото 54), плавания на лодке и рыбной ловли в топях (см. вклейку фото 42) и сельскохозяйственных работ (см. вклейку фото 44 и 45). В предшествующие эпохи царя изображали только в храмах. Рельефы показывают его общающимся с богами, участвующим в религиозных празднествах или в традиционных сценах, которые так часто встречаются в Карнаке, где он показан побивающим врагов булавой. Теперь фараон стал появляться в настенных росписях и рельефах в частных гробницах, где его изображают выполняющим такие обязанности правителя, как получение подарков от завоеванных народов или докладов от своих чиновников. Довольно странно, что в сохранившихся храмах той милитаристской эпохи отсутствуют сцены сражений. Насколько нам известно, такой великий воитель, как Тутмос III, никогда не изображался на поле боя. Самая древняя известная нам сцена сражения появляется на боевой колеснице Тутмоса IV (рис. 1 на с. 38), где царь появляется в своей колеснице вместе с сокологоловым богом Монту. Он направляет ее прямо на азиатов, а враги падают под копыта его коней и колеса колесницы или спасаются бегством.

Рис. 9. Резчики по дереву и ювелиры. Фивы, гробница Небамона и Ипуки

При Восемнадцатой династии наряду с более свободной композицией сохранялась и характерная черта древнейшего искусства: страсть египетского художника к симметрии, то есть желание изобразить обе половины сцены в полном равновесии. Одна сцена такого типа изображает весьма формальную охоту и рыбную ловлю в папирусных топях (см. вклейку фото 42, в отличие от фото 85). Прекрасно сбалансированная композиция строится вокруг центральных зарослей папируса, растущего в топком месте. По обе стороны с соблюдением принципа симметрии практически до последней детали показан египетский вельможа, стоящий в маленькой папирусной лодке. Справа, где он бьет острой рыбу в воде рядом с собой, его сопровождают жена и двое де-

тей. Слева, на сей раз в сопровождении жены и троих детей, он вновь стоит в лодке, повернувшись лицом к зарослям папируса и искусно бросая бумеранг, чтобы подбить уток и других водоплавающих птиц, взлетающих над папирусами. Можно сделать вывод, что в этой прелестной картине мы видим не две разные поездки, а два эпизода одной и той же охоты. Разумеется, в изображении много такого, что показано лишь условно. Художник не сделал попытки нарисовать разные части сцены в натуральную величину, и лодка с ее пассажирами намного больше, чем заросли папируса, в которых все происходит. Крокодил в воде держит в пасти рыбу почти такого же размера, как он сам. И хотя люди в двух лодках стоят или сидят в одинаковом взаимном положении, у каждого из них своя, особая, поза. Обнаженная девушка слева, которая наклоняется через борт лодки, чтобы сорвать цветок лотоса, представляет собой самый необычный образ, когда-либо созданный египетским художником. И наконец, словно для того, чтобы нарушить чрезмерную симметрию своего произведения, мастер заставил стоящую слева хрупкую девушку повернуть голову назад, как если бы ее внимание привлекло что-то, не имеющее отношения к данной сцене, — возможно, шестой член семьи, маленькая девочка, которую автор поместил в верхний правый угол своей композиции. Очевидно, она должна была сидеть на берегу поблизости и, возможно, разговаривала со своей сестрой, находящейся на корме лодки. Кроме того, когда художник добился равновесия картины путем поворота всех основных действующих лиц к центру, он получил определенную целостность благодаря тому, что все рыбы и птицы в воде были обращены вправо.

Скульптура Нового царства подчинялась тому же закону, который господствовал в произведениях раннего периода, — «закону фаса». Подобно двухмерному искусству, при изображении людей и животных она стремилась перенести в живое выражение существенные черты тела. Это достигалось путем изображения человеческой фигуры в спокойном вертикальном положении, рассматриваемом строго спереди, так чтобы всем ее частям уделялось особое внимание. Словно солдат, стоящий по стойке «смирно» в присутствии командира, статуя прямо встречает взгляд зрителя (см. вклейку фото 8, 9, 12, 13, 55–57, 75, 76, 86, 88). Повороты и полуобороты, использованные художником для оживления своего объекта позднее, не существовали.

В отличие от прошлого художники новой эпохи придали человеческому телу множество новых положений. Однако самыми распространенными являлись изображения стоящей фигуры с выдвинутой вперед левой ногой и человека, сидящего на кресле. Иногда еще встречается писец, сидящий со скрещенными ногами на земле. Новым типом является изображение мужчины, стоящего на коленях в молитвенной позе и иногда держащего перед собой изображение бога или табличку с надписью, содержащую текст молитвы. Чаше, чем раньше, встречаются скульптурные группы, представляющие умершего сидящим рядом с женой и другими членами его семьи, царственную чету или пару богов (см. вклейку фото 14). Художник не делал ни малейшей попытки поместить фигуры в группе в какие-то особые отношения друг с другом и создать в результате действительно художественную композицию. Наоборот, взрослые чопорно сидят, касаясь или обнимая друг друга, тогда как дети изображены не менее напряженно стоящими рядом со своими родителями.

С первых лет правления Восемнадцатой династии круглая скульптура больше не соответствует высоким стандартам подобных произведений, достигнутым в Среднем царстве. В большинстве своем известные примеры лишены величия, характерного

для шедевров того периода. Они неуклюжи и невыразительны и лишены индивидуальности.

Господство гиксосов, разумеется, стало временем заката для мастерских, которые процветали при дворе царей, носивших имена Аменемхет и Сенусерт, и вместе с тем периодом смерти художественной традиции. Тем не менее по мере того, как укреплялась Восемнадцатая династия, проявился новый подъем творческого духа, и при Хатшепсут и Тутмосе III в Фивах изготавливают статуи, вполне сравнимые с произведениями предшествующей эпохи. К этой новой коллекции шедевров принадлежат такие образы, как прекрасная статуя сидящей царицы Хатшепсут (см. вклейку фото 8) и замечательный образ молодого Тутмоса III (см. вклейку фото 1) — одна из лучших скульптур всех времен. Гордое и благородное выражение лица с крупным носом и пронизательным взглядом весьма успешно выражает героический характер человека, который, без сомнения, был царем до кончиков ногтей.

Кульминация в развитии скульптуры того периода была достигнута в правление Аменхотепа III. Среди величайших творений, дошедших до наших дней, упомянем замечательный портрет мудреца Аменхотепа из храма в Карнаке (см. вклейку фото 17). Еще одним шедевром является прекрасная статуя пожилой дамы, которая ныне хранится в музее Флоренции (см. вклейку фото 55). Ее безмятежное аристократичное лицо обрамляет один из тех тяжелых париков с бесчисленными заплетенными прядями, что тогда были в моде. Высокое положение и достоинство этой женщины, возможно, даже подчеркивает в целом традиционная поза с цветком лотоса в руке. Вероятно, выдающимся достижением того периода является чудесная, сделанная из тиса голова, которую обычно отождествляют с супругой Аменхотепа III, царицей Тией (см. вклейку фото 15).

Наряду с этими серьезными, важными портретами имеется не меньше изображений людей, явно полных жизни и радости, — образов, отражающих процветание, счастье и полноту жизни, которые царили в Египте при преемниках Тутмоса III. Следует признать, что в их улыбающихся лицах можно заметить легкую грусть, как будто в счастливых днях веселья они уже ощущали приближение иных времен. Одним из самых великолепных произведений, относящихся к этой группе, является статуэтка военачальника из эбенового дерева (см. вклейку фото 56). Два других — фигурки мужчины и женщины (см. вклейку фото 57), — хотя и имеют преувеличенно радостные лица, все же обладают достаточной долей реализма.

С древнейших времен любимым занятием египетского художника являлось изображение животных. Гробничные рельефы Древнего царства, показывающие крупный рогатый скот, ослов и разные создания, населявшие бесчисленные прибрежные болотистые заросли дельты, являются достаточным доказательством того замечательного понимания каждой детали жизни животных, с которым древние художники выполняли свои произведения. Что касается изображений животных в круглой скульптуре, возможно, наибольшего внимания заслуживают произведения времен Аменхотепа III, особенно превосходные статуи оленей и львов, которыми царь украсил свой нубийский храм в Солебе, где были нарушены даже границы неизменных, по всеобщему мнению, законов изображения, появившихся в прошлом. Если бы имя скульптора, который высек того величавого и мощного гранитного льва, на котором имеется надпись, провозглашающая, что Тутанхамон сделал его для «своего отца» Аменхотепа III, было бы известно, в наши дни его бы почитали как одно из самых выдаю-

щихся имен в мировом искусстве (см. вклейку фото 23).

На самом деле достижения периода Восемнадцатой династии в области ваения больших статуй должны считаться одной из вершин, когда-либо достигнутых на этом поприще. Даже техническое мастерство, которое демонстрировали скульпторы и каменотесы при удалении с блоков, доставленных из каменоломен, лишнего камня и придания им необходимых пропорций при помощи сравнительно простых инструментов, перевозка их в Фивы и установка их на основания вызывает наше удивление и восхищение. Некоторые блоки были подобны тем, из которых высечены колоссы Аменхотепа III (см. вклейку фото 18): каждый из них изначально был высотой около 21 метра и весил свыше 700 тонн. Многие статуи имеют идеализированные лица, представляющие принятые стандарты женской красоты или мужского достоинства той эпохи. Другие, подобно гигантской группе Аменхотепа III и царицы Ти из Каирского музея (см. вклейку фото 14), показывают, с каким потрясающим результатом древний мастер мог добиться портретного сходства в большом масштабе, особенно когда скульптуру рассматривали с расстояния, задуманного ее создателем.

Было бы неправильно прекратить обсуждение египетского искусства, не сказав несколько уважительных слов о наиболее значительных направлениях прикладного искусства. Египтянин был доволен, если не только его украшения и декоративные сосуды, но и более обычные вещи повседневного использования производились в формах, подходящих для их применения и приятных для любителя красоты. Мотивы для большинства таких произведений искусства брались из мира природы, окружавшего египтян повсюду: Нил, каналы, пересекавшие страну во всех направлениях, болота с их зарослями всевозможных водных растений. В этих местах знать обычно плавала на лодках, гарпунами убивая гиппопотамов или крокодилов или кидая бумеранги в водоплавающих птиц, взлетающих из густых зарослей тростника (см. вклейку фото 42). Сюда приходили девушки, чтобы поплавать в освежающих прудах или собрать цветы для изготовления гирлянд для сосудов с вином на следующем пиру или для букетов, предназначенных для храмов богов и гробниц умерших. Второй сокровищницей сюжетов являлась дикая жизнь пустыни (см. вклейку фото 58). Третья обнаружилась в удивительном смешении странных людей, попавших в долину Нила в качестве заложников или военнопленных. Их необычный облик и поразительные костюмы давали простор искусству каждого художника и нередко предоставляли возможность для юмористического изображения (см. вклейку фото 11, 22). В качестве декоративных элементов использовались цветы, священные символы и образы, взятые из иероглифического письма. Мастера талантливо приспособливали их для любых целей, в которых предполагалось применять изготовленные из них предметы (см. рис. 9 на с. 205 и вклейку фото 79 и 81).

Особое искусство в Египте, возможно, прежде всего было связано с производством украшений и тому подобных изделий. Предметы, сохранившиеся среди вещей, положенных в гробницу Тутанхамона (см. вклейку фото 79), прекрасно демонстрируют техническое мастерство и художественный вкус ювелиров (рис. 9 на с. 205). Из великолепных произведений искусства, включавших золотые чаши и сосуды для питья, которые цари посвящали в храмы или даровали в знак милости своим подданным, и из золотых и серебряных статуй богов (см. вклейку фото 12), некогда украшавших храмы, уцелело лишь несколько предметов. К прекраснейшим произведениям юве-

лирного искусства всех времен относится группа сосудов, собранных на фото 60 на наклейке. Они датируются периодом Девятнадцатой династии, но в их совершенстве нет свидетельств упадка, который уже начался в середине XIII века до н. э. Посмотрите на великолепный серебряный кувшин для вина с золотой ручкой в виде чудесно сделанного дикого козла, на сосуд поменьше с выгравированным цветочным орнаментом, на золотой кубок в форме цветка лотоса и на золотой браслет, украшенный парой утиных голов.

Хотя египтяне не знали драгоценных камней, их художники часто добивались лучших результатов, изготавливая украшения из полудрагоценных камней. На фото 61 на наклейке показано, как выглядят два из них, вставленные в современные оправы, которые были изготовлены в стиле древних ювелиров. Первое, вырезанное из крупного сердолика, изображает Аменхотепа III и царицу Тию сидящими на тронах, а двух царевен с сестрами в руках дарящими своим родителям пальмовые ветви — символ долгого правления. Другая гемма содержит два изображения этого же фараона, сидящего в «зале юбилея» и держащего символы верховной власти; богини даруют ему знаки жизни и долгого царствования.

Золотые и серебряные изделия ювелиров едва ли по своему великолепию превосходили предметы, изготовленные мастерами, работавшими с другими металлами, особенно с медью и бронзой. Разумеется, последним, как правило, предоставлялось гораздо меньше возможностей продемонстрировать свое умение, поскольку большая часть их деятельности была посвящена изготовлению орудий труда и инструментов для других ремесленников или подготовке обычного оружия и других вещей. Однако к их художественному мастерству предъявлялись большие требования, когда им отдавали приказы об изготовлении церемониального оружия, топоров, кинжалов и утары, используемой в храмовых культах. Резервуары для омовений, кувшины, чаши и кубки для домашнего использования украшали гравировкой, которая могла соперничать с орнаментами на самых дорогих золотых и серебряных изделиях.

Производство стекла, прежде неверно приписываемое финикийским изобретателям, было известно уже в древнейший период. Большей частью верно, что фритта использовалась для покрытия керамики глазурью и изготовления египетского фаянса, которое во все времена представляло одну из основных отраслей египетского производства. Из этого материала делали бусины и подвески, а также фигурки людей, божеств и животных. Овальные плоские основания скарабеев, особенно в период Среднего царства, украшали красивейшими узорами и покрывали тонкой глазурью. При Восемнадцатой династии фаянсовое производство достигло особенно высокого уровня развития, когда египтяне использовали цветную глазурь той яркости и качества, которых так и не удалось повторить позднее. Датированные этим периодом предметы из фаянса теперь хранятся в музеях и всегда привлекают внимание посетителей удивительной красотой своих чистых глубоких цветов. Помимо бусин, амулетов и всевозможных подвесок, большое распространение получили кольца, в какой-то степени заменившие старомодных скарабеев. Плитки, цветы, растения и прочие покрытые глазурью украшения теперь широко использовались во дворцах для инкрустаций на стенах и колоннах. Часто встречаются и более крупные объекты, включая косметические сосуды вытянутой цилиндрической формы или в виде изящных пальмовидных колонн; зеленые или голубые неглубокие чаши с рисунками, сделанными черной краской, которые часто включают растущие цветы или изображения прудов со стреми-

тельными рыбами и прекрасными цветами лотоса; кубки в форме цветов лотоса — особенно красивый был украшен рельефным изображением зарослей папируса, через которые плывет тростниковая лодочка, и рядом рыб в воде под ней (см. вклейку фото 62). Насколько нам известно, в этот период впервые были сделаны крупные предметы из стекла, хотя для производства бус и прочих мелких объектов данный материал использовался гораздо раньше. Прелестные сосуды из синего и черного стекла, предназначенные для хранения притираний и масел, часто украшали путем вплавления волнистых линий белого, голубого или желтого цветов в чудесный глубокий цвет основы, получая узор, похожий на современное венецианское стекло (см. вклейку фото 63).

Естественно, что египтян эпохи Тутмосидов и Аменхотепов, владевших огромными богатствами и предметами роскоши и посвящавших свои дни удовольствиям и «празднованию счастливых дней», больше не удовлетворяла простая домашняя утварь их предков. Они требовали для своих богатых жилищ мебели, соответствующей обстановке, такой, о которой их предшественники даже не мечтали. Благодаря бесподобному мастерству ремесленников их запросы удовлетворялись в хорошо организованных мастерских страны, где приспособляли к современным нуждам традиционные формы или добавляли новые по желанию. Мастера добивались неожиданных цветовых эффектов за счет использования позолоты и цветных инкрустаций из фаянса, стекла и полудрагоценных камней. В царском дворце и доме вельможи появились дорогие вещи, настолько красивые, изящные по форме и так хорошо сделанные, что их величие восхищает даже наш избалованный современный вкус.

Египтяне активно использовали техническое мастерство и живую фантазию не только при производстве крупных и тщательно сделанных предметов мебели, но и при изготовлении более мелких и изящных предметов, включая искусство резьбы по дереву и слоновой кости или изготовление небольших ящичков, кубков, чаш, спижек для волос, гребней, туалетных ложечек и тому подобного, которые являлись необходимыми предметами для богатого дома. Среди самых прелестных можно упомянуть деревянную туалетную ложечку, чья резная ручка богато украшена сложной композицией из цветов и обнаженной лютнистки, сидящей на циновке в густых зарослях (см. вклейку фото 64 слева). Юмористический оттенок приобретает собака, убегающая с украденной рыбой, при этом изображение последней является полым и предназначается для хранения притираний (см. вклейку фото 64 справа). Очевидно, что в обеих этих сценах египетский художник с помощью своего созидательного гения просто зафиксировал сцены из жизни или природы, представлявшие собой постоянную часть его существования.

Удивительно, как мало египтяне преуспели в развитии керамики. На самом деле они изготавливали огромное количество сосудов разных форм, от простых круглых мисок до больших сосудов с ручками. Однако росписи, придающие такое очарование греческим вазам, в Египте использовались относительно редко. Хотя их широко применяли в древнейший период, затем от них почти полностью отказались на многие столетия, пока, наконец, они не возродилось в XV веке до н. э., когда мы обнаруживаем широкое распространение керамики, окрашенной в голубой, черный или красный цвет, с узорами из гирлянд, цветов, животных и даже простых линий. Более вычурные сосуды изготавливали из фаянса. К тому же, как и в доисторический и раннединастический периоды, для изготовления коробочек для притираний, сосудов для масел, духов и тому подобного широко использовался камень. Для таких целей приме-

няли даже самые твердые породы камня, однако любимым материалом был египетский кальцит («алебастр»), который всегда отбирали очень тщательно, чтобы с максимальной выгодой можно было использовать в готовом сосуде красивые прожилки цвета.

Глава 14

Аменхотеп IV (Эхнатон) и Реформация

Преемником Аменхотепа III после по меньшей мере двенадцати лет совместного правления стал его сын Аменхотеп IV, принявший официальное имя Неферхепрура (в клинописи писавшееся как «Напхурурия»), то есть «Прекрасен обликом Ра», с дополнительным эпитетом Уаенра, «Единственный для Ра». Несомненно, это был самый необычный человек из всех, когда-либо занимавших трон фараонов (см. вклейку фото 65). Он имел упорный характер, и, однажды задавшись целью, решительно шел к ней, фанатично добивался ее осуществления. Являясь религиозным фанатиком, в семейных отношениях фараон был нежным и преданным. Внешне он походил на отца, его лицо демонстрирует тот же тип острого выдающегося подбородка и выступающих скул. Его шея была длинной и тонкой, руки и икры, мало развитые даже для египтянина, представляли резкий контраст с тучными бедрами и отвислым животом. Во всей его фигуре было что-то удивительно мягкое и женственное.

Аменхотеп IV был женат на прекрасной Нефертити, чей всемирно известный бюст, обнаруженный в Амарне и ныне находящийся в Берлинском музее (см. вклейку фото 66), сохранил в нежных оттенках чудесный портрет царственной дамы. Источников о ее национальной принадлежности и происхождении не существует. Некоторые считают Нефертити одной из иноземных цариц, которых правители Западной Азии к тому времени уже в течение нескольких поколений присылали, чтобы украсить гаремы фараонов. Другие полагают, что она была египтянкой и, возможно, приходилась Аменхотепу IV единокровной сестрой, а женитьба на ней потребовалась, чтобы, в соответствии с обычаем, который, как нам известно, господствовал с самого начала Восемнадцатой династии, утвердить его право на престол.

Представляется вполне вероятным, что на воспитание Аменхотепа IV в значительной степени оказали влияние жрецы Гелиополя, с древнейших времен гордившиеся необычайной мудростью. В любом случае юноша полностью проникся идеей, к которой именно в этом месте так долго относились с уважением, о том, что солнечный бог является величайшим из богов, создателем и хранителем мира и что Ра-Хораhti («Ра-Хор горизонта») не имеет равных и заслуживает не только всеобщего, но даже единоличного поклонения своих приверженцев.

Другие боги представляют собой не что иное, как разные формы или проявления самого солнечного бога. Положение, которое фиванский бог Амон (см. вклейку фото 12) завоевал веком ранее; тот факт, что он, до недавнего момента являвшийся лишь малоизвестным божеством, был возвышен как царь богов и стал главным божеством египетской мировой империи; власть, доставшаяся его честолюбивым жрецам в результате щедрых даров фараонов, — все это вызывало у древнего жречества Гелиополя зависть, возмущение и ненависть. Каждый акр земли, который Амон получал из рук набожных почитателей, соответственно, уменьшал влияние Ра-Хораhti. Каждая часовня, построенная для Амона, являлась огромной потерей для богатства и могущества древнего солнечного бога. Даже в таких благоприятнейших условиях, как в Нубии, Ра-Хораhti считался покровителем только северной половины империи. Покро-

вителем южной части был Амон, тогда как гелиопольское жречество придерживалось идеи, что их солнечный бог является безоговорочным господином всего мира. Однако, похоже, доктрина в теологической школе Гелиополя изменилась, в соответствии с чем чистейшую форму солнечного бога следовало искать не в сокологоловом «Хоре горизонта», а в сверкающем шаре самого солнца, который называли древним именем Атон. Итак, Ра-Хорахти, Атон и Шу — третий солнечный бог, почитаемый в Гелиополе, — рассматривались как одна и та же форма солнца. Спекулятивный ум Аменхотепа IV изложил это тождество в короткой догме: «Живет Ра-Хорахти, который радуется на горизонте в имени его Шу, который есть Атон». Дальнейшие размышления о природе этого бога привели фанатичного царевича к идее приписать тому роль небесного царя. Поскольку существовал обычай заключать оба официальных имени фараона в картуши, Аменхотеп использовал это средство для написания длинного имени бога:

Ра-Хорахти живет радующимся на горизонте

в имени его Шу, который есть Атон

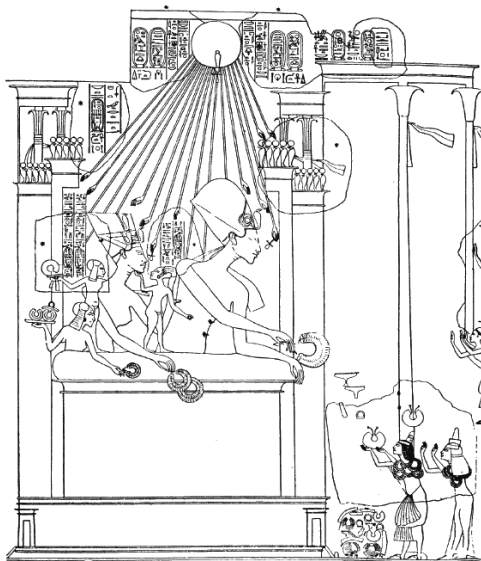
Сразу после коронации в Гермонте — «верхнеегипетском Гелиополе» — соправитель продолжил, явно отдаляясь от Амона, божества-хранителя своих предков, насаждать почтение к новому богу по всей стране и делать его объектом всеобщего поклонения. В своем царском протоколе Аменхотеп открыто провозгласил себя «первым жрецом» Ра-Хорахти и велел построить к востоку от ограды храма Амона (см. гл. 13) в Фивах новый великолепный храм. Самые ранние рельефы на стенах этого сооружения, которые он как сопровитель, вероятно, разделил со своим отцом Аменхотепом III, изображали нового бога точно так же, как и старого бога Гелиополя Ра-Хорахти, то есть в виде человека с головой сокола, увенчанной солнечным диском с окружающей его змеей-уреем. Храмы Атону были построены также в Мемфисе и других городах. Однако у нового бога пока еще не было того, чем с древнейших времен владела большая часть древних божеств, — особой, посвященной исключительно ему территории, где он являлся бы господином и жители которой поклонялись бы ему как своему божеству-покровителю. Тот владел областью в Гермополе, Птах — в Мемфисе, а Сет — в Омбосе. Поэтому царь решил, что подобно им и Атон должен получить собственный священный город. Возможно, на четвертом году его правления — то есть во время первых лет его совместного царствования с отцом, Аменхотепом III, — Аменхотеп IV огласил приказ о предоставлении Атону особого места для поклонения в широкой ровной долине, располагавшейся почти посередине между Фивами и Мемфисом и ныне известной по названию племени бедуинов как Амарна. Этот район охватывал территорию на обоих берегах Нила в «Заячьем» номе, столицей которого был Гермополь. Новая область получила название Ахетатон, то есть «Горизонт Атона», и со всеми городами и деревнями, полями и каналами, стадами и земледельцами стала личной собственностью нового бога. Царь сообщил, что Атон сам выразил желание, чтобы памятник ему был возведен именно в этом месте, которое никогда не принадлежало другому богу или богине, царевичу или царевне и которое теперь должно быть основано как «Горизонт Атона». Границы священного города отметили огромными, высеченными в скале стелами с надписями.

Свита фараона, его придворные и чиновники, следуя примеру своего господина, поддерживали новое вероучение, даже если сердцем не всегда были с ним. Несмотря на усердие, с которым Аменхотеп IV поклонялся своему богу, вначале он не нападал на культы Амона и других богов и спокойно появлялся на рельефах и в надписях на стенах храмов в качестве почитателя Амона, Тота, Сета и прочих божеств. Тем не менее религиозная деятельность юного правителя, разумеется, встречала ожесточенное сопротивление разных священнослужителей по всей стране, особенно жрецов Амона Фиванского, которые ясно сознавали ее последствия. Однако это неприятие нисколько не помешало царю установить культ своего бога по всей стране. На самом деле оно скорее служило стимулом его религиозного рвения. Фараон не просто так включил в свой официальный протокол слова, что он «живет правдою»: это были не только слова, они составляли его кредо. Искатель истины следовал своему учению до логического конца. Если все боги были лишь разными проявлениями одного и того же бога, солнечного диска, тогда они должны слиться с ним, и единственным объектом всеобщего поклонения должен стать только один бог — «живой Атон». Оставалось лишь принять окончательное решение.

На шестом году правления культ Атона стал государственной религией. С этого момента не только египтяне, но и нубийские, и азиатские подданные должны были служить только этому богу. Храмы других богов повсюду закрыли, а их собственность изъяли. Статуи прежних богов нужно было разрушить, их изображения на храмовых рельефах сколоть, а их имена уничтожить. Не только в храмах, но и доступных помещениях частных гробниц началось рьяное преследование Амона и его семьи. Особенно ненавистно было имя этого бога, его никогда не оставляли нетронутым. Любой человек, носивший имя, в которое включалось имя Амона, вынужден был сменить его, и в числе первых это сделал сам фараон. Он отказался от имени Аменхотеп («Амон доволен»), данного ему при рождении, и впредь стал называть себя Эхнатом («Тем, кто полезен Атону»). Даже имя его отца и соправителя Аменхотепа III и имя его предка Аменхотепа II постоянно скалывали с памятников и заменяли тронными именами, в которых отсутствовало ненавистное имя Амона.

Эхнатон решил сделать местом своей будущей резиденции Ахетатон. Прежняя столица Фивы, сотню лет связанная с Амоном, была неподходящим местом для того, чтобы фараон мог почитать своего нового бога с должным спокойствием и усердием. Он решил построить для правительства новое место, которое никоим образом не должно было уступать в красоте и величии прежнему. Возможно, царь лично создал план нового города, места расположения храмов и дворцов и даже планировку улиц. Для Атона были возведены по меньшей мере два храма, а для царя и его супруги великолепный дворец. Затем в горах, полукругом ограничивавших долину Амарны с востока, были устроены места погребений для высших чиновников и царских любимцев, тогда как гробницы для царской семьи были вырублены в скале в более удаленном пустынном вади и копировали планы царских гробниц в Фивах. Для ускорения строительства и, соответственно, исполнения желания фараона в как можно более короткий срок использовали все средства. Спустя всего лишь два года Эхнатон смог совершить церемониальную поездку для осмотра своей новой столицы. Он проехал по священной области Атона в своей золотой колеснице, останавливаясь у каждой огромной пограничной стелы и принося клятву в присутствии солнечного бога «никогда не расширять эти границы».

На шестом году правления Эхнатон переехал в новую столицу в Амарне и поселился в великолепном дворце, возведенном недалеко от Нила. Планировалось, что это должно стать самым большим светским сооружением, известным в Древнем мире. Подход ко дворцу с севера осуществлялся через огромную территорию, с востока ограниченную длинным рядом сложенных из кирпича-сырца мастерских и жилых зданий (которые иногда называют «гаремом»), а с запада симметричным крылом, построенным из кирпича, которое ныне находится под возделываемыми землями вдоль Нила. На юге этой обширной «парадной площади» находились парадные помещения дворца, возведенные из камня. Вход осуществлялся через павильон с высоким потолком, поддерживаемым двенадцатью колоннами, далее следовали шесть широких, но сравнительно коротких залов, расположенных двумя рядами, причем два из них украшали колоннады необычной планировки. Восточно-западную ось северного ряда залов продолжал уникальный переход, располагавшийся над главной дорогой столицы и ведущий в резиденцию фараона. В центре моста над серединой этой улицы размещалось огромное «окно явлений», или балкон для аудиенций. Здесь в особых случаях царь и царица в сопровождении двух или более из своих шести дочерей обычно показывались собравшемуся внизу народу. На глазах ликующей толпы с этого балкона фараон раздавал любимцам знаки своей благосклонности — золотые ожерелья, кольца и декоративные чаши (рис. 10 на с. 224). Резиденция фараона, располагавшаяся к востоку от этой улицы, представляла собой обширное, окруженное стеной сооружение, включавшее огромные хранилища и сады, комнаты царевен и большие покои для царя. В одном из последних была найдена прелестная роспись, показывающая двух маленьких царевен сидящими на подушках рядом с матерью и отцом — одно из самых восхитительных изображений детей всех времен (см. вклейку фото 69). Помещения были обставлены со всевозможным великолепием. Для придания колоннам, стенам и полам самых прекрасных цветов, какие только можно представить, использовались росписи и инкрустации из ярких камней, фаянса и стекловидной пасты.

С царским дворцом был тесно связан главный храм Атона. Вероятно, последний спланировали по образцу большого солнечного храма в Гелиополе. Благодаря гробничным рельефам и раскопкам нам прекрасно известен его план и убранство (см. вклейку фото 67). Поскольку дневному светилу было бы неуместно поклоняться в узких, едва освещенных залах, вместо того чтобы делать это под открытым небом, храм включал ряд связанных пилонами открытых дворов и залов, где были установлены алтари для жертв. Их окружали закрытые хранилища. В центре двора располагался главный алтарь, намного превосходивший по величине остальные, на ступенях которого фараон, обычно в сопровождении супруги, возносил молитвы Атону и посвящал богу богатые подношения, сложенные грудой на алтаре перед ним.

В южной части города, близ современной Хаваты, царь устроил для себя, Нефертити и их старшей дочери Меритатон большой сад удовольствий с искусственными прудами, клумбами, деревьями и разнообразными строениями, включая летний павильон, маленький храм Атона, домики привратников и так далее. Их внутренние помещения также украшали колонны и полы с яркими росписями, изображавшими растения, взлетающих птиц и резвящихся животных, характерных для картин египетского пейзажа.

Вдоль улиц главной части нового города, занимавшего площадь примерно 800 метров в ширину и 3,2 километра в длину, располагались виллы высших чиновников государства. Это были обширные владения, включавшие сад и жилой дом с хозяйственными постройками, хлевами и кладовыми. Все они были построены в соответствии с одним и тем же планом (см. вклейку фото 68). В одном конце располагалась содержащаяся в порядке, обсаженная деревьями садовая аллея, ведущая к пруду, за которым находилась возведенная на террасе беседка с колонным залом. Близ беседки стоял дом, отделенный от него стеной, в который с улицы можно было попасть через проход в садовой стене, расположенный перед двором дома. Главными помещениями последнего являлись широкая приемная и длинный примыкающий к ней зал, служивший столовой, потолок которого поддерживали две пальмовидные колонны. Центр дальней стены занимала богатая архитектурная конструкция в виде двойной ложной двери или ниши. Стены этой комнаты украшали ярко раскрашенные изображения царской семьи, обычно поклоняющейся солнцу. Вокруг этих двух основных помещений располагалось несколько дополнительных, включая небольшую гостиную, которой семья пользовалась во время холодного зимнего сезона, рабочую комнату хозяйки дома, спальни, ванную и туалет, а также другие комнаты, предназначение которых неизвестно. Жилой дом окружали хлева для животных, зернохранилища в форме ульев, печи, склады и жилища слуг.

В этой части города находился и дом скульптора Тутмоса, работавшего при дворе Эхнатона. Его произведения украшали храмы и дворцы города фараона. В мастерской Тутмоса были созданы шедевры египетской скульптуры, которые с момента их обнаружения вызвали восхищение всего мира и которые так живо являют нашему взору портреты основных участников великой драмы Амарны. Среди его работ был и чудесный раскрашенный бюст царицы Нефертити (см. вклейку фото 66); голова одной из маленьких царевен (см. вклейку фото 70); портреты придворных, чьи имена и должности невозможно установить, но чей веселый и открытый (см. вклейку фото 71),

угрюмый и жестокий (см. вклейку фото 72) или приветливый и добрый (см. вклейку фото 73) нрав ярко раскрывается в их чертах; а также многие другие, не менее чудесные и интересные произведения.

В северной части города находился особый квартал с узкими улочками и крошечными домиками, отделенный от остальных районов стеной, которая окружала его со всех сторон. Здесь, вдали от других жителей Ахетатона, влачила жалкое существование беднота, занятая вырубанием скальных гробниц и прочими работами, связанными с кладбищем.

Учение Атона распространило свою священную власть на всю амарнскую жизнь, и его главным проповедником стал сам царь. Какова же была природа этой новой государственной религии, «учения», в которое фараон погрузился с таким энтузиазмом и которое он сам проповедовал своим верным последователям, поскольку стремился любыми возможными способами распространить его по всей стране? Лучший ответ на этот вопрос можно найти в большом хвалебном гимне из гробницы Эйе (см. гл. 15), вполне вероятно составленном самим царем. В нем к Атону обращаются как к единственному богу, создателю всего живого, творцу и защитнику мира.

*Ты появляешься прекрасно на горизонте неба
О живой Атон, ты, кто был первым живущим.
Как только ты поднялся на восточном горизонте,
ты наполнил каждую страну красотой своей.
Ты прекрасен, велик, сверкающ и высок над каждой землей;
Твои лучи обнимают страны до дальних пределов всего, что
ты создал...
Когда на рассвете ты поднимаешься на горизонте и сияешь
днем как шар,
Ты рассеиваешь тьму и изливаешь лучи свои:
Обе Земли в радости, люди просыпаются и встают на ноги
свои, ибо ты поднял их.
Они омывают члены свои и надевают одежды свои;
Руки их подняты в восхвалении, когда ты восходишь.
Вся земля выполняет работы свои:
Все животные отдыхают тогда на лугах;
Деревья и растения растут и зеленеют;
Птицы вспархивают из гнезд своих, и крылья их славят тебя;
Каждое дикое создание вспрыгивает на ноги,
Птицы все взмывают или садятся,
Они снова живут, когда ты восходишь для них.
Корабли плывут вниз по Нилу и снова вверх,
И каждый путь открыт, когда ты появляешься.
Рыбы в реке выпрыгивают перед ликом твоим,
Ибо лучи твои проникают внутрь моря.
Ты, кто создает детей в женщине и творит семя в мужчине,
Кто оживляет сына в теле матери его
И утешает его тем, что прекращает его слезы...
Когда в день его рождения он выходит из утробы матери своей,*

Тогда открываешь ты уста его совсем и делаешь все для нужд его.

Птенец в яйце, что пищит в скорлупе,

Ты даешь дыхание ему внутри нее, чтобы сохранить его;

Ты приготовил для него время его, чтобы он пробил себе путь из яйца,

И он выходит из яйца, чтобы питать во время свое,

И он идет на ногах своих после того, как он вышел из него.

Сколь многочисленно то, что ты сделал!..

Ты сотворил землю согласно лишь желанию своему:

Людей, скот и всех других животных, всех на земле, кто ходит на ногах,

И всех, кто поднимается на крыльях своих в полет;

Чужеземные страны, Сирию и Куш, и землю Египта.

Ты помещаешь каждого человека на место его собственное, и ты заботишься о нуждах его;

Каждый имеет свое пропитание, и время его посчитано.

Языки и уши [людей] разъединены речью,

Их нрав и их облик также разделены —

Так ты разделил народы.

Ты создал Нил в преисподней

И вывел его наружу согласно желанию своему,

Чтобы сохранить египтян в тот момент, когда ты создал их для себя, их общего владыки...

Что же до всякой далекой страны, снабдил ты [также] их живущих:

Ты поместил Нил на небо, чтобы спускался [он] на них,

Он делает наводнение в горах, словно волны на море,

Он орошает их поля и приносит то, что им нужно...

Ты создаешь далекое небо, чтобы мог ты восходить в нем

И взирать на все, что сотворил ты один,

Когда восходишь ты в облике твоём живого Атона,

Светящего и сияющего, далекого, но такого близкого,

Ты делаешь миллионы форм из себя самого:

Города, деревни, поля, дорогу и реку;

Каждый видит тебя перед собой, ибо ты — дневное светило над землей.

Таковы были основные догматы новой веры, провозглашавшей Атона создателем, управителем и владыкой не только Египта, но и всего мира. Он был царем вселенной. По этой причине имя бога, так же как имена фараона, заключали в пару картушей с добавлением целого ряда эпитетов, как, например, «живой Атон, владыка всего, что обходит солнце, тот, кто освещает Египет, господин солнечных лучей». Также вполне очевидно, что была предпринята попытка исключить из «учения» все политеистические идеи и придумать чистый, даже немного материалистический монотеизм. Однако то, что было отброшено, с одной стороны, было заменено с другой, ибо царь поднял себя самого на место божества и провозгласил доктрину о своем действительном тождестве с Атоном. Более того, даже после того, как новое вероучение стало официальной религией государства, оно претерпевало определенные изменения. Самым

значительным из них стало изменение в имени Атона, которое, вероятно, было сделано, чтобы исключить из его имени имена прежних богов Гора и Шу. В результате имя Атона в двух его картушах стало таким:

Живет Ра, правитель горизонта, радующийся на горизонте
в его имени отца Ра, который вернулся как Атон

Новое «учение» также порвало с прежними традициями во внешних проявлениях почитания. Хотя в первые годы правления Эхнатона бога на памятниках изображали на манер древнего Ра-Хораhti, то есть в облике человека с головой сокола, но новая государственная религия не разрешала изображать божество в виде человека и запрещала любые образы Атона. Поклонение должно было быть обращено только к видимому светящемуся солнечному шару. Последний изображался на рельефах как диск, от окружности которого тянулся ряд длинных расходящихся лучей, заканчивающихся человеческими руками. Последние зачастую протягивали к ногам фараона и членов его семьи иероглифический знак «жизни» (рис. 10 на с. 224). Подношения богу пищи и напитков, а также сжигание благовоний совершались под открытым небом, как ранее делалось для Ра-Хораhti.

Нам неизвестно, насколько в новой религии изменились прежние представления о загробном мире. Однако понятно, что древний бог мертвых Осирис, «Первый среди западных», был запрещен, и его место занял «живущий Атон», который в часы ночи освещал своими лучами блаженных умерших. Заупокойные обряды в целом, похоже, остались без изменений. Тело, как и в старину, продолжали бальзамировать, а мумию погребали в гробнице; как и раньше, внутренности хоронили в четырех сосудах; на мумию над сердцем клали камень в форме жука-скарабея; у гробниц возводили небольшие пирамиды; вместе с умершим продолжали класть маленькие магические фигурки, чтобы они сопровождали его и выполняли в загробном мире за него всю необходимую работу в поле: орошали почву, разбивали комья земли, сеяли зерно и собирали урожай. Большинство прежних магических изречений уступило место молитвам, обращенным к Атону. Крышки четырех каноп больше не изображали древних божеств, которые, как некогда считалось, защищали их содержимое. Теперь вместо них они представляли портреты покойного (см. вклейку фото 32). Планы гробниц знати, высеченных в скалах к востоку от нового города, не отличались от прежних, с которыми мы познакомились в месте Шейх-Абд-эль-Курна в фиванском некрополе.

Однако если планировка осталась такой же, как в прежних гробницах, то как отличались изображения, украшавшие стены этих гробниц в Амарне! Здесь мы больше не находим длинных рядов сцен, увековечивающих частную жизнь умершего, когда он выполняет свои должностные обязанности, отправляется на охоту или сидит с друзьями и родственниками на пиру. Исчезли картины, показывающие похоронную процессию и подношения, принесенные родственниками и слугами покойного для его пропитания и удовольствия в загробном мире. В этих гробницах вместо таких сцен все рельефы посвящены поклонению новому богу и прославлению царя и его семьи. Иногда в виде исключения хозяина гробницы изображают поклоняющимся Атону или же при дворе фараона. Возможно, царская чета с маленькими царевнами и свитой покидает дворец на колесницах, телохранители фараона бегут впереди по дороге к храму

Атона, перед дверями которого жрецы и служители в смиренных позах ждут прибытия правителей. Или же фараон со своей семьей стоит у «окна явлений» дворца, окруженного толстыми подушками, и в присутствии всего двора наделяет множеством разных украшений и других подарков хозяина гробницы (рис. 10 на с. 224). Примыкающая сцена может показывать, как счастливый любимец, увешанный подарками, которые только что были ему вручены, покидает дворец и принимает поздравления и добрые пожелания от друзей и родственников. Нам даже позволено заглянуть во внутренние покои царского дворца: сидящие в комнате со стройными папирусовидными колоннами Эхнатон и Нефертити ласкают своих дочерей и играют с ними; фараон держит на руках и целует старшую царевну, вторая сидит на коленях матери и болтает, а третья на руках у царицы играет с короной (см. вклейку фото 74). На протяжении всей египетской истории покров, так надежно и почтительно скрывавший частную жизнь фараона, никогда не поднимался так, как в амарнских гробничных рельефах. В них мы встречаем «сына Ра» уже не как бога, а как человека среди людей. Если мы сочтем, что это бросает вызов всем предшествующим обычаям и традициям, то не ошибемся, если будем искать объяснение в догматах нового культа, в «жизни правдою».

Во всех этих изображениях нас очаровывает нечто иное и довольно необычное: новая манера художественного выражения, которую ввел и поддерживал сам фараон. Вполне можно допустить, что Эхнатон обладал тонкой восприимчивостью к искусству и вскоре после восшествия на престол приблизил к себе и привлек ко двору некоторых очень близких ему по духу художников из числа молодых или менее ценимых мастеров той эпохи. Таким образом, авторитет и возможность для роста и самовыражения расширились до художественного движения, до сих пор вынужденного вести скрытое существование в тени принятых художественных принципов. Подобно тому, как новая религия на самом деле демонстрировала мало фундаментально нового и возникла на долго возделываемой почве, так и искусство амарнских рельефов было напрямую связано со свежими и живыми композициями в фиванских гробницах, характерными для периода, предшествующего времени правления Эхнатона. Им управляли те же основополагающие принципы, и подобно им оно также не освободилось от оков более древних законов, действующих в круглой скульптуре. Тем не менее амарнское искусство пронизывал новый дух, стремление к реализму, истине и индивидуальности. Границы, ранее стеснявшие свободу художественного выражения в изображении животного мира и людей низших слоев, теперь совсем исчезли. С новой религией Амарны на сцене появилось и новое искусство. Вельмож, царских детей, царицу и самого фараона теперь можно было изобразить, полностью освободившись от любых традиций, именно такими, какими художник видел их в жизни. Царя больше не показывали идеализированным нереальным полубогом, как на рельефах периода, предшествовавшего переезду в Амарну. Теперь он появляется перед нами в серии портретных статуй, обнажающих его болезненность, изможденное некрасивое тело, толстые дряблые бедра, длинную шею и гротескные уродливые черты лица. Однако недостаточно было изобразить в такой непривлекательной манере только фараона. Как и следовало ожидать, его фигура стала идеалом для египтян. Поэтому не только царицу, которая могла быть близкой кровной родственницей Эхнатона, и царевен, возможно унаследовавших некоторые черты своего отца, но и других египтян изображали почти так же, как фараона. Соответственно, заметные выдающиеся телесные особенности, которыми наградила его природа, стали преувеличивать еще больше,

пока они не превратились в настоящую карикатуру. Следовательно, новому свежему искусству с его вдохновенным откликом на природу, который оно обрело в Амарне, было далеко не полезно при дворе, чьей выдающейся чертой являлась склонность к необычному. Таким образом, молодое амарнское искусство несло в себе зародыш собственного разрушения. Однако следует особо подчеркнуть, что образцы круглой скульптуры, особенно происходящие из мастерской скульптора Тутмеса, относятся к лучшим произведениям, когда-либо созданным в египетском искусстве, а рельефы часто лишены всякой склонности к преувеличению. Многие изображения на стенах и полах амарнских домов, дворцов, гробниц и памятных стел очень близки к вершинам египетского рельефа и живописи.

Не похоже, чтобы введение новой религии встретило особо сильное сопротивление. По крайней мере, не сохранилось надписей о восстаниях против власти царя. Большинство высших чиновников повиновались приказам фараона; несогласных освобождали от должностей или избавляли от них каким-либо иным способом. С другой стороны, народ, вероятно, обращал на новый культ мало внимания и в основном поклонялся знакомым богам своих предков.

Однако, хотя государственная машина спокойно продолжала работать в Египте, последствия религиозной реформации были довольно ощутимы в Сирии. Несмотря на то что дань от вассальных правителей могла и дальше поступать в египетские сундуки так же регулярно, очевидно, что, когда год за годом фараон не являлся во главе своей армии, дабы подавить малейшие признаки восстания крепкой рукой, лояльность местных князей ослабевала. Усобицы между отдельными городами продолжались, и более слабые попадали под влияние тех, что сильнее, хотя и продолжали выказывать лояльность Египту. В конце концов они неизбежно задавали себе вопрос о том, какую пользу они извлекают из своей зависимости от империи на Ниле, если, когда им грозили враги, их оставили без внимания или помощи, так что они в итоге были вынуждены сдаться вероломным соседям.

Среди самых могущественных правителей Северной Сирии были Абдаширта и Азиру, князя Амурру, которые при Аменхотепе III и Эхнатоне попытались расширить свои владения и сокрушить соседние государства, особенно богатые города финикийского побережья, Симиру, Библ, Бейрут и другие. Они нашли мощнейшую поддержку для этой цели с двух сторон. С севера и из Малой Азии против египетской империи начали выступать могущественные хетты. На самом деле многие египетские города уже оказались в их руках. В союзе с ними в районы, находящиеся под египетской защитой, вторгались и грабили деревни воинственные хабиру — народ, чье название позднее будет применено к ветхозаветным евреям. Египетские военные представители были довольно беспомощны против этих могущественных врагов, которых вполне могли использовать в своих интригах цари Хатти, Митанни и Ассирии. На самом деле последние могли иметь с ними общие дела, чтобы устранить правителей, все еще лояльных Египту.

Не лучше сложилась ситуация и дальше к югу, в Палестине. В этом районе также не было недостатка в князьях, жаждавших воспользоваться слабостью Египта, чтобы обрести независимость и расширить свои личные владения. Они нашли в хабиру и кочевниках-сути готовых союзников. Верные вассалы, и среди прочих правитель Иерусалима, напрасно обращались к египетскому двору и просили фараона «заботиться о его стране... Все земли царя отделились... Хабиру грабят все земли царя. Если вой-

ско не придет в этом же году, тогда все земли царя будут потеряны». Тем не менее требуемые подкрепления так и не были посланы, хабиру беспрепятственно опустошали все владения царя, и действительно существовала угроза, что «вся область фараона будет потеряна».

При всем своем безразличии к делам государства Эхнатон не мог избежать того, чтобы его непрерывным потоком беспокоили подобные тревожные сообщения, при-сылаемые в административные правительственные учреждения Амарны. Нам неизвестно, принимал ли он какие-либо действенные меры в соответствии с обстановкой. Однако мы знаем, что примерно на шестнадцатом году правления Эхнатона в новой столице возникла серьезная проблема. Царица Нефертити впала в немилость и удалилась в северную часть города, где построила для себя новый дворец. Предметы, найденные среди его развалин, указывают на то, что она могла делить свою новую резиденцию с маленьким Тутанхатом, которому в то время едва ли исполнилось больше пяти или шести лет и который позднее женился на ее третьей дочери Анхесенпаатон. После изгнания Нефертити из дворца ее место в привязанности Эхнатона заняла его старшая дочь Меритатон. Царь назначил ее супруга Сменхкара своим соправителем. После недолгого проживания во дворце своего тестя Сменхкара пропадает из виду, однако на третьем году своего правления он упоминается в Фивах как владыка храма Амона — факт, полностью противоречащий одновременному изменению его личного имени, в которое включили имя Атона, прежде там отсутствовавшее. Если, как предполагают, Сменхкара переехал в Фивы, чтобы попытаться примириться с приверженцами Амона, то его миссия, вероятно, не только провалилась, но и вполне могла стоить ему и Меритатон жизни. Тем временем события в Амарне приняли странный оборот. В последней отчаянной попытке получить наследника мужского пола для своего шатающегося трона Эхнатон, возможно, взял в жены собственную двенадцати— или тринадцатилетнюю дочь Анхесенпаатон. Хотя он, должно быть, испытал в результате горькое разочарование, поскольку она родила ему еще одну дочь; имя, которым он назвал этого ребенка — Анхесенпаатон Младшая — доказывает его неизменную преданность богу Амарны.

Глава 15

Тутанхамон и конец восемнадцатой династии

Эхнатон занимал трон самое большое двадцать один год, из которых почти три четверти времени правил совместно со своим отцом (в начале) и со своим зятем Сменхкара (в конце). Принимая во внимание политические условия за пределами Египта, религиозную борьбу со жречеством разных богов внутри страны и семейный разлад в столице, последние годы его жизни, должно быть, были печальны и горьки. Собранные доказательства свидетельствуют, что он, вероятно, страдал редким обезображивающим заболеванием, которое прогрессировало и могло повлиять как на его тело, так и на разум. Эхнатон мог скончаться от этого недуга, когда ему не было еще и пятидесяти. Сильно разрушенный погребальный инвентарь свидетельствует, что фараона едва ли похоронили в приготовленной для него семейной гробнице в долине к востоку от Ахетатона, где была погребена его вторая дочь Мекетатон.

Разумеется, Эхнатон ожидал, что его преемником станет молодой зять Сменхкара, чье право на титул фараона было усилено женитьбой на Меритатон. Однако появление на троне сразу после его смерти Тутанхатона с Анхесенпаатон в качестве супруги кажется достаточным доказательством, что Сменхкара и Меритатон погибли еще до того, как слабеющий царь умер. Возможно, одним из последних дел Эхнатона стало назначение нового преемника, и его право на престол также должно было зависеть от правильного брака с представительницей династии. Поэтому Эхнатон передал Тутанхатону самую старшую царевну в семье — свою третью дочь и одновременно жену, Анхесенпаатон. Некоторые считают Тутанхатона младшим братом Сменхкара. После смерти последний был похоронен в лишенной украшений гробнице в Долине царей в переделанном для него саркофаге, изначально предназначавшемся, вероятно, для одной из дочерей Эхнатона, вместе с множеством предметов с именем матери Эхнатона, царицы Ти. Однако, несмотря на его довольно небрежное погребение, во время своего короткого правления в Фивах Сменхкара начал обеспечивать себя роскошным погребальным инвентарем. Его неожиданная смерть, наступившая раньше, чем это дело было закончено, оставила несколько важных предметов в руках его преемника. Вместо того чтобы почтительно, как полагается, использовать их по назначению, приверженцы Тутанхатона завладели ими и держали про запас до того времени, когда они могли бы пригодиться для погребения нового фараона или захоронения какой-то другой царственной особы.

Итак, на трон взошел ребенок восьми или девяти лет, законность власти которого не слишком надежно поддерживали отношения с Эхнатоном и его дочерью, но, вероятно, немного усиливало происхождение от Аменхотепа III, который мог приходиться мальчику дедом. Анхесенпаатон, вероятно, была старше Тутанхатона на четыре-пять лет и, возможно, приходилась ему двоюродной сестрой. (Прежде чем Тутанхатон умер спустя девять лет, она родила ему двух мертворожденных детей.)

В создавшейся ситуации реальная ответственность за управление страной неизбежно должна была лечь на плечи придворных чиновников. Главный среди них —

престарелый визирь Эйе, любимец царя, — был кем-то вроде секретаря фараона, а его жена Тия нянчила Нефертити в детстве. После короткого периода, когда Эйе являлся кем-то вроде «старшего сановника» и доверенного советника Тутанхатона, он фактически возвысился до положения соправителя юного царя и не только осуществлял правление Обеими Землями при жизни Тутанхатона, но и пережил его, руководил церемонией его похорон и наследовал ему как единственный царь.

Со смертью Эхнатона делу религиозной реформации был нанесен смертельный удар. Свита нового фараона осознала, что невозможно будет удержать власть над государством, лишь договорившись с теми, кто придерживался традиционных представлений. Соответственно, Тутанхатон был вынужден отказаться от «учения» и вместе со своей супругой официально признать себя приверженцем прежде гонимого Амона (см. вклейку фото 75). Так же как Аменхотеп IV, некогда сменивший имя, поскольку оно содержало запрещенное слово «Амон», теперь царственная чета изменила свои имена, включавшие запретное отныне имя Атона. С этого момента царь официально стал известен как Тутанхамон («Прекрасный в жизни — Амон»), а царица — как Анхесенамон («Живет она для Амона»). Под давлением обратной реформации фараон был вынужден покинуть резиденцию в Амарне, где, вероятно, он родился, и обосноваться с двором в южной столице — Фивах. Этот поступок окончательно решил судьбу Ахетатона. Все вельможи, чиновники, наемники, ремесленники и рабы, служившие правителю, естественно, вернулись в древнюю столицу вместе с царским двором. Так Ахетатон, «Горизонт Атона», стал городом-призраком. Его храмы и дворцы, жилые дома и административные здания были заброшены; широкие улицы и переулки больше не слышали звука человеческих голосов, и, прежде чем миновало много лет, город превратился в огромную груду развалин. Последние раскопки в этом месте показали, что его разрушение усилило фанатичное преследование всего, что имело отношение к религии Атона. Это приводило к неустанным усилиям даже в заброшенном городе уничтожить малейшее воспоминание о религиозной реформе, создавшей его, и особенно о личности фараона, который, в конце концов, был ее главным вдохновителем и самым могущественным приверженцем.

Итак, новое «учение» пережило своего основателя, но самое большое на несколько лет, а надежда его верных сторонников, что оно продлится, «пока лебедь не почернеет, а ворон не станет белым, пока горы не встанут, чтобы пойти, а вода не потечет в гору», так и осталась несбывшейся. Тот же фанатизм, который Эхнатон некогда направил против древних богов, теперь обернулся против него самого. Его имя и изображение стирали с памятников, его исключили из официальных списков царей, и потомкам он был известен как «преступник из Ахетатона». Такова была окончательная победа Амона: «Тот, кто напал на него, был повержен; дом того, кто обрушился на него, лежал во тьме».

Отрекшись от событий своего прошлого, Тутанхамон похвалялся, как он «пресек зло [возможно, имеется в виду еретический культ Атона] в Обеих Землях, чтобы правда утвердилась, и сделал ложь мерзостью в стране, как при ее начальном состоянии». Юный царь (см. вклейку фото 76) заботится о том, чтобы называть себя «любимым Амоном-Ра, владыкой престолов Обеих Земель, первым в Карнаке». Затем фараон продолжает описывать печальное положение дел в стране, которое предшествовало его восхождению на трон:

«И вот, когда его величество появился как царь, храмы богов и богинь от Элефантины до болот дельты... были преданы забвению; их часовни разрушились, превратившись в пустыри, заросшие колючками, их часовни были такими, словно никогда не существовали, а их храмы стали протоптаннами дорогами. Страна была в беспорядке, а что до богов, то они отвернулись от этой страны. Если посылали войско в Джахи, чтобы расширить границы Египта, его усилия не приводили ни к чему. Если обращались к богу с просьбой о чем-нибудь, он не приходил вовсе; если молились богине, она также не приходила, ибо сердца их гневались в их телах, потому что они [еретики, поклоняющиеся Атону?] разрушили то, что было сделано.

Теперь, когда миновали дни после этого, его величество появился на троне своего отца и правил областями Гора; Египет и чужеземные страны были под властью его, и каждая земля склонялась пред мощью его.

Теперь, когда его величество был во дворце его, который во владении Аахепера; тогда его величество управлял делами этой страны и повседневными нуждами Общих Земель.

...Его величество посоветовался со своим сердцем, изыскивая всякое подходящее средство и ища, что было бы полезно для его отца Амона, чтобы сделать его царственный образ из настоящего золота-джам... Его величество сделал памятники для всех богов, создав их статуи из настоящего золота-джам, восстановив их святилища как памятники, существующие вечно, снабжая их бесконечными дарами, давая им божественные жертвоприношения для ежедневной службы и обеспечивая им пропитание на земле».

Жрецы стали получать большие доходы, для нильских процессий и других религиозных праздников были построены новые роскошные барки, храмам передали рабов и рабынь.

Помимо этих фактов нам мало что известно о правлении Тутанхамона. Однако, кроме бесчисленных предметов из гробницы этого фараона, у нас есть другой значимый памятник того периода. Речь идет о гробнице заместителя Нубии Аменхотепа, больше известного как Хуи. Из серии красочных сцен на ее стенах мы узнаем, как он передал своему юному повелителю дань от завоеванных Сирии и Нубии (см. вставку фото 22): лошадей, роскошные колесницы, великолепные золотые и серебряные сосуды, чудесные резные вазы, суданский скот, живого жирафа и многие другие диковины, столь восхищавшие египетских художников той эпохи.

Тутанхамон занимал трон девять лет. Когда смерть оборвала его молодую жизнь, на престол сел переживший его соправитель — Эйе, который руководил погребением Тутанхамона и устроил ему пышные похороны в Долине царей, что показалось бы невероятным, если бы благодаря открытию Говарда Картера в 1922 году все сокровища гробницы не были явлены миру. Многие предметы, найденные в усыпальнице, включая миниатюрные саркофаги для каноп, один из огромных золотых ковчегов и некоторые украшения, покрывавшие саму мумию, изначально были сделаны для Сменхкара и использованы для погребения Тутанхамона.

Сама гробница относительно мала; она состоит из двух больших комнат, передней и погребальной камеры — последнюю египтяне весьма подходяще именовали «домом золота», — а также двух маленьких дополнительных помещений, кладовой и «сокровищницы», как назвал ее открыватель гробницы. Стены были украшены только в одном из четырех помещений — погребальной камере. На них изображены не-

сколько сцен и надписей, преимущественно религиозного характера. Одна из них показывает мумию царя покоящейся под балдахином на саниях, когда ее тянут к гробнице традиционно девять придворных. Другая сцена изображает царя Эие стоящим перед мумией своего предшественника и производящим церемонию «отверзания уст», которая должна была пробудить умершего к новой жизни.

Эту погребальную камеру почти целиком заполнял огромный позолоченный деревянный ковчег. Его стенки украшали ряды расположенных парами символов бога мертвых Осириса и его божественной супруги. Этот большой внешний ковчег заключал в себе еще три, вставленные один в другой и украшенные не менее искусно. Все они были покрыты золотой фольгой. Внутренний ковчег скрывал саркофаг с гранитной крышкой, высеченный из желтоватого кварцита и покрытый множеством религиозных изречений и изображений. По четырем углам саркофага стоят четыре богини: Исида, Нефтида, Нейт и Селкет, которые распростертыми крыльями защищают фараона, спящего внутри (см. вклейку фото 77). Внутри саркофага на деревянном ложе, украшенном львиными головами и накрытом льняным полотном, находился деревянный гроб в виде мумии, покрытый штукатуркой и поверх золотой фольгой. Молодое худое серьезное лицо представляет весьма успешную попытку передать благородный облик царя, что прекрасно демонстрирует давно известная гранитная статуя Тутанхамона из Каирского музея. Руки скрещены на груди, ладони сжимают символы Осириса — скипетр и так называемый цеп, которые были сделаны объемными и украшены ляпис-лазурью. В целом все создает впечатление удивительной новизны, как будто этот гроб только вчера поместили в каменный саркофаг.

Внешний деревянный гроб заключал в себе второй, также имевший форму мумии и столь же прекрасный, как и первый, внутри которого находился третий, еще более роскошный гроб из чистого золота с останками молодого царя (см. вклейку фото 34). Мумию обернули традиционными льняными бинтами, а голову покрыли изысканной золотой портретной маской Тутанхамона (см. вклейку фото 78). На мумии было множество украшений, и каждому, радовавшемуся царя-мальчика при жизни, позволили сопровождать его после смерти в гробнице.

Фараона обули в золотые сандалии, а на каждый палец на руках и на ногах надели золотые футляры. На его руках сверкали золотые кольца, многие из которых украшали изображения скарабеев с именем царя. Широкие браслеты охватывали руки (см. вклейку фото 79), а шею и грудь отягощали со вкусом изготовленные и украшенные ожерелья, подвески, пекторали, амулеты и бусы из золота, полудрагоценных камней и фаянса. Каждый из этих украшавших царя предметов представляет собой выдающийся шедевр художественного искусства и делает честь своему создателю.

Пространство между стенами ковчегов заняли многочисленные заупокойные дары: прекрасные сосуды для масла из чистейшего алебастра, трости, скипетры, луки и стрелы и многое другое. Среди них были и два опахала из страусовых перьев, которые обычно справа и слева от царя несли его спутники, когда он куда-то шел или ехал. Их пластины покрывала золотая фольга и украшали рельефные изображения. Одно показывает молодого правителя в колеснице охотящимся на страусов (см. вклейку фото 80), а другое представляет его возвращающимся с охоты со страусовым крылом под мышкой, а его спутников — несущими домой птиц, убитых на охоте. Сопровождающая надпись определяет предмет, на котором она вырезана, как «опахало из страусовых перьев, которое его величество брал на охоту в восточной пустыне Гелиополя».

Здесь можно описать лишь малую часть из сотен предметов, относящихся к сокровищам, которые были сложены друг на друга в передней комнате гробницы.

Там находилось множество предметов мебели, таких как кровати, кресла, стулья и столы, большую часть которых, очевидно, взяли из обстановки царских дворцов в Амарне и Фивах. Самым драгоценным предметом мебели является трон (см. вклейку фото 81), богато украшенный золотом, цветным стеклом, фаянсом и инкрустациями из камней. Его ножки выточены в форме львиных лап и, соответственно, на уровне сиденья увенчаны изящно сделанными золотыми львиными головами. Оба подлокотника трона Тутанхамона выполнены в виде крылатых змей, каждая из которых увенчана двойной короной египетского властителя. Своими крыльями они обнимают и защищают царское имя, а следовательно, согласно египетской логике, и самого фараона. Задняя часть трона также украшена поднявшимися змеями, готовыми нанести смертельный удар возможным врагам. Однако самой красивой частью этого предмета является передняя часть спинки. Рельеф слева изображает царя удобно сидящим на троне, куда подложены мягкие подушки. Левая рука Тутанхамона свободно свешивается с колена, тогда как правая согнута в локте, а кисть безвольно покоится на подушке на спинке кресла. На голове фараона богато украшенная корона, состоящая из множества перьев, солнечных дисков и уреев. Тщательно выполненное лицо, несомненно, представляет портрет юного Тутанхамона. Перед ним изображена чудесная девичья фигурка царицы, которая держит в левой руке сосуд, а правой с каплей благовоний из этого сосуда грациозно касается широкого ожерелья своего мужа. Просторные прозрачные одежды охватывают ее тонкую фигуру. На голове у царицы высокая корона, которую обычно носили египетские царицы и царевны. Над царственной четой в верхней части спинки сияет Атон, каждый луч которого заканчивается рукой, дающей жизнь. Лица и другие обнаженные части тел фараона и его супруги выполнены вставками красновато-коричневой стекловидной пасты, тогда как волосы переданы с помощью голубого фаянса. Одежды показаны серебром, покрытым тусклой патиной. Короны, ожерелья и прочие детали выполнены при помощи вставок цветного стекла, яркого разноцветного фаянса, красного сердолика и какого-то искусственного материала, напоминающего миллефиори. Остальная часть спинки и сам трон покрыты золотой фольгой. Хотя краски немного утратили свой изначальный блеск, в целом этот предмет сохранил невероятно тонкую и очаровательную цветовую гармонию.

Чудесная картина дышит удивительной жизнью и тончайшим чувством. Это одно из восхитительных изображений частной жизни фараона, характерных для амарнского стиля. В действительности трон относится к тому периоду, когда царь-мальчик еще придерживался «учения» своего тестя и жил в Амарне, ибо здесь фараона пока именуют *Тутанхатомом*, хотя в отдельных надписях на троне видно изменение имени на *Тутанхамона*, что свидетельствует о его возврате к традиционной религии. Можно предположить, что, когда двор покинул Амарну, трон перевезли в Фивы и продолжали использовать во дворце, несмотря на еретическую сцену на спинке, прославляющую Атона. Итак, в дополнение к тому, что этот чудесный предмет мебели представляет собой шедевр по технике изготовления, он также является важным религиозным и историческим источником.

Из множества декоративных сосудов и бассейнов из алебаstra, найденных в гробнице, некоторые из которых выполнены в пышном стиле, один заслуживает особого

упоминания. Он выполнен в форме изящной лодки, задуманной древним скульптором таким образом, как будто она плывет по глади пруда, — любимый мотив египетской живописи. Корму и нос лодки украшают головы антилоп (см. вклейку фото 82), а посередине находится изящно вырезанная беседка, крышу которой поддерживают четыре колонны с композитными капителями. На носу находится фигурка обнаженной девушки, держащей у груди цветок. Позади беседки стоит обнаженная ахондропластическая карлица, управляющая лодкой. Бассейн богато украшен резьбой, покрытой золотом и цветными пигментами, а волосы обеих скульптур сделаны из отдельных фрагментов зеленого камня. Пустой пьедестал, то есть пруд, куда помещена лодка, могли использовать в качестве вазы для композиций из цветов и водных растений, которые росли в зарослях папирусов, где царь с царицей совершали увеселительные прогулки на лодке и приятно проводили время.

Не менее интересна и уникальная лампа из алебастра (см. вклейку фото 83). Ее основание повторяет форму распространенных в Древнем Египте деревянных подставок (см. вклейку фото 49). На нем располагается кубок, обрамленный египетскими иероглифическими символами, выражающими пожелание «миллионов лет жизни» царю Тутанхамону. Сам кубок поразителен, поскольку состоит из двух тончайших чаш, одна из которых плотно закреплена внутри другой. Внешняя поверхность внутренней чаши украшена ярким изображением царицы, стоящей перед сидящим на троне супругом. Эта маленькая сцена видна, только если лампа частично наполнена маслом и зажжен плавающий фитиль. Тогда краски просвечивают сквозь прозрачный алебастр.

Резная раскрашенная вставка из слоновой кости на крышке одного из сундуков Тутанхамона, несомненно, представляет собой один из великолепнейших шедевров гробницы (см. вклейку фото 84). Царь и царица Анхесенамон стоят лицом друг к другу в павильоне, богато украшенном искусно составленными букетами из цветов и фруктов. Тутанхамон стоит в расслабленной позе, слегка опираясь на посох, который держит в одной руке. Другую руку он протягивает, чтобы принять высокий букет, предлагаемый ему супругой. Царица стройна и привлекательна, сквозь прозрачные одежды проступают очертания ее девичьей фигуры. В нижней части пластины изображены две коленопреклоненные египетские девушки, собирающие цветы и плоды мандрагоры для своих царственных повелителей. Композиция отлично показывает чувство равновесия, так понятное египетскому художнику, к тому же оно было достигнуто с таким мастерством, что ни очарование, ни свобода этой чудесной маленькой картины не были принесены в жертву художественной условности.

То, что молодой фараон и его прекрасная царица наслаждались множеством совместных поездок, доказывает другая пленительная сцена из их совместной частной жизни, где царь показан охотящимся на уток в присутствии супруги (см. вклейку фото 85). Композиция представляет собой рельеф на украшенной золотой фольгой маленькой божнице. Тутанхамон довольно расслабленно сидит на подушке на складном стуле. Рядом с ним находится его ручной лев. Царь натягивает лук и целится в стаю птиц, поднимающихся из зарослей папируса. Царица, сидящая на подушке перед фараоном, правой рукой подает ему стрелу, а левой указывает на уток. Обе фигуры демонстрируют характерное для амарнского стиля отсутствие официальности, и равновесие композиции сохраняется без повторения одного декоративного элемента.

Одним из величайших произведений египетской живописи можно считать изображения, украшающие боковые стороны и крышку одного из сундуков Тутанхамона. На двух сторонах показаны динамичные сцены битв, в которых царь сражался с неграми и азиатами, соответственно (см. вклейку фото 59). Фараон мчится в колеснице, влекомой двумя горячими жеребцами в богато украшенных пополах, натянув лук и пуская стрелу за стрелой, а несчастные враги в ужасе мечутся перед стремительной атакой молодого правителя. Крышку сундука украшает пара композиций со сценами охоты, в действительности весьма напоминающими изображения битв. На одной стороне Тутанхамон показан охотящимся на львов (см. вклейку фото 58), на другой его добычей становятся более мелкие животные пустыни. Царь в колеснице изображен в центре этих сцен; за ним следует свита, а те, на кого он охотится, бегут пред его смертоносным оружием в пустыню. Художнику удалось создать необычайно живые картины, изображения, полные движения, так что зритель как будто разделяет с фараоном волнующий момент битвы или охоты. Ошеломляющее впечатление производят львы в их отчаянной, но напрасной попытке избежать неминуемой гибели, наступающей их в облике ужасного и непобедимого приближающегося царя. После этого восточному искусству лишь раз удалось передать такую страшную битву и смертельную агонию: спустя шесть столетий мы снова находим ее в львиной охоте Ашшурбанипала в Ниневии. Однако в этих росписях на сундуке Тутанхамона древняя египетская традиция включает чувство природы, пробудившееся в Амарне, вбирает эгейско-критский гений и соединяется в законченное единство.

Если рассматривать сокровища гробницы Тутанхамона в целом, стоит признать, что ее содержимое с технической и художественной точки зрения представляет собой лучшее, что когда-либо создавало египетское прикладное искусство. Однако со всем их техническим превосходством разнообразные каменные сосуды и даже мебель отражают прискорбный недостаток глубокого ощущения формы, которое отличало произведения искусства с середины Восемнадцатой династии. Это был лишь один из признаков упадка, который уже начинается и который в следующие сто или двести лет будет проявляться все быстрее.

Эйе, обычно называвший себя «отцом бога», возможно чтобы указать на то, что имеет какое-то отношение к царской семье, ныне нам неизвестное, едва ли занимал трон больше четырех лет. Во время краткого пребывания двора в Ахетатоне Эхнатон повелел вырубить в скалах близ города великолепную гробницу для своего любимца. Ее стены были украшены рельефами, изображающими разнообразные награды, которыми царь во множестве осыпал его (рис. 10 на с. 224). Однако, поскольку Эйе сам стал фараоном и отказался от ставшего невыгодным «учения», самое замечательное свидетельство о котором он высек при входе в свою амарнскую гробницу (см. гл. 14), он обеспечил себя новой гробницей в придерживавшихся традиционной религии Фивах, в том же ответвлении долины, где приготовил себе последнее пристанище Аменхотеп III. Затем Эйе украсил свою новую гробницу религиозными сценами и надписями в традиционном, хотя и немного плебейском стиле, хотя и не упомянул в ней имени вдовы Тутанхамона, Анхесенамон, на которой, как утверждают, он женился, чтобы легализовать захват трона. Наоборот, царицей Эйе, упоминаемой в его гробнице, является та же Тия, которая была известна как его жена из надписей о его прежней жизни.

На самом деле то, что Эйе женился на Анхесенамон, совершенно невероятно. Юная вдова Тутанхамона явно имела четкое и оригинальное представление о браке и египетской политике. Несмотря на то что Эйе являлся соправителем ее молодого супруга, она, возможно, никогда не признавала законности его положения. Более того, она сама решила занять престол, выбрав себе мужа по собственному усмотрению. Разве она не была царицей у двух правивших друг за другом фараонов? Поэтому, вместо того чтобы выходить замуж за одного из собственных слуг, как она выразилась, Анхесенамон (если только она является царицей Да-ха-му-ун-зу из письма, а не неизвестная прежде вторая супруга Тутанхамона) обратилась в написанном клинописью послании к хеттскому царю Суппилиуму с беспрецедентной просьбой, чтобы тот как можно скорее прислал хеттского царевича, за которого она могла бы выйти замуж и возвести его на трон Египта. Копии этого примечательного документа сохранились в нескольких глиняных табличках из государственных архивов хеттской столицы в современном Богазкёе. «Мой супруг, Ниб-хуру-риа [официальное имя Тутанхамона] недавно умер, и у меня нет сына. Но у тебя, говорят, много сыновей. Если ты пришлешь ко мне твоего сына, он станет моим мужем». Хеттский царь был не склонен доверять этому удивительному посланию. Он решил отправить в Египет посланца, чтобы тщательно изучить ситуацию. «Ступай и принеси мне надежный ответ. Возможно, они просто смеются надо мной; возможно, на самом деле есть сын их повелителя». Обеспокоенная скептицизмом хеттского царя и, следовательно, задержкой, египетская царица послала Суппилиуму второе письмо, упрекая его за недоверчивость: «Почему ты говоришь: „Они хотят обмануть меня“? Если бы у меня был сын, стала бы я по собственному согласию унижать свою страну и писать в другую страну? Ты мне и теперь не веришь?.. Я не послала [письмо] ни в какую другую страну, я послала [письмо] только тебе. Они говорят, у тебя много сыновей. Дай мне одного из твоих сыновей, и он будет моим супругом. Более того, он станет царем в земле Египта». Второе послание, вероятно, убедило хеттского царя в искренности царицы, и он решил удовлетворить ее просьбу. Соответственно, в долину Нила был послан хеттский царевич, но, прежде чем он достиг места назначения, его подстерегли и убили, вероятно по наущению какого-то другого претендента на престол, который мог знать о планах царицы. Возможно, она разделила участь своего предполагаемого супруга, ибо с этого момента Анхесенамон исчезает со страниц истории и больше не появляется.

Ни Тутанхамон, ни Эйе не имели возможности залечить раны, нанесенные чувствам разных жрецов, усмирить религиозное рвение, которое было возмущено, или уничтожить память о ереси, признанными сторонниками которой они являлись. В сердцах жрецов Амона оставалась глубокая ненависть к этим прежним преследователям их бога, невзирая на то, как много усилий эти два правителя прикладывали, чтобы добиться их расположения. Вся страна продолжала оставаться в волнении. Повсюду царили беспокойство и неуверенность, а страх, что новая перемена может привести к открытой гражданской войне, держал людей в постоянном напряжении.

Однако в этой критической ситуации, когда общая анархия грозила обернуться взрывом, в стране появился спаситель, который был достаточно могуществен и энергичен, чтобы управлять кораблем государства и провести его по бурным морям. В правление Эхнатона и Тутанхамона высокого положения достиг человек по имени Хоремхем. Он был главнокомандующим армией и в качестве представителя царя претендовал на второе после фараона место в империи. Бог Гор из Хатнесут, покровитель

родного города Хоремхеба, также был хранителем его судьбы: именно он «вознес своего сына над всей землей» и направлял его стопы, пока не «пришел день, когда он должен был принять свою обязанность, царскую власть». Хоремхеб рассказывает, что правивший фараон был доволен им и назначил его на главную должность в стране, чтобы он мог «управлять делами Обеих Земель как князь всей этой земли... Когда он был вызван царем во дворец, люди были удивлены его словам, и, когда он ответил царю, он обрадовал его своим суждением». Хоремхеб мог хвалиться тем, что в нем живут силы великих богов Птаха и Тота. Наконец, он был назначен на главную административную должность в империи, и ему передали управление всей египетской армией, благодаря чему в его руки автоматически перешла власть над нубийскими и сирийскими владениями. «Итак, управлял он Обими Землями многие годы... Почтение к нему у людей было велико», и, как для самого царя, «народ молил о „процветании и здоровье“ для него».

Разумеется, не только добрая воля фараона дала Хоремхебу это могущественное и влиятельное положение и сделала его представителем царя в стране. Политическая дальновидность и негибкая воля этого человека сыграли в его выдвижении не меньшую роль. Хоремхеб никогда не обращался в религию Атона. В Мемфисе, где находилась его резиденция, он оставался верен древним богам, особенно богу-покровителю своего родного города и Амону.

Вероятно, в те беспокойные времена главным образом Хоремхеб предотвратил разрушение мира в стране. Возможно также, что именно Хоремхеб расстроил смелый план молодой вдовы Тутанхамона избрать в мужа хеттского царевича и передать ему престол. Если это так, он, соответственно, мог быть ответствен за убийство хетта по дороге в Египет. Время от времени Хоремхеб приезжал ко двору, чтобы сделать фараону доклад, и в таких случаях его принимали со всем уважением и награждали, согласно обычаю того времени, золотыми знаками отличия. Знаком особого царского расположения стало разрешение поместить его статую в храм Птаха в Мемфисе (см. вклейку фото 86). Она представляет Хоремхеба в образе царского писца сидящим со скрещенными ногами на полу и держащим на коленях свиток папируса с длинным гимном богу Тоту — покровителю писцов.

Занимая должность начальника копей и каменоломен, Хоремхеб воздвиг для себя гробницу в мемфисском некрополе, на стенах которой мы видим его представляющим царственной чете заложников из чужеземных стран с принесенной ими данью и получающим от владыки знаки признательности за свою службу. Рельефы из этой гробницы представляют одни из самых чудесных сохранившихся образцов рельефов в амарнском духе.

Несмотря на власть и влияние при дворе, о которых Хоремхеб заявляет в своей биографии, его стремлению занять трон четыре долгих года препятствовал старый Эйе. Смерть последнего и возможное убийство «изменницы» Анхесенамон наконец создали критическую ситуацию для захвата власти. Действуя самостоятельно и, возможно, в союзе со жрецами Амона, он пришел в Фивы во главе армии, встречая в каждом городе, через который пролегал его путь, горячий прием со стороны ликующего населения. Разумеется, больше всего радости было в столице, поскольку сам бог Гор сопровождал его в Фивы, чтобы «представить его в присутствии Амона и даровать ему царскую власть». Во время праздника в Луксоре Амон увидел Гора и с ним сына его Хоремхеба, которого тот привел, чтобы он получил «его должность и его трон, и

Амон-Ра исполнился радости, когда увидел его». Сама коронация завершилась таинственной церемонией. Амон сопровождал царя к жилищу «его царственной дочери», львиноголовой Уретхекау («Великой волшебством») — персонификации царской диადемы. Потом под восторженные восклицания богов Хоремхеб сразу провозгласил свою официальную титулатуру, после того как Амон надел ему на голову корону и даровал ему господство над «всею, что окружает солнце».

По завершении коронационных церемоний в Фивах царь вернулся на север. Теперь последние воспоминания о религиозной революции были уничтожены, и наряду со всеми возможными напоминаниями об Эхнатоне была стерта память о его непосредственных преемниках — Тутанхамоне и Эйе; их имена безжалостно сбивали с памятников и заменяли именами Хоремхеба (см. вклейку фото 76). Эти преследования дошли до того, что правления четырех еретиков стали считаться несуществовавшими, и годы их царствования со времени смерти Аменхотепа III были причислены к периоду пребывания Хоремхеба на троне. Храм Атона полностью разрушили и сровняли с землей, а блоки, из которых он был сложен, использовали для сооружения новых зданий, которые новый фараон возвел в честь Амона. Восстановление древних храмов, которое начал Тутанхамон, возобновилось теперь с возросшей энергией. Святилища богов по всему Египту, от болот дельты до Нубии, были восстановлены такими, какими они были «в первозданные времена, во времена Ра»; рельефы, разрушенные Эхнатонем, были заменены и стали «еще красивее, чем были», а отнятые у храмов дарения были возвращены с добавлениями. Были восстановлены привычные жертвоприношения, и к ним добавилось множество новых золотых и серебряных сосудов.

Царь прилагал такие большие усилия для служения богам и завоевывал расположение многочисленных жрецов по всей стране с помощью богатых даров, но не меньше он заботился и о благоденствии своих подданных, особенно о притесняемых земледельцах, сильно страдавших от поборов чиновников и грабежей со стороны солдат. Чтобы навсегда защитить их от подобных злоупотреблений и в то же время обеспечить надлежащее поступление доходов в царскую сокровищницу, Хоремхеб издал указ, который лично продиктовал писцу и велел высечь на огромной стеле, установленной рядом с одним из трех пилонов, которые он добавил к храму Амона в Карнаке (см. вклейку фото 87). Этот указ предусматривал серьезные наказания за любые нарушения новых законов. Каждому чиновнику, который преступил рамки своих полномочий и отобрал у солдата или любого другого египтянина лодку или лишил его собственности, следовало отрезать нос и изгнать в приграничный город в восточной дельте. Чиновникам запрещалось привлекать для своих частных дел тружеников, набранных для общественных работ. Благодаря этим и длинному списку других законов Хоремхеб стремился «восстановить уважение к закону в Египте, предотвратить несправедливость, изгнать преступления и уничтожить обман».

Также новый фараон прилагал большие усилия, чтобы власть Египта снова признали в других странах. Торговые экспедиции в Пунт, которые перестали отправляться в годы господства еретиков, возобновились, и после долгого отсутствия представители этой далекой страны опять появились на берегах Нила, чтобы доставить свои товары и выразить почтение фараону.

Во время темного периода, который подошел к концу, негритянские племена Судана посягали на южную границу, вторгались на египетскую территорию и опустошали поля и поселения в том районе. Хоремхеб лично возглавил армию, выступил про-

тив них, обратил их в бегство и вернулся домой с победой и «с добычей, которую добыл его меч». Его солдаты захватили бесчисленных пленников. Подобострастные крики последних, когда их вели по улицам Фив во время триумфального шествия, должно быть, были приятны для слуха фараона: «Слава тебе, о царь Египта, Солнце Девяти луков! Велико имя твое в стране Куш, и твой боевой клич повсюду в их жилищах. О добрый правитель, твоя мощь превратила чужие земли в груды тел. Жизнь, процветание, здоровье, о Солнце!»

Гораздо более серьезной была угроза египетскому господству в Сирии. Еще будучи военачальником Тутанхамона, Хоремхеб привел своих солдат в Палестину, чтобы подавить восстание местного населения и преследовать кочевников, которые нарушали мир. Его поход увенчался успехом, и множество пленников были приведены в Египет в качестве заложников и представлены царю. Однако во время той кампании Хоремхеб вряд ли столкнулся с хеттами, которые к тому времени обосновались в Северной Сирии и в нижнем течении реки Оронт. Возможно, Эхнатон, не способный предпринять против них военные действия, уже заключил мирный договор, по которому уступал им прежнюю египетскую сферу влияния в той стране и признавал их царя Суппилиуму другом с равными правами или даже союзником. Также после десятилетий войн страна Амуру, располагавшаяся к югу от земель хеттов, смогла сбросить египетское ярмо и образовать в союзе с завоеванными прибрежными городами Северной Финикии большое независимое государство, которому в будущем было суждено оказать ожесточенное сопротивление стремлению фараонов к завоеванию территорий. Итак, из всех великолепных владений, которые некогда завоевал в Западной Азии Тутмос III, под египетским контролем осталась только Палестина, однако даже здесь постоянно возникали проблемы из-за повторяющихся вторжений кочевников из пустыни.

Когда после примерно тридцати пяти лет правления старый Хоремхеб умер и был погребен в незаконченной гробнице в Долине царей, трон занял Рамсес I. Это был тот же Парамессу, сын военачальника по имени Сети, который занимал при Хоремхебе несколько высших должностей в стране, таких как «командующий армией владыки Обеих Земель, верховный жрец всех богов, представитель его величества в Верхнем и Нижнем Египте, визирь и главный судья». Бездетный Хоремхеб избрал его своим преемником и оказал Рамсесу высокую честь: в качестве «награды от царя» ему было разрешено поставить свою статую в храме Карнака рядом со статуей мудреца Аменхотепа (см. гл. 8). Хоремхеб и Рамсес I делят честь основания Девятнадцатой династии, которая вновь принесет империи на Ниле немало славы.

Глава 16

Эпоха Рамессидов

Нет сомнений, что Рамсес I к моменту восхождения на престол был уже стариком. Он умер, процарствовав немногим больше года, и трон занял его сын Сети I (см. вклейку фото 31). У Египта вновь появился энергичный правитель в расцвете сил. Коронационные церемонии были закончены, и Сети, не теряя времени, принялся за дело Хоремхеба. Он сразу начал выполнять программу завоеваний в попытке восстановить в Азии империю, завоеванную Тутмосом III и потерянную Эхнатоном. Прежде всего был дан бой кочевникам, которые постоянно угрожали границе Палестины с востока. Оттуда Сети двинулся на север и победил непокорных князей городов Галилеи. Позднее он возвел храм и установил победную стелу в захваченной крепости Бет-Шан, которая контролировала восточный путь в Ездrelонскую долину (рис. 11 на с. 261).

Следующим предприятием Сети стала кампания против хеттов, чей царь Мурсили II, младший сын Суппилиуму, был вынужден заключить с египтянином мир. Короткая передышка дала фараону возможность восстановить отдельные храмы, которые все еще лежали в руинах или пребывали в разрушенном состоянии со времен царей-еретиков, и почтить богов новыми святилищами.

Хотя за победой, которую египтяне одержали над хеттами в битве за господство над Сирией, наступило перемирие, в действительности вопрос не был решен окончательно. Однако теперь Муваталли использовал прекращение военных действий, к которому вынудили его отца, чтобы собрать свои силы и победить союзников, намереваясь провести такую сокрушительную атаку на египтян, чтобы полностью изгнать их из Сирии и совершенно лишить их надежд на мировое господство. (Речь идет о хеттском царе Муваталли II, сыне Мурсила II. — *Пер.*)

Можно предположить, что сначала Муваталли всячески выказывал желание сохранить мир, ибо, когда на трон взошел Рамсес II (см. вклейку фото 88), хеттский царь попросил своего друга, правителя северной сирийской страны Коде, поспешить в Египет и выразить почтение молодому фараону. Тем не менее спустя несколько лет Муваталли появился в качестве опасного и агрессивного врага Египта во главе большого союза сирийских государств. Он «собрал все чужеземные страны до краев океана» и организовал армию в 25–30 тысяч человек. «Пришла вся хеттская земля и Нахарина», а также, помимо рекрутов из Арцавы, могущественные сирийские и анатолийские князья Каркемиша, Киццуватны, Угарита, Коде, Нухашше, Кадеша и многих городов.

Весной на пятом году своего правления Рамсес с войском, включавшим египетскую пехоту и колесницы, а также иностранных наемников и не уступавшим по силам хеттской армии, покинул Египет, чтобы встретить врага как можно раньше и принять решение. Он прошел вдоль Средиземноморского побережья, а потом повернул на восток, двинувшись по хребту Ливана в долину реки Оронт. Союзники хеттов, укрывшиеся в засаде и готовые к битве, ждали приближающихся египтян к северо-востоку от укрепленного города Кадеша. Возможно, Рамсеса ввели в заблуждение ложные до-

клады, и он считал, что враг находится значительно дальше в Северной Сирии. Он легкомысленно устроил укрепленный лагерь к северо-западу от Кадеша, где расположился с собственным отрядом и приготовился отдохнуть от утомительного перехода, когда хетты неожиданно бросились в атаку из засады и напали на ошеломленных египтян, в панике обратившихся в беспорядочное бегство с поля боя.

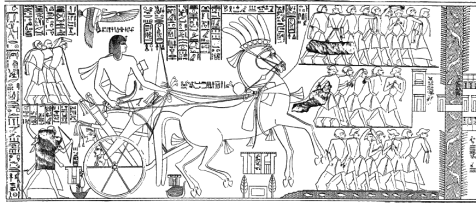

Рис. 11. Возвращение Сети I из сирийского похода. Карнак

Нет ни малейшего сомнения, что египтян ждало бы сокрушительное поражение, если бы Рамсес II не спас положение личным вмешательством и не избавил свое войско от полного уничтожения. «Он молился своему отцу Амону, и он помог ему». Никто из врагов не осмелился сражаться с ним, ибо «сердца их были робки, а руки слабы. Они не могли пустить стрелу и не осмеливались взяться за копья». Рамсес гнал их перед собой до Оронта и «сбросил их в воду, как крокодилов; пали они на лица свои, один на другого, и он убивал, кого хотел». Однако понятно, что на самом деле царь не добился блестящей победы, описанной египетским поэтом. Наоборот, он был вынужден отказаться от борьбы и отвести свое ослабевшее войско назад в Египет. На самом деле Муваталли хвастал, что преследовал приведенных в замешательство врагов до района Дамаска.

В следующем году битвы в Палестине и Сирии повторялись, но одна за другой не приносили успеха египтянам. На двадцать первом году правления Рамсеса это состояние постоянной войны наконец закончилось египетско-хеттским договором о дружбе, заключенным с Хаттусили, братом Муваталли, пришедшим к власти после него. Пакт о ненападении — единственный сохранившийся документ такого рода, заключенный между независимыми державами Древнего Востока, — по счастью, уцелел и в записи египетскими иероглифами, и в хеттской клинописной версии. Согласно его требованиям, оба государства в будущем оставались в равных условиях, поскольку вечный мир должен был существовать между царями и всеми их потомками. Были обозначены сферы интересов обеих империй. Северная Сирия, и в особенности вызывавшее ожесточенные споры государство Амурру, передавалась хеттам, тогда как Южная Сирия и вся Палестина оставались во владении Египта. Позднее договор был скреплен женитьбой Рамсеса на дочери хеттского царя и ее возвышением до положения «великой царской супруги». Такое решение хеттского вопроса позволило Рамсесу II закончить свое правление в мире.

Когда около 1232 года до н. э., после шестидесяти семи лет царствования, к Рамсесу II пришла смерть и трон унаследовал его тринадцатый сын Меренптах, который уже был в преклонном возрасте, в Палестине возникло небольшое восстание, которое он усмирил без особого труда. Память об этом увековечили победной песней, превозносившей власть фараона и содержавшей похвальбу, что «Израиль был опустошен и

не имел зерна». Это единственное упоминание об Израиле в египетских надписях.

Самым важным событием в царствование Меренптаха стала война с ливийцами, которая произошла на пятом году его правления (1227 г. до н. э.). Еще большее значение имеет тот факт, что это была первая враждебная встреча египтян с народами Европы. В тот период восточную часть Средиземноморья потрясло большое переселение народов. Непосредственной причиной передвижения, похоже, стало давление со стороны народов, населявших северные районы Балканского полуострова. Мы уже видели, как за полтора века до этого на Крит вторглись ахейцы и привели к упадку блестящую минойскую культуру (гл. 10). Теперь же, при Меренптахе, возможно под давлением фригийцев и других народов, союз племен, состоявший из народов акай-ваша, турша-этрусков, шакалуша, ликийцев и многих других, стал двигаться через Средиземное море на юг. Со временем влияние этих мощных волн достигло африканского побережья и втянуло в водоворот местные берберские племена, хамитов-мешуш (возможно, это и есть максии Геродота) и светлокожих и голубоглазых ливийцев из племен чемеху. Оба этих народа повернули на восток к Египту и, образовав союз с народами моря, под командованием некоего Мери вторглись в дельту. В окрестностях современного города Бильбеса произошла битва, закончившаяся полной победой египтян. Мери обратился в бегство, тысячи захватчиков были убиты, а многих взяли в плен. Благодаря этой победе угроза со стороны Ливии временно ослабла и границы Египта были защищены.

Тем не менее Египет ожидали другие бедствия, обрушившиеся на страну из-за борьбы за престол, которая началась после смерти Меренптаха. Узурпаторам удавалось временно получить корону лишь для того, чтобы лишиться ее в пользу другого претендента. «Один объединялся с другим, чтобы грабить; с богами обращались, как с людьми, и больше не приносили жертвы в храмы». Однако в конце концов от такого печального положения страну спас человек по имени Сетнахт, происхождение которого неизвестно, ставший основателем Двадцатой династии.

Сетнахт назначил преемником своего сына Рамсеса, и прошло не так много времени, как последний вззошел на престол как Рамсес III. Смотря на Рамсеса II как на блестящий пример того, каким должен быть фараон, новый царь старался подражать ему во всем. Он даже принял такое же царское имя Усермаатра, назвал своих сыновей в честь сыновей великого Рамсеса и назначил их на те же должности, которые сыновья Рамсеса II занимали двумя поколениями раньше. И похоже, судьба даровала Рамсесу III ту же удачу в войне, что сопутствовала его великому предшественнику. Ливийцы-мешуш снова воспользовались политическим хаосом и отсутствием в Египте единства, чтобы предпринять новое вторжение в плодородные земли дельты. Вместе с народами моря и новыми союзниками, которых они обрели в народах пелест (филистимлянах еврейской истории) и текев, они собрались у западной границы. Рамсес III выступил, чтобы встретить их, и на пятом году правления нанес им крупное поражение. Согласно египетскому рассказу о битве, не менее 12 535 человек были убиты и более тысячи захвачены в плен. Чтобы защитить границу от повторного вторжения, Рамсес III велел построить крепость, носившую гордое название «Рамсес III — каратель чемеху».

Защитив западную границу, фараон смог собрать все свои силы, чтобы воспрепятствовать волне опасной миграции, которая, пройдя Сирию, хлынула через восточную границу. Ее силой уже была уничтожена некогда могущественная империя хеттов.

«Ни одна страна не могла выстоять перед их оружием, от Хатти [хеттов], Коде, Каркемиша, Арцавы и Кипра, они были сражены в одном месте. Лагерь был разбит в одном месте в Амурру. Они истребляли ее население, и ее земля была [такова], словно никогда и не существовала». В дополнение к народам пелест и текер вторгшиеся орды включали и другие племена, которые не идентифицированы. Возможно, разрушение цитадели Трои, воспетое Гомером в Илиаде, отражает события, связанные с вторжением во времена правления Рамсеса III. Некоторые чужеземцы с женами и детьми двигались сухопутным путем в громоздких повозках, запряженных волами, тогда как другая часть путешествовала по морю. Рамсес отправился с войском к палестинской границе и встретился с врагами, передвигавшимися по суше, в битве, которая закончилась сокрушительным поражением чужеземцев. С флотом, стремившимся пристать к берегу в одном из рукавов Нила, фараон также вступил в сражение, и морской бой увенчался выдающейся победой армии Рамсеса (рис. 12). Мощная атака была остановлена, а враги отброшены на север. Несмотря на разгром, их не уничтожили; пелесты обосновались в прибрежной долине Филистии, где основали собственные княжества в Газе, Ашкелоне, Ашдоде и других городах, тогда как народ текер поселился в Доре.

Тем временем народ мешуш оправился от поражения и стремился объединиться с другими берберскими племенами, чтобы снова перейти западную границу Египта. Битва разгорелась в непосредственной близости от приграничной крепости Рамсеса, и мешуш со своими союзниками во второй раз потерпели поражение. Их предводитель был взят в плен. Египтяне захватили огромную добычу и тысячи пленников. Эта решающая битва положила конец атакам ливийцев. Впоследствии они пересекали египетскую границу поодиночке или небольшими группами, чтобы наняться на службу в армию фараона. Их расселяли в разных городах дельты, и в конце концов они сформировали в своем новом доме особую военную касту, со временем превратившуюся, подобно средневековым мамлюкам, и в мощную опору, и одновременно в серьезную угрозу владычеству египетских династий.

Вторая половина тридцатилетнего правления Рамсеса III была менее благополучна, чем первая. Постоянные войны, крупные и дорогостоящие проекты строительства храмов и богатейшие дары, которые царь приносил в разные святилища страны, опустошили государственную казну. Пока жрецы все больше обогащались, храмовые амбары ломались от зерна, хлеба были наполнены животными, а хранилища запасами золота, царские сокровищницы и склады почти полностью опустели. В столице отсутствовали средства, чтобы обеспечить пищей голодных рабочих, соответственно, чтобы заставить правительство оплачивать тяжелую работу, начались восстания и забастовки.

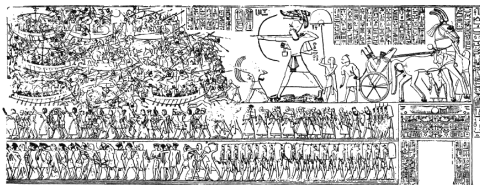

Рис. 12. Морское сражение Рамсеса III. Мединет-Абу

В конце концов это всеобщее недовольство проникло и в царский дворец. Готовился заговор, имевший целью не что иное, как убийство фараона и возведение на трон одного из его сыновей от женщины, не занимавшей высокое положение. Средоточием интриги являлся царский гарем; в нее были вовлечены не только высшие сановники государства, но даже командующий колониальной армией, размещенной в Нубии, который по сигналу готов был выступить с войском. Согласно официальным, но не обязательно правдивым записям, планы заговорщиков были расстроены. Рамсес III действительно умер в результате покушения, но его «законный» преемник Рамсес IV смог победить «изменников». Зачинщики были схвачены и подвергнуты суровым наказаниям. Потерпевшего неудачу «претендента» заставили совершить самоубийство, а на других преступников «не было наложено наказание, ибо они покончили с собой». Некоторых из дам гарема, участвовавших в заговоре, приговорили к отсечению ушей и носов. В таких подозрительных обстоятельствах на трон взшел Рамсес IV.

По всей стране нового честолюбивого фараона встретили шумными приветствиями. Казалось даже, что он сможет исправить тягостную ситуацию, сложившуюся в ту эпоху упадка. При его коронации было обнародовано длинное заявление в виде завета от покойного фараона. В нем вспоминались победы Рамсеса III и указывался длинный подробный список всех пожертвований, совершенных им каждому большому и малому храму по всей стране. Таким способом новый царь сумел подтвердить права жрецов на их собственность и заручиться их расположением во время своего правления.

Одним из самых значительных политических и социальных событий начала Девятнадцатой династии было перемещение правительства из Фив в расположенный в Дельте Аварис-Танис. Этот город был заброшен со времен изгнания гиксосов и, возможно, лежал в руинах, однако в ходе грандиозной церемонии его заново «основал» Сети I. Для древнего местного бога Сета был построен прекрасный новый храм, который во время своего правления расширил и богато украсил Рамсес II. Этот царь устроил свою резиденцию неподалеку, в месте, названном им «Городом Рамсеса» (современный Кантир и библейский Рамсес). Как раз на его строительстве, как рассказывается — возможно, анахронически, — тяжело трудились сыны Израиля. Придворные поэты эпохи Рамессидов никогда не уставали восхвалять красоту нового города:

«Его величество построил для себя большой дворец, именуемый „Великий победами“. Он находится между Палестиной и Египтом и полон пищей и припасами... Солнце восходит на его горизонте и садится в нем. Все люди покидают свои города и селятся в его округе. Его западная часть — храм Амона, южная — храм Сета; Астарта находится в его восточном районе, а Уаджет на его северной территории. Дворец, который располагается в его центре, напоминает горизонт небес, и Рамсес, возлюбленный Амоном, в нем, подобно богу».

Очевидно, целью постройки этой новой резиденции было создание столицы в самом центре империи, которая на севере все еще включала Палестину и часть Сирии, а на юге — Нубию и Судан.

Из-за строительства новой резиденции Рамессидов в дельте древняя столица Фивы во многом лишилась своего значения. Тем не менее Фивы сохранили свое прежнее положение как самый почитаемый город на Ниле в империи фараонов. Кроме всего

прочего, здесь располагался самый большой храм в стране — огромное владение Амона-Ра, царя богов и правителя вселенной, — расширять и пышно украшать который каждый следующий царь считал одной из своих главных обязанностей и высочайших привилегий.

Рамсес II завершил строительство и украшение большого гипостильного зала между пилонами Аменхотепа III и Хоремхеба в Карнаке, начатые его отцом Сети I. Этот гигантский зал по праву считался одним из чудес Древнего мира. Занимая площадь более 6 тысяч квадратных ярдов (ок. 5012,5 квадратного метра), он достаточно велик, чтобы вместить весь собор Парижской Богоматери. Вероятно, это самое большое базиликальное пространство из всех когда-либо созданных (см. вклейку фото 89). Немного дальше к юго-западу от второго пилона и от входа в большой зал Рамсес III увековечил себя в великолепном небольшом храме, относительно хорошо сохранившемся до наших дней. Этому же фараону мы обязаны храмом бога луны Хонсу, находящимся в 150 ярдах (ок. 137 метров) к югу. Благодаря своему простому и четкому плану этот храм считается типичным образцом египетской храмовой архитектуры (см. вклейку фото 90).

В Луксорском храме перед законченным сооружением своих предшественников Рамсес II построил большой, окруженный колоннадами двор и возвел в его северной части массивный пилон, чтобы обеспечить монументальным входным порталом весь храмовый комплекс (см. вклейку фото 36). Перед пилоном фараон разместил шесть своих колоссальных статуй и установил два прекрасных обелиска из красного гранита. Один из них до сих пор стоит на своем месте, а другой с 1836 года является главным украшением площади Согласия в Париже.

Как и прежде, уединенная Долина царей и некрополь на западном берегу Фив продолжали оставаться важными местами погребения. Царские гробницы Девятнадцатой и Двадцатой династий относятся к самым впечатляющим памятникам во всей долине Нила, сооруженным человеческими руками. Уже в древности техническое совершенство их композиции вызывало у путешественников восторг и удивление.

Дальше к востоку, там, где предгорья западной пустыни встречаются с плодородной землей, поминальные храмы, построенные Сети I и Рамсесом II (так называемый «Рамессеум»), превосходят в размере, выборе материала и великолепии соседние храмы, возведенные при Восемнадцатой династии (см. гл. 13). Этот длинный ряд храмов в Западных Фивах на юге замыкает огромный храмовый комплекс Рамсеса III, в наши дни известный как Мединет-Абу (см. вклейку фото 91). Благодаря его прекрасной сохранности и тому, что уцелели краски, покрывающие рельефы, этот храм дает наилучшее представление о храмовом пространстве в Древнем Египте. Помимо самого здания, огромная огороженная территория включала многочисленные жилища жрецов, чиновников и солдат, административные сооружения, хранилища, амбары, сады и пруды. Главным входом на эту обширную территорию служило уникальное строение, расположенное в восточной части, — так называемые «высокие ворота», возведенные по образцу сирийских военных укреплений (см. вклейку фото 92). Из их высоких окон открывался чудесный вид на фиванскую долину с ее монументальными сооружениями, расположенными на обоих берегах. Храм стоял в самом центре огромной огороженной территории.

Сооружения Рамессидов украсили не только Фивы (см. вклейку фото 93), но и многие другие города. Например, в Абидосе — священном городе Осириса — в тот период

было построено не менее трех святилищ. Все они, главным образом, были посвящены культу мертвых, подходящему для города Осириса. Первым из них стал небольшой изысканный храм Рамсеса I, который полностью исчез со своего первоначального места, хотя большинство его сохранившихся фрагментов посчастливилось спасти от разрушения. Теперь они хранятся в музее искусств Метрополитен в Нью-Йорке. Затем Сети I построил чудесный, замечательно сохранившийся храм, где находятся одни из лучших рельефов долины Нила, а также уникальный кенотаф. Его сын Рамсес II, будучи еще царевичем, возвел недалеко от сооружений отца и деда собственный красивый храм.

Однако именно южная провинция Нубия была обязана усердию Рамсеса II и его наместника большинством своих сохранившихся памятников, и прежде всего новым изобретением в сакральной архитектуре — скальным храмом. Поскольку в Нубии полоса пригодной для обработки земли вдоль Нила очень узка и слишком ценна, чтобы использовать ее для строительства (см. вклейку фото 21), архитекторы решили разместить хотя бы часть помещений внутри скал. Без сомнения, смелый замысел вырубить в твердом камне храм целиком, от входного пилона до «святая святых», был полностью воплощен лишь в Абу-Симбеле. В большем из двух храмов, расположенных в этом месте, — так называемом «Храме царя», поскольку он был посвящен культу самого Рамсеса II, а также главным египетским богам: Ра-Хорахти, Птаху и Амону, — эта концепция была блестяще задумана и воплощена в жизнь. Природа здесь подчинилась огромной власти, и в результате возникло одно из крупнейших творений человека на земле. Гладко обработанная поверхность скалы представляет обычную форму наклонного храмового пилона; перед ней высеченные из той же скалы и, несмотря на свои гигантские размеры, идеально соотносящиеся с каждой деталью фасада, сидят четыре колосса фараона (см.

вклейку фото 94). Через большой портал посетитель проходит в огромный зал, соответствующий первому двору в храмах обычной планировки. Потолок этого вырубленного в скале помещения поддерживают восемь колонн, расположенных в два ряда, перед каждой из которых стоит портретная статуя Рамсеса II высотой более 30 футов (ок. 9,1 метра) (см. вклейку фото 95). Обычные для египетской храмовой архитектуры дополнительные помещения располагаются здесь позади и по бокам от большого зала. В западном конце, приблизительно в 200 футах (ок. 61 метра) от входа, находится внутреннее святилище с четырьмя вырубленными из скалы статуями богов и самого царя, сидящими бок о бок, на которых до сих пор сохранилась большая часть красок. Из-за недавно принятого решения египетского правительства построить к югу от Асуана новую высотную плотину этот чудесный скальный храм и большинство древнеегипетских памятников, расположенных между первым и третьим порогами Нила, в наши дни, к сожалению, обречены на разрушение.

Скульптура Девятнадцатой династии не может сравниться с произведениями времен Восемнадцатой династии. Большинство царских статуй, а также статуй, изображающих частных лиц, явно условны, хотя есть и исключения, такие как знаменитая статуя Рамсеса II из Туринского музея (см. вклейку фото 88). Как в живописи, так и в скульптуре явно заметен упадок творческих сил. Внимание все больше уделялось внешнему, а некогда великолепные сцены повседневной жизни в гробницах вельмож постепенно уступали место типичным застывшим изображениям богов и заупокойных мотивов того времени. Однако несправедливо было бы отрицать, что в эпоху Ра-

месидов удалось достичь отдельных значительных успехов, особенно в изысканных рельефах храма Сети I в Абидосе, рельефах и росписях на стенах гробниц царей и цариц в Фивах (см. вклейку фото 96) и изображениях в частных гробницах (см. вклейку фото 97). Девятнадцатая династия достойна высшей похвалы, прежде всего, за одно художественное достижение огромного значения. Она сделала изображение победоносного фараона — мотив, который сформировался уже в древнейший период, — из чисто типического реальным. Сражения Сети I с ливийцами и сирийцами изображены в целом ряде отдельных сцен (рис. 11 на с. 261. Подобным же образом Рамсес III приказал запечатлеть в огромных раскрашенных рельефах описания своих битв с ливийцами и народами моря (рис. 12 на с. 267), а изображения его охоты на диких быков, диких ослов и более мелкую добычу опять открыли широкое поле для творческих созидательных усилий. Благодаря этим в высшей степени успешным примерам искусство эпохи Рамесидов ценилось впоследствии, поэтому было бы неверно и нечестно называть эту эпоху одним из периодов, когда египтяне были полностью неспособны создать выдающиеся произведения искусства.

Глава 17

Упадок Египта и потеря независимости

О деяниях Рамсеса IV и семи его преемников, которые в стремлении быть признанными потомками и достойными соперниками великого Рамсеса II при воцарении также принимали имя Рамсес, мало что известно и еще меньше того, что заслуживает описания. Нубия продолжала оставаться под властью Египта, и ею по-прежнему управлял «царский сын Куша». С другой стороны, Палестина и Сирия для империи на Ниле были потеряны. Это было время, когда Тиглатпаласар I основал Ассирийскую империю и укрепился в Северной Сирии, а южнее еврейские племена Израиля и Иудеи постепенно наступали из пустыни и со временем приобретали власть над укрепленными городами обжитой земли. В Египте нарастала смута, страна была раздроблена политическими волнениями и гражданской войной. Фиванские некрополи страдали от непрекращающихся грабежей, которым подвергались не только гробницы древних царей, похороненных в северной части кладбища, напротив Карнака, но даже священная Долина царей. Охрана больше не была достаточно сильной, чтобы предотвратить это разграбление, и, наконец, настала необходимость забрать мумии великих фараонов — многие из которых уже пострадали от рук гробничных воров — из их собственных роскошных гробниц и найти для них безопасное место. Тела владык успешно переместили в неукрашенную шахту, расположенную в скалах неподалеку от храма Дейр-эль-Бахри, где они пролежали нетронутыми, пока их около семидесяти пяти лет назад не обнаружили современные потомки древних грабителей.

В то время как при последних Рамессидах государственная власть становилась все слабее, могущество и престиж Амона и его жречества пропорционально возрастали. Все важнейшие общественные и частные дела регулировались и решались либо жрецами, либо оракулом, который действовал неким таинственным способом в имперском храме Карнака или в храме Хонсу, расположенном поблизости (см. вклейку фото 90). Однако реальной властью располагала армия, внешнеегипетским и нубийским контингентами которой командовал наместник Нубии. Этот чиновник появлялся со своим отрядом в Фивах во время кризиса, чтобы восстановить порядок. Именно такой наместник — человек по имени Панехси — во времена правления Рамсеса XI назначил Херихора, одного из своих младших командиров, верховным жрецом Амона в Карнаке. Спустя всего несколько лет Херихор сам стал наместником Нубии и главнокомандующим. Через некоторое время он также получил должность визиря Верхнего Египта и объединил в своих руках все высшие духовные, военные и гражданские функции государства. Это был единственный шаг к отстранению слабого Рамсеса XI от власти и восшествию на престол вместо него. Благодаря этой узурпации (1085 г. до н. э.) светское государство империи фараонов было «сведено в могилу», а вместо него возникло «теократическое» государство, где главный бог Фив правил через посредничество своих жрецов. Несомненно, его власть не распространялась далеко за пределы Фиваиды, и ей не суждено было продлиться долго.

Некий Смендес провозгласил себя «царем Верхнего и Нижнего Египта» в Танисе, который последние Рамессиды, вероятно, сделали своей столицей. Империи снова

грозил распад на те же две части, что существовали до начала истории. Однако жрец-царь Херихор оказался на высоте положения. Он заключил со Смендесом союз, в соответствии с которым они вдвоем делили власть над всем государством. В свою очередь, внук Херихора Пиноджем I содействовал единству, женившись на дочери второго танисского царя Пусеннеса, после смерти которого он стал править всей страной единолично, тогда как его сыновья были назначены верховными жрецами Амона.

Четыреста лет, последовавших за учреждением «теократического» государства (1085–670 гг. до н. э.), были для Египта периодом политического, экономического и культурного упадка. Центр власти империи переместился в Нижний Египет. Династию Смендеса в Танисе сменили две династии военачальников ливийских наемников, резиденцией которых являлся Бубастис, и династия мелких царьков, сделавших своей столицей Саис.

Воспользовавшись слабостью Египта, Нубия в середине VIII века до н. э. также добилась независимости. Династия местных князей основала независимое царство со столицей в Напате. Фиванский царь богов Амон стал национальным богом, государство должно было рассматриваться как образец теократии, а его царь — как истинный хранитель подлинного характера и культуры Египта. Пока мелкие правители дельты растрчивали свою энергию во внутренней борьбе, нубийцы постепенно наступали, пока не заняли Фивы и не захватили в конце концов практически всю страну. Вместо египетского фараона или узурпатора-ливийца трон Египта занимал чернокожий царь из Эфиопии! Однако его владычество не было долгим. В Азии новую силу после периода упадка набрала Ассирийская держава, и большая часть Сирии опять оказалась под ее властью. Незначительная помощь, которую нубийские правители Египта теперь могли оказать испытывающим сильное давление сирийским князьям и другим владыкам, включая Хусия в Израиле (2 Цар., 17: 1–6), не могла остановить продвижение ассирийцев.

Наконец ассирийцы вошли в Египет, победили незначительных царей нижнеегипетских городов и изгнали нубийцев. И все же спустя несколько десятилетий они были вынуждены отступить и увести свои гарнизоны в Азию. В стране на Ниле снова настал краткий период свободы. Правитель Саиса опять объединил страну, и при его преемниках, царях Двадцать шестой династии — Псамметихе, Априи и Амасисе, — Египет избавился от печальных воспоминаний о нескольких последних веках, чтобы насладиться краткими днями новой славы.

Эта вновь достигнутая свобода дала жизнь новому чувству жизни. Однако существовало отчетливое понимание, что настоящая эпоха пуста. Неизбежным следствием этого стала тенденция обращаться к былым дням. Египтяне пришли к выводу, что эпоха пирамид была золотым веком, когда появилось все, что было важным для Египта. Тем не менее в дополнение к этому изменению в национальном сознании, которое страстно стремилось вернуться к далекому прошлому, не следует забывать, что новая эпоха обладала собственным характером. Ведь теперь Египет сделался более доступным для иноземцев, чем когда-либо прежде. Развивались торговые отношения с Грецией, возобновилось прежнее взаимодействие с Финикией. Результатом стало заметное возрождение экономического процветания.

Сорокачетырёхлетнее правление Амасиса стало одним из самых благополучных и мирных за пять прошедших веков. Однако, когда оно близилось к концу, снова произошло ужасное потрясение, которое во время правления следующего царя, Псамме-

тиха III, вызвало разрушение Египетского царства и потерю жителями долины Нила политической независимости. Как и прежде, буря пришла с востока. В 525 году до н. э. персидская армия под командованием Камбиза пересекла восточную границу, и Египет был включен в качестве персидской провинции в эффективно объединенную структуру новой мировой державы с центром в Персеполе. Хотя в последующие двадцать лет египтяне время от времени сбрасывали иноземное иго, за каждый краткий час свободы в конце концов нужно было платить все более горькую цену. Когда Александр Македонский в 332 году до н. э. с триумфом вошел в долину Нила, египтяне приветствовали его как спасителя и освободителя их страны. Едва ли они осознавали, что тот, кого они чествовали поднятием рук, пришел, чтобы отнять у них национальное правление навеки. Александр превратил древнюю империю фараонов в провинцию греческого мира, и она оставалась таковой в течение трехсот лет, пока не пала жертвой алчной Римской империи. С трагической смертью Антония и Клеопатры закончилась и древняя слава Египта.

Основные события египетской истории

Большинство дат в египетской хронологии являются приблизительными. Даты для периода, который охватывает настоящее издание, установлены благодаря синхронизации с событиями в Западной Азии, однако ассириологи в настоящее время ведут ожесточенные споры по проблемам хронологии.

Доисторический период: до 3200 г. до н. э.

Протодинастический период: 3200–2800 гг. до н. э.

Первая и Вторая династии. Менес, традиционно считающийся первым царем объединенного Египта. Царские гробницы в Абидосе и Саккаре.

Древнее царство: (эпоха пирамид) 2800–2250 гг. до н. э.

Третья династия. Джосер строит грандиозный заупокойный памятник в Саккаре.

Четвертая династия. Хуфу, Хафра, Менкаура строят Великие пирамиды Гизы.

Пятая династия. Сахура, Нефериркара и Ниусерра строят пирамиды в Абусире. Унис покрывает стены помещений своей пирамиды в Саккаре древнейшими религиозными текстами. Расцвет египетской скульптуры.

Шестая династия. Теги, Пепи I, Меренра и Пепи II строят пирамиды в Саккаре. Упадок централизованного государства.

Первый переходный период: 2250–2000 гг. до н. э.

Седьмая — Десятая династии. Падение Древнего царства. Гераклеопольский период. Развитие классической литературы.

Одиннадцатая династия. Интефы и Ментухотепы строят в Фивах централизованное государство.

Среднее царство: 2000–1780 гг. до н. э.

Двенадцатая династия. Мощное централизованное государство со столицами в Мемфисе и Фаюме. Крупные строительные проекты в Дахшуре, Лиште, Иллахуне, Хаваре и Карнаке. Границы империи в Нубии расширяются. Активные контакты с Западной Азией. Цари Аменемхеты I–IV и Сенусерты I–III.

Второй переходный период: 1780–1546 гг. до н. э.

Тринадцатая и Четырнадцатая династии. Малоизвестный период. Множество мелких царьков, некоторые из которых, вероятно, правили одновременно друг с другом.

Пятнадцатая и Шестнадцатая династии. Вторжение гиксосов и завоевание ими Египта. Цари Салатис, Хиан, Апопи. Появление в долине Нила лошади и колесницы.

Семнадцатая династия. Фиванские восстания против гиксосов. Освободительная война. Царь Секененра, вероятно, погиб в бою. Камес наносит захватчикам поражение. Яхмес завершает изгнание гиксосов.

Новое царство: 1546–1085 гг. до н. э. Когда Египет правил Востоком.

Восемнадцатая династия. Аменхотеп I (1546–1525 гг. до н. э.) ведет войну на юге и западе. Он и его мать Яхмес-Нефертари позднее становятся божествами-хранителями Фиванского некрополя. Тутмос I (1525–1508 гг. до н. э.), Тутмос II (1508–1504 гг. до н. э.). Царица Хатшепсут (1504–1482 гг. до н. э.) узурпирует власть у своего племянника Тутмоса III. Во время ее правления Египет пребывает в мире и накапливает силы для завоеваний Тутмоса III (единоличное правление: 1482–1450 гг. до н. э.).

Аменхотеп II (1452–1425 г. до н. э.), в молодости знаменитый атлет, продолжает завоевания своего отца. Тутмос IV (1425–1412 г. до н. э.) откапывает Сфинкса и женится на митаннийской царевне. Аменхотеп III (1412–1375 г. до н. э.) Великолепный женится на Ти, женщине нецарской крови. Его правление — эпоха крупного строительства. Колоссы Мемнона.

Аменхотеп IV (Эхнатон) (1387–1366 г. до н. э.), долгое время соправитель своего отца Аменхотепа III, начинает религиозную реформу, войну против Амона, переносит столицу в Амарну. Его зять Сменккара (около 1370–1366 г. до н. э.), вероятно, никогда самостоятельно не правил. Тутанхамон (1366–1357 г. до н. э.) восстанавливает культ Амона и возвращается в Фивы. Эйе (1357–1353 г. до н. э.) хоронит своего соправителя Тутанхамона и сменяет его на престоле. Хоремхеб (1353–1319 г. до н. э.) считает себя законным преемником Аменхотепа III. Он реорганизует Египетское государство и восстанавливает сильное правительство.

Девятнадцатая династия. Рамсес I (1319–1318 г. до н. э.). Сети I (1318–1299 г. до н. э.) начинает активно завоевывать азиатские владения, потерянные Эхнатоном. Столица переносится в восточную дельту. Рамсес II (1299–1232 г. до н. э.) строит множество храмов и узурпирует памятники своих предшественников. Его сын Меренптах вторгается в Израиль и впервые сталкивается с народами из Европы. Меренптах, Аменмесу, Сиптах, Сети II и эфемерные царьки (вместе 1232–1200 г. до н. э.) слишком слабы, чтобы сохранить могущественное государство.

Двадцатая династия. Сетнахт (1200–1198 г. до н. э.) восстанавливает порядок. Его сын Рамсес III (1198–1167 г. до н. э.) — сильный правитель, отражает вторжение с запада и с севера и спасает свою страну. Погибает от рук убийцы. Рамсесы IV–XI (1167–1085 г. до н. э.) становятся свидетелями неуклонного упадка государства и растущего влияния жречества Амона. Династию в 1085 г. до н. э. свержает верховный жрец Амона Херихор.

Упадок: (1085–332 г. до н. э.)

Двадцать первая династия (1085–945 г. до н. э.). Цари из семей верховных жрецов Амона Карнакского и князей Таниса. Нубия основывает независимое государство с собственным царем и столицей в Напате.

Двадцать вторая — Двадцать четвертая династии (945–712 г. до н. э.). Египет под властью ливийских царей. Шешонк I отдает на разграбление храм в Иерусалиме на пятом году правления царя Иудей Ровоама.

Двадцать пятая династия (712–663 г. до н. э.). Эфиопский период. Египет завоевывают нубийские цари (Шабака, Шабатака, Тахарка). Сопротивляющиеся местные князья, особенно правители Саиса, на время восстанавливают независимость. При Тахарке Египет захватывает Асархаддон (670 г. до н. э.).

Двадцать шестая династия (663–525 г. до н. э.). Псамметих I (663–609 г. до н. э.) в 663 г. до н. э. изгнал ассирийцев, подавил восстания египетских князей и основал новую династию в объединенном Египетском государстве. Период Возрождения в Египте, подражание искусству и культуре классической эпохи. Цари Некау (609–594 г. до н. э.), Псамметих II (594–588 г. до н. э.), Априй (588–569 г. до н. э.), Амасис (569–526 г. до н. э.); Псамметих III (525 г. до н. э.) становится свидетелем завоевания Египта персами под предводительством Камбиза.

Двадцать седьмая — Тридцатая династии (525–332 г. до н. э.). Египет под властью персов, иногда им правят местные цари под руководством персов, включая Нектанеба

I (378–360 гг. до н. э.) и Нектанеба II (359–341 гг. до н. э.).

332 год до н. э.

Завоевание Египта Александром Македонским. Конец национального правления. После смерти Александра (323 г. до н. э.) Египтом правят Птолемеи до смерти Клеопатры (30 г. до н. э.), когда страна становится римской провинцией под властью Августа.

Примечания

1

Я разгадал их! (фр.)

Гомер. Илиада. Песнь девятая. Пер. Н. Гнедича. (Примеч. пер.)